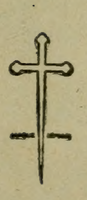
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00116743 6

Surguchev, Il'ia Dmitrievich

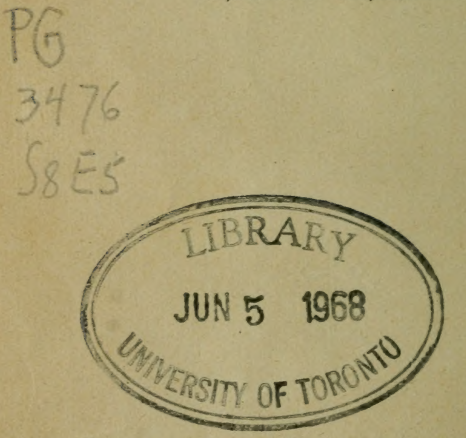
ИЛЬЯ СУРГУЧЕВЪ

Émigrantskie razskazy

ЭМИГРАНТСКІЕ РАЗСКАЗЫ



КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЗРОЖДЕНІЕ“ — „LA RENAISSANCE“
2, rue de Sèze, Paris (9).


LIBRARY
JUN 5 1968
UNIVERSITY OF TORONTO

МИНІАТЮРЫ.

I.

МЫШЬ ВЪ ШКАФУ.

Когда факиръ спокойно держитъ въ рукѣ извивающуюся, шипящую, смертоносную кобру, — вы уже не такъ боитесь ея: спокойствіе одного всегда заражаетъ другого.

Когда на войнѣ, послѣ Луцкаго прорыва, вы видѣли тысячи убитыхъ и умирающихъ людей, а лѣтній день былъ спокоенъ и безпеченъ, и въ свой опредѣленный часъ, всѣ — на опредѣленныя мѣста, вышли на небо спокойныя звѣзды, ордена Господа Бога, которые Онъ Самъ Себѣ пожаловалъ за сотвореніе великолѣпнаго міра; и лѣсъ такъ же, какъ и вчера, спокойно и безсвязно бормоталъ на сонъ грядущій свои тайныя слова: березовыя, кленовыя дубовыя и каштановыя; и доктора , въ окровавленныхъ халатахъ жадно, съ ложекъ, ѣли пережаренную личницу-глазунью и азартно, ругательски ругали деньщиковъ за то, что нѣтъ перцу и водку разбавили только на сорокъ градусовъ: испорченъ спиртъ , — вы думали:

— Боже мой! Что же такое смерть? Что такое: умереть?

И отвѣчали сами себѣ потихоньку:

— Это же легче, чѣмъ вырвать зубъ.

Начиная съ первыхъ дней, какъ я попалъ на войну и изъ Вендена, по великолѣпному шосссе, покатилъ туда, откуда слышалось равномѣрное и спокойное, даже скучное, буханье гранатъ, — въ мой мозгъ забралась какая то неясная, хитрая, неуловимая мысль, осторожно жила тамъ, какъ мышь въ шкафу; и, какъ я ни настораживался, какъ ни ловчился, — никогда не могъ поймать ее, ухватить, понять въ чемъ дѣло, — и точно формулировать. Порою, и очень долго, она оставляла меня въ покоѣ, и, лежалъ ли я на диванѣ, ея не было около меня; читалъ ли занятную книгу, — она не юлила между строкъ; слѣдилъ ли, сидя на византійскихъ стѣнахъ, за ходомъ корабля безпечно пошедшаго въ Америку, — она не приставала ко мнѣ. Но иногда, — неожиданно вонзалась въ мозгъ и три — четыре дня не давала покоя, какъ зубная боль.

II.

ШЕРСТЯНЫЕ ЧУЛКИ.

Въ осенній ноябрьскій день на константинопольскій рейдъ пришло изъ Крыма 65 русскихъ кораблей. Боже мой! Что стало съ этимъ шумнымъ, веселымъ, старымъ жульническимъ городомъ! Корреспонденты, армянскіе монахи, кинематографисты, паши, англичане, турчанки въ непроницаемыхъ вуаляхъ, дервиши въ высокихъ сѣрыхъ камилавкахъ, представители вселенскаго патріархата, умные мальчики въ короткихъ штанишкахъ и съ аппаратами 9×12, люди съ биноклями Цейса, — все высыпало на берегъ и смотрѣло, какъ на рейдѣ, съ поднятыми желтыми санитарными флагами, стоятъ 65 русскихъ кораблей, перегруженныхъ до отказа, безсильно повалившихся на бокъ отъ непомѣрной тяжести. Люди, пришедшіе на этихъ корабляхъ, ѣли американскіе галеты и англійскій, красный, неразогрѣтый корнъ-бифъ. Не хватало у нихъ, вотъ уже нѣсколько дней, одного: прѣсной воды.

И вотъ я видѣлъ, какъ ловкіе и предпріимчивые греки, сразу сообразившіе, въ чемъ дѣло, повезли къ этимъ кораблямъ аппетитные (изъ подъ вина) толстостѣнные, обитые обручами боченки съ прѣсной, соблазнительно чистой и прохладной водой изъ источниковъ Терапіи, Бейкоса и Буюкъ-Дэрэ. Загадочно улыбаясь, греки требовали лиру за ведро, — по тогдашнему счету два милліона рублей.

Лиръ не было, — и скоро, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, на веревкахъ, съ высокихъ корабельныхъ бортовъ, въ греческую лодченку съ надписью: «Мегала Элласъ», поползли кожаныя безрукавки, обручальныя кольца, френчи, съ которыхъ не отпарывали орденскихъ нашивокъ, сапоги, стыдливо свернутое бѣлье. Одежу грекъ долго и внимательно разсматривалъ на свѣтъ: не побило ли молью? Въ сапогахъ — стучалъ пальцами по подошвамъ, прислушиваясь чуткимъ ухомъ къ вѣрности звука. Кольца задумчиво и меланхолически взвѣшивалъ на ладоняхъ, какъ на вѣсахъ: сначала на лѣвой, потомъ на правой. А люди, получавшіе воду, пили ее, какъ причастіе, и потомъ кричали внизъ греку:

— Сукинъ же ты сынъ! Ты же православный! Ты же, когда крестишься, кладешь руку сначала на правое плечо, а потомъ на лѣвое. Какимъ именемъ тебя, собака, назвать надо?

Грекъ не понимая, мило улыбался, привѣтливо кивалъ головой, дѣлалъ ручкой и отвѣчалъ:

— Кардашъ! Кардашъ!

Что по турецки значитъ: пріятель.

А потомъ, разсмотрѣвши, что на подоспѣвшихъ въ это времяноскахъ, на пяткахъ, есть дыры, — замоталъ головой, испуганно замахалъ руками; и можно было подумать, что на веревкѣ ему спустили не чулки, а тарантула. Владѣлецъ же оныхъ, приложивъ ко рту ладони, кричалъ, какъ въ рупоръ, шелъ на всякіе компромиссы и просилъ за носки уже не стаканъ, а всего — полстакана воды изъ этого вкуснаго, прохладнаго, тридцативедернаго боченка. И зря, и долго, мѣшая греку, мотался на узловатой веревкѣ остроносый, закопченный, жестяной чайничекъ и рядомъ съ нимъ — связанные, продранные на пяткахъ, сѣрые, шерстянные носки.

III.

ПЛАЩАНИЦА.

Страстная недѣля все въ томъ же шумномъ, веселомъ, старомъ Константинополѣ, — городѣ трехъ праздниковъ: пятницы, субботы и воскресенья. Захотѣлось сохранить на чужбинѣ дѣдовскій обычай; и я, съ утра не пивши и не ѣвши, пошелъ приложиться къ плащаницѣ. Греческая церковь налита народомъ, какъ водой. Чтобы не было толкотни, устроили двѣ деревянныхъ баллюстрады; и по нимъ очередью тянулись благочестивые люди.

У грековъ есть прекрасный обычай; каждому, поцѣловавшему мертваго Христа, даютъ стебель жасмина. Около Господня Гроба сидитъ жирный, смѣтливый и ласковый староста съ напомаженными волосами, съ подтаявшимъ отъ жары воротникомъ, съ часами въ верхнемъ карманѣ жилета; и каждому, поцѣловавшему раны замученнаго Бога, даетъ этотъ черномазый староста благоуханный, чистый, похожій на земную звѣзду цвѣтокъ жасмина. Въ очереди съ греками шелъ-ко Христу и я.

Староста, раздававшій жасмины, внимательно, опытнымъ глазомъ, изучалъ эту приближавшуюся ко Гробу человѣческую цѣпь. Кофейные, рыжіе глаза его осторожно, но досконально изучали наши пальто, наши пиджаки, дородство, сытость, вылощенность и выбритость лицъ, — и я отлично видѣлъ, какъ человѣку, у котораго въ галстукѣ была воткнута брилліантовая буква S, онъ выбралъ изъ верхняго слоя самый лучшій жасминъ. Женщинѣ,

у которой на шляпкѣ были явно перелицованныя ленты, онъ далъ больной жасминчикъ съ желтыми, уже увядающими краями; барынѣ въ каракулевой шубѣ и въ свѣжихъ лайковыхъ туго натянутыхъ перчаткахъ съ пустыми концами, онъ далъ пару жасминовъ, улыбнулся, и даже привсталъ. Наконецъ, его взглядъ дошелъ до меня и я видѣлъ, какъ въ мозгу у него закипѣла мрачная, напряженная и безпокойная работа:

— Русскій? мучительно спрашивалъ онъ себя и отвѣчалъ: «ну, да, русскій, свѣтлоглазый. Православный? Да, такой же, какъ и я: кладущій руку сначала на правое плечо, а потомъ на лѣвое. Но что можетъ этотъ голодранецъ положить на тарелку? Что у него есть въ карманѣ?»

Человѣкъ, у котораго въ галстукѣ была брилліантовдя буква, положилъ на тарелку 20 піастровъ; женщина, у которой были перелицлванныя ленты, положила 10 піастровъ; барыня въ каракулевой шубѣ своими лайковыми, пустыми на концахъ пальчиками опустила розоватую юсъ-пара, т. е. 2 ½ піастра. Я тоже за всѣми слѣдилъ, былъ внимателенъ, давно разгадалъ всѣ мысли грека и думалъ, приближаясь ко Христу:

— Ему, Который льна курящагося не угаситъ и трости надломленной не переломитъ; Агнцу Божію, взявшему на себя всѣ грѣхи міра; вечернему Свѣту тихому, пришедшему на западъ солнца,— неужели я положу Ему меньше другихъ?

И положилъ на тарелку 50 піастровъ.

Но у грека не было вѣры въ меня. Завидѣвъ мое приближеніе, онъ спѣшно досталъ изъ кармана записную книжечку, началъ ее перелистывать, углубился въ какую то неразборчивую запись, повѣсилъ на середину носа серебряное пенснэ и сдѣлалъ видъ, что по причинѣ этой дѣловой сосредоточенности онъ забылъ давать людямъ жасмины. А жасмины, какъ свѣчи, горящія бѣлымъ, не жгущимъ, но душистымъ огнемъ, лежали въ коробкѣ съ клеймомъ цвѣточнаго магазина. Я задержался на секунду передъ ними, но грекъ настороженно не поднялъ глазъ;

а когда я, съ пустыми руками, безъ жасмина пошелъ къ выходу и оглянулся, то увидѣлъ, какъ онъ услужливо и ласково, привычнымъ жестомъ, подаетъ мой цвѣтокъ господину съ атласными отворотами на лѣтнемъ пальто.

По старой, широкой лѣстницѣ я сошелъ на весеннюю улицу, налитую теплымъ воздухомъ, съ южнымъ, высокимъ, полукруглымъ небомъ, съ облаками, плывущими на Россію, — и заглянулъ въ свой кошелекъ. У меня оставалось еще 5 піастровъ. Я пошелъ къ турку на уголъ и купилъ у него 5 чудесныхъ, бѣлоснѣжныхъ жасминовъ, какихъ, пожалуй, не получилъ и господинъ съ брилліантовой булавкой. И бережно защищая отъ солнца и пыли, понесъ ихъ домой, какъ когда то въ Россіи носилъ огонекъ отъ Страстного Четверга.

IV.

ВЪ ГАЛАТСКИХЪ ПЕРЕУЛКАХЪ.

По самой богатой, по самой широкой, по самой благоустроенной улицѣ, — по улицѣ банковъ, она же — улица Воеводы, — я иду внизъ: изъ Перы — въ Галату.

Жара переходитъ въ пріятную, истомную теплоту. Банки съ часу дня закрыты и уже срослись съ камнемъ стѣнъ чугунныя, — вездѣ чугунныя, вездѣ прочныя, не пробиваемыя и непроницаемыя банковскія двери. Credit Lyonnais, Credito Italiano, Deutsche Bank, Russe pour le Commerce etranger, Sud-Centrale, Banque Ottomane. la Regie des Tabacs de l'Empire Ottoman, банкъ со страннымъ названіемъ: «Афинская Трапеза», банкирскія конторы Мустахиса, Варталити, Склириса, Турлитахи, — греческія, турецкія, французскія, русскія, итальянскія, англійскія вывѣски: желѣзныя, чугунныя, мраморныя, хрустальныя, алебастровыя. Выпуклыя, увѣсистыя, солидныя, внушительныя, очень четкія, безъ грамматическихъ ошибокъ.

Прихожу въ Галатскіе переулки. Старые, то двухъ, то трехъ-этажные дома, — старые, старые: кажется, что они — еще генуэзской постройки. Нижніе этажи этихъ домовъ раздѣлены на клѣтки. Въ каждомъ окнѣ сидитъ почти голая женщина и каждому проходящему стучитъ наперсткомъ въ стекло. Если проходящій оглянется, она и глазами, и грудью, и руками зоветъ его и выявляетъ всю

свою соблазнительность. Если проходитъ русскій, она поднимаетъ раму и чуть насмѣшливо кричитъ:

— Каспадинъ Карашо! Каспадинъ Карашо! Иди сюда!

«Карашо» — это по ихъ мнѣнію наше общее имя.

Красивыя и безобразныя, проживающія мѣсяцъ за годъ, десятилѣтнія дѣвочки, у которыхъ еще не начинала наливаться грудь, которымъ еще, даже здѣсь, дарятъ куклы, старухи, съ грудями, какъ пустые табачные кисеты. Все намазано, все нарумянено, какъ у актеровъ для вечерняго представленія.

Съ улицы видны незатѣйливыя внутренности клѣтокъ. У окна — женщина, въ глубинѣ комнаты, за ситцевой занавѣской, кровать или диванъ, похожіе на плаху. И неизбѣжная, вывѣшенная на самое почетное мѣсто, символъ гигіены, чистоты и здоровья, — эсмархова кружка съ длинной желтой кишкой.

Около кафэ сажусь на соломенный, низкій, плетенный табуретъ. Подходитъ служитель въ бѣломъ фартукѣ и, улыбаясь, спрашиваетъ:

— Карашо?

Я коротко отвѣчаю ему:

— Чай.

Онъ дѣлаетъ радостное движеніе и скоро приноситъ мнѣ на изящномъ мельхіоровомъ подносикѣ пузатый стаканчикъ крѣпкаго, персидскаго чая, сахаръ и ломтикъ свѣжаго, душистаго лимона. Все это онъ ставитъ на сосѣднюю табуретку, смахиваетъ пыль и надолго оставляетъ меня въ покоѣ.

Я получилъ право спокойно сидѣть, курить, смотрѣть и слушать.

И мнѣ скоро кажется, что этимъ генуэзскимъ домамъ, похожимъ въ отдѣльности, на тотъ домъ, въ которомъ жилъ Христофоръ Колумбъ, — этимъ домамъ, какъ многимъ старикамъ, замученнымъ болѣзнями, хочется смерти. Мнѣ кажется, что если бы у нихъ хватило силы, они бы, вотъ эти черные, загнившіе отъ сырости камни,

— они бы тронулись со своихъ старыхъ, галатскихъ мѣстъ, вышли бы въ поле, подальше отъ людей, стали бы тамъ посерединѣ и, въ одно мгновеніе, разсыпались въ мелкій прахъ.

Ночью здѣсь, въ этихъ переулкахъ, шумно, днемъ — наоборотъ: звуки медленные, однообразные, монастырскіе, тихіе. Лѣниво переговариваются между собой, изъ окна въ окно, на разныхъ языкахъ, женщины, близко и досконально знающія другъ друга, каждую ленточку въ волосахъ, каждый піастръ въ кошелькѣ, каждое колечко, каждую промысловую удачу, каждый кусочекъ бирюзы, исторію перваго соблазна, имена любовниковъ, которыхъ тамъ, въ міру, любили и которые бросили ихъ изъ жизни сюда, въ тѣнь смертную, въ незасыпанныя могилы, гдѣ мѣсяцъ отмѣчается за годъ, гдѣ — неизбѣжная болѣзнь, съѣдающая тѣло, какъ огонь — бумагу; гдѣ — воздыханія, безсильная въ минуты сна злоба на міръ, на Бога, на небо, на любовь, лютую и безпощадную, какъ змѣя, и дѣлающую изъ человѣка змѣю, которая всѣмъ улыбается, всѣхъ зоветъ, всѣмъ стучитъ наперсткомъ и жалитъ.

Этотъ крѣпкій, похожій на густое токайское вино чай, — я боюсь его пить: кто знаетъ, какимъ ядомъ вымазаны края затѣйливаго, пузатаго стакана? Кладу въ него весь сахаръ, лимонъ, мѣшаю ложечкой, и, когда вижу лицо служителя, удивленнаго моей медлительностью въ питьѣ, незамѣтно выливаю его въ маленькую водосточную канавку, которая бѣжитъ у краевъ троттуара.

Изъ противоположнаго окна за мной наблюдаетъ умная и тихая женщина, которая мнѣ давно нравится, понимаетъ мой жестъ, мои мысли, и укоризненно качаетъ головой. Когда я уйду, она разскажетъ о своихъ наблюденіяхъ моему служителю, и мнѣ почему-то дѣлается не по себѣ.

Въ кафэ — оркестръ изъ трехъ человѣкъ. Вечеромъ онъ усиливается до семи. Въ унисонъ, подъ унисонный же аккомпаниментъ, они, эти три человѣка , начинаютъ пѣть пѣсню.

Какъ описать пѣсню чужого народа?

Сначала кажется, что они изъ всѣхъ силъ орутъ. Лупятъ пальцами по струнамъ, всѣ трое, и задравъ головы кверху, какъ слѣпые (а, можетъ, — они и въ самомъ дѣлѣ слѣпые?) орутъ. Потомъ, это какъ то влѣзаетъ въ ухо, начинаетъ тамъ размѣщаться, звукъ отчетливо нанизывается на звукъ, выдѣляются правильно построенныя, музыкальныя фразы и начинаешь чувствовать, что это — тебѣ не мѣшаетъ.

Пѣсня развертывается, какъ нитка изъ клубка: не спѣша, но и не прерываясь. Паузъ нѣтъ: удивляешься, когда пѣвцы успѣваютъ переводить духъ. Это дѣлается искусно. Черезъ нѣкоторое время пѣсня не только не мѣшаетъ тебѣ, — но и начинаешь слушать ее. А потомъ — только и дѣла, что слушаешь и улыбаешься. Вдругъ поворачиваешь голову: подавальщикъ персидскаго чая, стоя на троттуарѣ, во весь голосъ подхватилъ мотивъ. За нимъ замурлыкалъ человѣкъ пьющій пиво. За нимъ вступила старуха изъ противоположнаго дома, зазывало, выхваляющая своихъ хорошихъ, чистенькихъ и здоровенькихъ, сидящихъ тутъ же барышень. За нею, помимо, воли подхватываю мотивъ и я, и вижу, какъ онъ красивъ и воздушенъ, и остроуменъ. и разбираюсь уже, что главная его прелесть въ томъ, что онъ построенъ по восточной, энгармонической гаммѣ, въ четвертяхъ тоновъ; что выдумало его чье-то чистое человѣческое сердце; что поетъ оно о нераздѣленной любви; о конѣ, несущемъ всадника въ поднебесье; о фонтанѣ, бьющемъ въ мечети; о голубяхъ, летающихъ въ куполѣ; и о Богѣ, который спасетъ человѣка.

Видя, что турецкую пѣсню пою и я, русскій господинъ Карашо, мнѣ улыбается, не продажно, а по человѣчески, женщина, слѣдившая за моимъ чаемъ, и тоже поетъ. Безсознательно, съ середины, къ намъ присоединяется дѣвочка, высунувшаяся изъ окошка и кормящая толстаго, суетливаго, наглаго воробья и ея хозяйка, починяющая простыню. Очень скоро пѣсня, какъ огонь, перебрасываю-

щійся съ крыши на крышу, ползетъ по всему недлинному переулку, перестаютъ стучать наперстки, затуманиваются, каріе, черные, сѣрые, синіе, зеленые глаза и воображаютъ: нераздѣленную любовь; коня, несущаго всадника въ поднебесье; фонтанъ, бьющій въ мечети; голубей, летающихъ въ куполѣ; и Бога, который спасетъ человѣка.

И вдругъ, я невольно замѣчаю то, чего раньше никогда не замѣчалъ: у противоположнаго дома — деревцо, молодое и нѣжное, единственное въ переулкѣ, прильнувшее къ фасаду, изъ подъ фундамента вытянувшее свою зеленокудрую головку на высоту третьяго этажа и скоро доползущее туда, за крышу, откуда оно увидитъ все: весь міръ, всѣ мечети, голубой Босфоръ, Золотой Рогъ, маякъ, далекіе острова, кипарисы скутарійскаго кладбища и святой Эюбъ, генуэзскую башню, стѣны Византійскихъ императоровъ, семибашенный замокъ, Сладкія Воды, мосты, пароходы, плывущіе въ Россію, въ Италію, въ Африку, въ Грецію, въ Америку...

Почему я раньше не замѣчалъ это деревцо, единственно чистое, что есть въ этомъ переулкѣ? Пою пѣсню и ругаю себя за ненаблюдательность.

... Слышу, ясно слышу, какъ съ праваго угла переулка пѣсня смолкаетъ. Какъ будто въ пылающій костеръ начали съ одного конца лить воду. Въ чемъ дѣло?

Смотрю: по переулку, въ синемъ костюмѣ tailleur, въ желтыхъ плоскихъ башмакахъ, дѣлающихъ женщину похожей на гусыню, — идетъ англичанка, идетъ медленно, съ повадкой обычнаго туриста, не отнимая черепаховаго лорнета отъ любопытныхъ, прищуренныхъ, близорукихъ глазъ. Все больше и ближе смолкаетъ пѣсня. Мнѣ показалось; вотъ идетъ классная дама, и съ ея появленіемъ прекращается шумъ, водворяется тишина, и сейчасъ начнется урокъ. Однако, тишины нѣтъ: гдѣ-то хлопнула одна стеклянная дверь, другая, третья. На улицу, въ короткихъ, смятыхъ ночныхъ рубахахъ, въ туфляхъ на босу ногу, выскакиваютъ разъяренныя женщины, что то, какъ ужаленныя, кричатъ на всѣхъ тарабарскихъ

нарѣчіяхъ, плюются, жестикулирують, хватаются руками за бока, полукольцомъ окружаютъ англичанку и не даютъ ей дальше прохода. Мрачными огнями горятъ обычно покорные, привыкшіе къ ласковой гримасѣ глаза, и вдругъ — на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ — среди общаго гвалта и тарарама — слышу:

— Ты что, стерва? Смотрѣть сюда пришла? Карточки снимать? Очками своими похваляться?

Черезъ минуту вокругъ англичанки сгрудился весь переулокъ. Старыя, молодыя, нарумяненныя, набѣленныя съ крупинками краски на рѣсницахъ, съ испорченными зубами, съ опухолями подъ глазами, съ фантастическими прическами, съ брыжжущими отъ бѣшенства ртами, — всѣ онѣ, казалось, еще одна минута, — и набросятся на нее, на вымытую, добродѣтельную, въ синемъ костюмѣ tailleur, и разорвутъ. Появленіе женщины изъ того, изъ верхняго міра; женщины, лорнетъ которой, придавалъ какую-то особенную, горделивую надменность; въ глазахъ которой, всѣ онѣ, галатскія, были презрѣнными тварями; которая пришла и опять уйдетъ въ свой чистый домъ, въ свою чистую и душистую спальню, — появленіе такой женщины вызывало у обитательницъ переулка нестерпимую ярость.

И прислужникъ, и пившій пиво, и какіе то люди въ фескахъ вскочили на табуреты и, затаивъ дыханіе, смотрѣли, какъ развертывается спектакль.

— Вонъ отсюда, стерва! Чтобъ ноги твоей здѣсь не было! И дѣтямъ въ поминаніе закажи! — кричала изступленно русская и сама же первая не пускала англичанку впередъ.

Англичанка была настороженно-спокойна, какъ сторожъ, вошедшій въ клѣтку съ дикими звѣрями. Она поворачивалась во всѣ стороны, разсматривала каждое лицо, не проронили ни одного слова и только, все ближе къ глазамъ, прижимала свой лорнетъ. Уже шелъ къ ней на выручку гдѣ-то на главной улицѣ затерявшійся спутникъ ея, англійскій офицеръ, который началъ съ того, что, не выпус-

кая трубки изо рта и не вынимая рукъ из кармановъ, сталъ ногой бить женщинъ и что-то нечленораздѣльно рычать по англійски, сквозь сжатые зубы. Женщины, какъ мыши, въ которыхъ бросили камнемъ мгновенно разбѣжались по своимъ норамъ и притаились. На мѣстѣ происшествія, осталась только чья-то потертая, синяя, шелковая подвязка. Зрители стоявшіе, на табуретахъ, весело расхохотались. Спектакль былъ оконченъ. Англичане, медленно, разсматривая окна, прослѣдовали дальше.

— Съ этими крошками шутить опасно, сказалъ по французски человѣкъ, пившій пиво: «не ходи сюда тотъ, кому не надо. Разорвутъ. Бывали случаи».

Скоро въ переулкѣ, переваливаясь , толстые, спокойные, упитанные, съ резиновыми палками за спинами, показались американскіе полисмены. Нервнѣе застучали по стекламъ четкіе наперстки и жизнь пошла обычнымъ ходомъ.

V.

ЧТО ТАКОЕ СОВѢСТЬ?

Уже поздно. Уже пересталъ ходить фюникулеръ, черезъ каждыя двѣ минуты перетаскивающій изъ Галаты въ Перу и изъ Перы въ Галату по пяти вагоновъ человѣческаго мяса. Снова, уже въ гору, иду я по улицѣ Банковъ, мимо заснувшихъ и тщательно теперь охраняемыхъ: Credit Lyonnais, Credito Italiano, Deutsche Bank, Russe pour le commerce etranger, Sud-Centrale, Banque Ottomane, La Regie des tabacs de l'Empire Ottoman, мимо банка со страннымъ названіемъ «Афинская Трапеза», мимо конторъ Мустакиса, Варталити, Склириса, Турлитахи.

Льется лунный, оперный свѣтъ. Молодой мѣсяцъ, еще недѣлю тому назадъ такой изящный, такой стройный, похожій на юнаго рыцаря, законваннаго въ серебрянныя латы, теперь растолстѣлъ, отпустилъ брюхо и сталъ похожъ на лысаго банкира.

И опять, какъ мышь въ шкафу, начинаетъ шевелиться неясная, хитрая, неуловимая мысль:

— Что такое человѣческая совѣсть?

Цѣлая научная дисциплина, именуемая германской идеалистиеской школой, цѣлое столѣтіе доказывала, что совѣсть — врожденное свойство души человѣческой. Святой Тертулліанъ училъ, что душа — по природѣ христіанка.

Сажусь на какіе то теплые каменные порожки,

закуриваю свою предпослѣднюю extra-extra, и мнѣ, вотъ уже восемь лѣтъ видящему міръ такимъ, какимъ онъ есть, до смѣшного ясно, что совѣсть — это такая же условность, не имѣющая никакого отношенія къ душѣ, какъ, скажемъ, обычай рыбу и рубленныя котлеты ѣсть только вилкой. И рыбу, и рубленныя котлеты можно отлично ѣсть и ножемъ. Вкусъ ихъ отъ этого нисколько не измѣняется.

Сижу, курю. Растолстѣвшій рыцарь смотритъ съ неба. Гдѣ-то бьютъ часы. Подходитъ сторожъ и говоритъ по турецки, по-гречески и по-французски, что здѣсь сидѣть нельзя. Какому-то Кредиту отъ этого опасность. Иду дальше. Тепло и тихо. Скоро ночь. Мышь шуршитъ.

ШВЕДСКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

Когда я сѣлъ за столъ, мой визави ѣлъ уже соль фритъ: посмотрѣлъ на меня не доброжелательно, налилъ въ стаканъ сотерну, смачно влилъ въ себя два-три глотка и невнятно, по русски пробормоталъ:

— Нда-а... Ничего себѣ.

Въ этомъ французскомъ ресторанчикѣ, чистенькомъ и дешевенькомъ, обѣдали обычно люди, профессію которыхъ трудно было угадать. Не возбуждали, впрочемъ, сомнѣнія изящно подкрашенныя и ловко заворачивавшія себя въ пальто парижаночки. Это были: или обитательницы ближайшихъ отелей, встающія отъ сна къ семи часамъ вечера, или фигурантки изъ сосѣдняго мюзикъ-холля, — народъ веселый, стрекочущій и налегающій на мороженое.

Я пришелъ въ то время, когда ресторанъ на три четверти уже пустъ и въ меню вычеркнуты наиболѣе ходкія блюда. Расчетъ былъ такой: попозже пообѣдать, послѣ обѣда перебраться въ мюзикъ-холль, гдѣ подвизался знаменитый комикъ, а затѣмъ къ полуночи зайти въ какое-нибудь кафе съ музыкой, спросить бокалъ шампанскаго и, чокнувшись о блюдечко, поздравить себя съ русскимъ Новымъ Годомъ.

Парижъ, 13 января, будничный день, будничные люди, будничныя заботы, три короля уже отпразднованы, газеты доказали, что григоріанскій календарь правильнѣе юліанскаго — чего-бы, кажется, огородъ городить съ русскимъ Новымъ Годомъ? Но когда наступаетъ

вечеръ и моросить мутноватый дождь, то невольно вспоминаешь морозныя снѣжныя поля, особенный облескъ зимнихъ звѣздъ надъ Россіей, отполированные слѣды полозьевъ , скрипъ входныхъ дверей Александринскаго Театра, и въ душѣ возникаетъ волунующее чувство, которое поэты называютъ сладкимъ, и ясно сознаешь: нѣтъ! этого вечера пропустить нельзя.

Но куда пойти?

И тутъ помогъ знаменитый комикъ: 15 лѣтъ онъ сочинялъ номеръ, который длится всего сорокъ минутъ. Отчего не посмотрѣть его въ новогоднюю ночь?

... Не успѣлъ мой визави покончить съ рыбой, — какъ Пьеръ , нашъ гарсонъ, уже принесъ ему огромный шатобріанъ съ зеленью, съ новой картофелью и широкую темную бутылку, традиціонную для moulin au vent. Ясно, что человѣкъ ѣстъ и пьетъ по всѣмъ правиламъ: гурманъ изъ «бывшихъ»? Можетъ быть, но руки — не свѣжія, воротничекъ — не свѣжій, костюмъ, хоть и съ платочкомъ въ верхнемъ карманѣ, но тоже не свѣжій, галстукъ купленъ въ Луврѣ, на улицѣ. Посыпалъ солью картофель, надавилъ мясо ножемъ: мягко, слегка кровоточитъ, ca va. Забралъ въ ротъ два куска, налилъ, постепенно поднимая бутылку, полстакана, смочилъ разжеванное мясо, прислушался: вкусно, гармонично, ca va. Вѣроятно заботится о пищевареніи: жуетъ долго, методично, глядя исподлобья.

Ясно: соотечественникъ вкушаетъ особый, продуманный, новогодній обѣдъ, франковъ на 40, — явленіе въ этомъ ресторанѣ рѣдкое.

Пьеръ сообразилъ: кліентъ настоящій, если даже 10% на пурбуаръ заплатитъ и то хлѣбъ и сталъ подбочениваться. Когда то онъ служилъ у Пайара, но начался ревматизмъ, пальцы разбухли отъ утолщеній, шагъ потерялъ эластичность, колѣни стали деревянными, — и пришлось перейти къ Дювалю, въ одно изъ центральныхъ отдѣленій. Но черезъ два года, уже у Дюваля, на-

чалъ ходить раскорякой, въ рукѣ больше пяти блюдъ удержать не могъ, передъ самой войной облилъ соусомъ кассира изъ Ліонскаго Кредита, а во время войны Дюваль поставилъ бригаду женской прислуги — пришлось спуститься до Шартье. Здѣсь ни кого не удивляло, если онъ мочилъ въ супѣ ногти, поднималъ съ пола вилку, не вытирая, или начиналъ ругать кліента за привередливость.

Въ этотъ вечеръ смотрю на Пьера и глазамъ своимъ не вѣрю: откуда эластичныя, ухаживающія движенія? Тарелка, не сунутая по прямой линіи, а поданная волнистымъ движеніемъ? вилка, поднесенная въ двухъ пальцахъ съ отопыренными мизинцемъ, похожимъ на вопросительный знакъ? Заложивъ руку за спину, Пьеръ выслушивалъ продолженіе заказа. Соотечественнику хотѣлось спаржи, но Пьеръ зналъ, что спаржа — и не вкусная, и холодная, и разогрѣвать ее не будутъ, но не хотѣлось ему огорчать кліента и, какъ въ былые далекіе дни, онъ озабоченно поджалъ губы, помялъ салфетку и предложилъ:

— А не лучше ли господину съѣсть зеленыхъ бобовъ?

Господинъ поднялъ глаза, провѣрилъ впечатлѣніе и спросилъ:

— Ты думаешь?

Пьеръ развернулъ руки широкимъ, подчиняющиммясяжестомъ и отвѣтилъ:

— Я такъ думаю. Рекомендовать спаржу у меня не хватило бы смѣлости.

И оба они взаимно — соболѣзнующе покачали головой. Воистину, эта была пѣсня безъ словъ. Не зная другъ друга, чужіе люди, французъ и русскій, по какому-то, очевидно, врожденному въ человѣкѣ влеченію къ театру, они молчаливо согласились еще разъ полюбоваться и насладиться своимъ прошлымъ и разыграть въ лицахъ самыя яркія переживанія своей жизни. Онъ — баринъ,

тонкій гастрономъ, любитель и цѣнитель винъ, и онъ — лакей великолѣпнаго надушеннаго ресторана.

Я видѣлъ, какъ Пьеръ помолодѣлъ лѣтъ на 15, какъ снова былъ надѣтъ на немъ элегантный фракъ, какъ снова засвѣтили людовиковскія люстры Пайара, какъ лаковыя туфли заскользили по пушистому ковру и серебрянныя блюда съ высокими звенящими покрышками пріятно обжигали пальцы, сухіе и вымытые; какъ его носъ ощутилъ волну обильнаго промасленнаго пара, и ухо услышало оффенбаховскую мелодію деликатнаго, словно подъ сурдинку играющаго оркестра.

— Давай haricots, но чтобы... — предостерегающе, не доканчивая, сказалъ съ акцентомъ высокій гость, — быть можетъ, принцъ сѣверныхъ странъ.

Пьеръ лѣвой ладонью сдѣлалъ мягкій, успокаивающій жестъ и исчезъ. Принцъ вздохнулъ и закрылъ глаза. Что вспомнилъ? Московскую ли «Прагу», петербургскій ли «Медвѣдь»? Наглаго, пучеглазаго Гулеску, вылѣзающего изъ своего жабо? Балетныхъ ли актрисъ, кружочкомъ обѣдающихъ въ углу?

— И э-эхъ!

Плохой актеръ, срывающійся, ненадежный. Не почувствовалъ , что публика уже сидитъ въ зрительномъ залѣ.

И, помимо моей воли, какъ хитрые, учтивые воры съ сонннымъ порошкомъ въ карманахъ, подобрались ко мнѣ мои недалекія, еще совсѣмъ свѣжія, не окоченѣвшія воспоминанія. Но зачѣмъ мнѣ нуженъ этотъ блистательный Петербургъ? Длинный университетскій коридоръ? Или репетиціи первой пьесы, — утреннія, неповторимыя репетиціи въ громадѣ темнаго Импетраторскаго театра? Кто теперь помнитъ, какъ поблескиваетъ на ближнихъ ложахъ тускнѣющая позолота? Какъ изъ глубины двѣнадцатаго ряда маячатъ темные, преданные, взволнованные глаза? Какъ капризно гундоситъ невыспавшаяся знаменитая актриса, заглядывая въ тетрадочку. И эта дверь еще съ гоголевской надписью:

«Въ ходъ въ кресла»? И опять поѣхала карета въ разрушенныя царства, въ развѣянныя жизни, по буграмъ каких-то кладбищъ, разматывался какой-то клубокъ-и прошлое становилось настоящимъ и настоящее — несуществующимъ. Въ мозгу уже начинали мелькать темы для сентиментальныхъ разсказовъ, какъ вдругъ въ сознаніе ворвалась фраза, ясная и точная, ударившая, какъ молотомъ:

— Все это такъ-то такъ, а платить-то мнѣ нечѣмъ. Денегъ чертъ — ма...

Пьеръ, повернувшись въ уголъ, вычерчивалъ карандашикомъ счетъ, а соотечественникъ, насмѣшливо, съ подчеркнутой ироніей, смотрѣлъ ему въ спину и повторилъ, когла Пьеръ снова повернулся къ намъ:

— А платить то мнѣ нечѣмъ.... Да-съ.

Пьеръ не понималъ иностранной рѣчи, но это такъ часто случалось съ восточными принцами: когда кружится въ головѣ, они любятъ огарашивать гарсоновъ непонятными словами. Артикулъ гласитъ , что въ этихъ случаяхъ надо неизмѣнно улыбаться , и Пьеръ вытягивалъ губы въ любезную улыбку и старался угадать, не нужно-ли еще чего-нибудь знатному аристократу? И можетъ быть, Пьеръ былъ правъ , и соотечественникъ , дѣйствительно принадлежалъ къ аристократическому роду, ибо раскуривъ сигару съ краснымъ ярлычкомъ, онъ заговорилъ почти мечтательно:

— Бить будешь, хамъ, знаю. Ручищи-то у тебя какъ у орангъ-утанга... Но все равно: не убьешь , вѣдь? Только зря время потеряешь и кровь испортишь. Все равно: и соль фритъ, и шато, и Moulin au vent останутся во мнѣ. Пищевареніе уже началось. И какъ прекрасна сигара!

И соотечественникъ выпустилъ одинъ за другимъ четыре дымныхъ концентрическихъ кольца. Это было большое искусство, долгимъ терпѣніемъ выработанное, и Пьеръ залюбовался имъ, въ то же время потянувъ носомъ лѣнивую душистую струю. А соотечественникъ возмущался:

— Тоже дем-мократія! Дем-мократическая респуолика?! Вотъ докурю и добровольно отдамся въ твои корявыя лапы, демократъ моржевый!

И вдругъ, выпучивъ глаза на Пьера заоралъ:

— А кто Парижъ отстроилъ? Короли! Кто парки разбилъ? Короли! Кто галлереи собиралъ? Короли! А что вы сдѣлали, демократія, что вы соорудили? Эйфелеву башню? Правильно. Это сдѣлали вы, ибо отъ пошлости этой башни бѣжалъ Гюи де Мопассантъ, послѣдній аристократъ вашей литературы. Исторія доказала, что онъ былъ правъ, не Мопассанъ, а Мопассантъ! На вашу Эйфелеву башню можно нацѣпить рекламу трехкопеечнаго фабриканта и ничего ваша демократическая башня не выиграетъ и не проиграетъ. Для того и сдѣлана. Бутылка для нѣжинской рябины. А вотъ на святого Якова, на королевскую башню святого Якова, на каменное кружево рекламы не налѣпишь. Потому — художественное, безцѣнное. Да-съ. Вѣчное. Камни возопіютъ.

Пьеръ внимательно, съ поощряющей улыбкой, слушалъ непонятныя слова восточнаго принца.

— Короли разоряли народъ? — гремѣлъ соотечественникъ: — пили народную крвоь? Строили Версали да Сэнъ-Клу? Правда , строили, но не растрачивали, а въ великое и полезное дѣло вкладывали народныя деньги. И только отъ ихъ трудовъ, отъ ихъ вкуса, отъ ихъ заботъ, отъ ихъ таланта ты сейчасъ на три четверти кормишься, демократъ. А затраченныя деньги, о которыхъ ты столько пролилъ крокодиловыхъ слезъ, давно уже вернулись въ твою мошну и съ какими процентами! Вотъ уже нѣсколько столѣтій со всѣхъ концовъ міра, день и ночь тянутся люди къ тебѣ, въ твой городъ — зачѣмъ? Любоваться твоимъ красноватымъ носомъ? Нѣтъ, смотрѣть Лувръ, Версаль, Люксембургъ, Нотръ Дамъ, Пласъ де Вожъ, Фонтенебло, Сэнъ Клу, Сэнъ Жермэнъ, милый Мальмэзонъ — все, что создано королями. А ты? Милый мой, тебѣ ничего не надо, кромѣ сытости. Ты поставилъ

себѣ задачу: уничтожить въ жизни все цвѣтное и въ этомъ отношеніи ты сдѣлалъ все зависящее отъ тебя. Короли твои строили Версаль, а тебѣ жалко денегъ, чтобы крышу-крышу! въ Версали починить. И не будь Рокфеллера, протекъ бы онъ, Версаль великолѣпный! Ты убилъ Карнавалъ, ты убилъ ми-каремъ, и ты съ удовольствіемъ гуляешь по трупу Монмартра и Латинскаго квартала! Тишина, благолѣпіе... И ты не замѣчаешь, какъ великолѣпный Парижъ, столица и свѣточъ міра, постепенно дѣлается Парижскомъ, самымъ большимъ губернскимъ городомъ на землѣ! Даже Парижъ ты сумѣлъ опровинціалить, демократъ бездарный! О да, братъ: ты — сила. Ты — сапа. У тебя хватило здраваго смысла не сломать великолѣпной арки, подъ которой проходилъ Ludovicus Magnus, побѣдитель Germanorum, Hispanorum, Batavorumque, ты удовлетворился тѣмъ, что пристроилъ къ ней маленькій домикъ, гдѣ благочестивая дежурная старушка за четыре су идетъ навстрѣчу твоему чреву, поторопившемуся сварить телячью голову съ винегретомъ. Да-съ. Калужской губерніи, Тарусскаго уѣзда, Карѣевской волости, сельца Ишутина... Вотъ ты и сообрази...

И соотечественникъ, положивъ голову на ладонь, погрузился не то въ воспоминанія, не то въ дальнѣйшія размышленія. Для Пьера было ясно одно, что до оплаты счета еще далеко, а уже скоро девять, безъ двухъ минутъ. Уже кое-гдѣ притушивали лампы.

Кто онъ, этотъ соотечественникъ? Не разберешь. Несомнѣнно, что калужскій : на аршинъ тѣсто мѣрилъ; презираетъ рязанскихъ, что огурцомъ телушку рѣзали и костромскихъ, которые въ трехъ березкахъ заблудились. Насмѣшливы россійскія губерніи.

Славянская душа скоро сказалась. Послѣ обличительныхъ выступленій, послѣ сверканія глазъ, послѣ повышеннаго краснорѣчія, соотечественникъ посмотрѣлъ на Пьера мутнымъ взоромъ и взялъ другія, менѣе тревожныя ноты.

— У васъ, сказалъ онъ, — есть прекрасная пословица: tout comprendre — tout pardonner. Пойми: новый годъ. Символъ. Не бей больно.

Пьеръ, ожидая, что принцъ сейчасъ скомандуетъ счетъ, опять улыбался предупредительно и настороженно и это, очевидно, окончательно разрушило надежды соотечественника, и онъ грустно замѣтилъ:

— Гдѣ тебѣ до символизма, реалистъ убѣжденный?.. Ты думаешь, я тебѣ не отдамъ долга? Отдамъ! Но сейчасъ, йокъ, эффенди. Не при деньгахъ.

Опять подумалъ и рѣшительно заявилъ.

— Луши, веди въ участокъ, дѣлай что хочешь. Отдаюсь въ руки правосудія. Да, сбудетеся реченное. Плыви моя гондола, озарена луной...

И вдругъ, сдѣлавъ широкій оперный жестъ, онъ пропѣлъ на весь ресторанъ отчетливымъ, слегка напряженнымъ баритономъ:

— Разд-дайся баркаролла надъ сонною волной!

И замеръ въ ожиданіи.

Это пѣніе было очевидно сигналомъ къ просвѣтленію Пьера... Салфеткою онъ вытеръ со лба потъ, холодный и проступившій въ изобиліи. Трезвымъ и подозрительнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на соотечественника, и я видѣлъ, какъ съ него слетали великолѣпныя одѣянія и остались: жалкій запачканный пиджачекъ, полушелковый галстучекъ и кончикъ несвѣжаго и некокетливаго платка. И у Пьера: уже не было фрака, лаковыхъ ботинокъ, хрустальной люстры и нѣжнаго оркестра.

— Eh ben, alors... — буркнулъ себѣ подъ носъ Пьеръ, и я почувствовалъ переломъ въ отношеніяхъ.

За всѣмъ происходившимъ изъ дальняго угла наблюдалъ хромой жеранъ. Ковыляя на протезѣ, онъ подошелъ къ Пьеру, о чемъ-то поговорилъ съ нимъ значительно и тихо, показалъ на часы, и я слышалъ, какъ отвѣтилъ Пьеръ, тихо и нервно.

— Mais non, alors.

И уже не безъ раздраженія кивнулъ на соотечествен-

ника, котораго въ это время охватывалъ сонъ, не то натуральный, не то искусственный.

Я понялъ, что наступило время дѣйствовать, отвелъ жерана въ дальній уголъ, сообщилъ ему, что немного понимаю по русски и раскрылъ истинное положеніе вещей, особенно подчеркнувъ то обстоятельство, что неисправный кліентъ обѣщаетъ уплатить деньги въ ближайшемъ будущемъ.

Жеранъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на меня, какъ на человѣка наивнаго, въ знакъ недовѣрія оттянулъ вѣку глаза и произнесъ:

— Eh ben, alors...

И свистнулъ Пьеру, который, какъ коршунъ, дѣлалъ около соотечественника отдаленные круги.

Пьеръ предсталъ передъ нами и сообщилъ, что счетъ выражается въ суммѣ 44 франковъ. Тутъ ужъ я сказалъ:

— Eh ben, alors...

Жеранъ открылъ Пьеру правду, и губы Пьера зашептали молитву, очевидно вслухъ непроизносимую, я смотрѣлъ ему на руки, которыя жили своей отдѣльной индивидуальной жизнью: то разжимались, то сжимались въ сухіе колючіе острые кулаки. И эти глаза, только что почтительные, услужливые, теперь загорѣлись мрачнымъ, средневѣковымъ огнемъ. Тѣло Пьера напружилось, приготавливаясь къ хищному прыжку, и я понялъ, что соотечественникъ, предсказавшій свое бли жайшеее будущее, былъ правъ.

— Что вы думаете, Пьеръ? спросилъ я.

— Чт я думаю мсье?... отвѣтилъ Пьеръ мрачно-: — я думаю, чтобы заработать эти 44 франка мнѣ нужно изъ себя выжать 22 пота, съ вашего разрѣшенія.

— Пьеръ — сказалъ я — знаю, какъ трудна ваша работа, но Богъ не безъ милости.

Пьеръ злобно взглянулъ на мои стриженные усы и отвѣтилъ:

— Слушайте, можетъ быть у васъ въ Швеціи Богъ

оплачиваетъ ресторанные счета, но у насъ церковь отдѣлена отъ государства.

Я знаю, что Пьеръ большой политикъ и читаетъ всѣ вечернія газеты, но не зналъ, что онъ принимаетъ меня за шведа.

— Пьеръ, — продолжалъ я тономъ чиновника изъ Арміи Спасенія: — я готовъ пойти на такую комбинацію. Если этотъ человѣкъ не принесетъ черезъ недѣлю денегъ, я беру его счетъ на себя. Вы меня знаете. Вотъ уже полгода я ежедневно обѣдаю за вашимъ столомъ.

Пьеръ задумался и просвѣтленными глазами взглянулъ на меня. Такъ начинаютъ смотрѣть глаза утопающаго, когда на берегу готовятъ спасательный кругъ.

— Мсье! — сказалъ Пьеръ, — я знаю, что вы исполнительный кліентъ, у меня есть довѣріе къ вамъ, но мсье! — и Пьеръ высоко поднялъ указательный палецъ: — если вы хотите, чтобы я имѣлъ въ душѣ окончательный рай, вы оплатите счетъ сейчасъ же. А когда я получу, я возвращу вамъ деньги съ милліономъ благодарностей.

Жеранъ, скрипнувъ протезомъ, взглянулъ въ глубину моихъ глазъ и добавилъ: — Пьеру вы можете вѣрить.

Мысленно подсчитавъ свои деньги, я понялъ, что если я оплачу этотъ счетъ, то знаменитаго комика мнѣ придется смотрѣть изъ променуара, но дѣлать было нечего, и моя 50-ти франковая бумажка, ассигнованная на предметъ новогоднихъ ритуаловъ, перешла въ подагрическія руки. Въ это время соотечественникъ, сонно раскачивая на ладони отяжелѣвшую голову, крикнулъ:

— Человѣкъ! Скорбный листъ!

И Пьеръ, безъ заминки и весело, отвѣтилъ:

— Tout de suite, monsieur!

И со всей почтительностью предъявилъ ему продолговатый листикъ. Счастье Пьера было такъ велико, что теперь онъ понималъ всѣ языки міра.

— Сколько тутъ? — съ преувеличенной беззаботностью спрашивалъ соотечественникъ, по-русски.

— Quarante quatre cinquante cinque — съ легкой наивностью, оттѣняя непроизносимое е, отвѣчалъ ему Пьеръ.

— За мной!

— Si vous voulez, monsieur, отвѣчалъ Пьеръ.

Соотечественникъ не повѣрилъ ушамъ своимъ.

— За мной! — уже полувопросительно повторилъ онъ.

— Alors, si vous voulez, monsieur, et quand vous voulez, съ неизмѣнной вѣжливостью, вполнѣ понимая эффектъ своего заявленія, отвѣчалъ Пьеръ.

— Алоръ, такъ алоръ, — пробормоталъ соотечественникъ и сообразилъ, что случилось какое-то недоразумѣніе и нужно попробовать уйти. У него былъ такой видъ, будто онъ понюхалъ свѣжаго нашатыря.

— Я принесу... На той же недѣлѣ принесу... Съ первой же получки, — бормоталъ онъ, застегиваясь не на тѣ пуговицы, отчего одна пола стала выше другой

— C'est entendu, monsieur отвѣчалъ Пьеръ, приводя брови въ добродушное движеніе.

И соотечественникъ еле попалъ въ вертящуюся дверь. Когда вышелъ я, его слѣдъ уже простылъ.

...Всѣ послѣдующіе дни Пьеръ чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ и былъ особенно ко мнѣ предупредителенъ. Если я заказывалъ мерланъ, то на блюдѣ лежала двойная порція лимона, ибо я люблю лимонъ. Траншъ былъ со множествомъ цуката. Если я спрашивалъ «Санте», Пьеръ пренебрежительно качалъ головой, что знаменовало: бурда...

Но въ одинъ довольно сѣрый день онъ встрѣтилъменя съ восторженнымъ лицомъ и первымъ долгомъ — вручилъ мнѣ всю сумму, уплаченную по счету соотечественника. Послѣ мерлана съ тѣмъ же восторженнымъ и молчаливымъ выраженіемъ онъ поставилъ у моего прибора полбутылки

Moulin au vent, никакъ мною не прошенную. На мой удивленный взглядъ Пьеръ объяснилъ полушопотомъ:
— Я разсказалъ ему всю истину, и онъ просилъ васъ выпить за здоровье французской демократіи.
— Но почему французской? — спросилъ я.
— Я не сказалъ ему, что вы шведъ, — отвѣтилъ Пьеръ.
— Но почему?
— О, мсье, — сказалъ Пьеръ съ озабоченнымъ лицомъ — намъ нужно снова налаживать отношенія съ русскими. Горизонтъ покрытъ тучами, а новыхъ друзей — что то не видно...

Пьеръ довѣрительно склонился ко мнѣ, и въ его боковомъ карманѣ я видѣлъ всю коллекцію вечернихъ еще не разворачивавшихся газетъ.

Я налилъ стаканъ вина и ему. Прикрывъ ладонью, онъ отнесъ его на кухню, возвратился съ заблестѣвшими глазами, и, наклонившись ко мнѣ, фамильярно прошепталъ:

— За здоровье шведской демократіи!

ВОЛШЕБНЫЯ ТЕТРАДИ.

Вы помните «Синюю Птицу»? Помните Страну Воспоминаній? Для нашего поколѣнія рано, слишкомъ рано, пришла она, эта Страна Воспоминаній!

Въ шкафу, на гидномъ мѣстѣ, стоятъ двадцать толстыхъ тетрадей. Дни моей жизни. Изо дня въ день я вписываю въ нихъ все, что слышалъ и видѣлъ. Время, измѣнившее меня, мой почеркъ, посеребрившее мои волосы, расписавшее морщинами мой лобъ, сдѣлало волшебными эти листки съ водяными разводами и призрачными англійскими буквами. Здѣсь — неувядаемая молодость.

Открываю девяностые годы, — и словно пью изъ кружки, поданной Мефистофелемъ. Юность, прелестныя подруги, фіалки, синее небо далекаго провинціальнаго города, милый уютъ семьи, печка въ долгіе зимніе вечера, когда послѣ пяти часовъ воспрещалось выходитъ на улицы, мечты о Петербургѣ, первое чтеніе Тургенева, удивительнѣйшіе сны, галерка въ театрѣ и накладные усы, чтобъ не узналъ воспитатель, ибо и въ театры ходить безъ разрѣшенія нельзя было. И сколько чудеснаго въ этой таинственности!

Снова поворачиваю алмазъ феи Берилюны и новыя видѣнія встаютъ передъ глазами и снова и радуютъ, и заставляютъ такъ сладко взгрустнуть уставшую душу.

Вотъ прекрасное любимое число: 17 марта. Въ этотъ день, гдѣ бы я ни былъ, — я садился въ поѣздъ и ѣхалъ въ Александрово. Берлинъ — первая остановка. Номеръ на Mittelstrasse. Два шага отъ вокзала. Нужно спѣшно

вымыться и спѣшить къ ней, моей царицѣ и Владычицѣ моихъ думъ. Сколько за свои вѣка, неувядаемая, Она перевидѣла влюбленныхъ, эта — «Мадонна съ лиліями»Ботичелли. Виситъ она въ музеѣ Фридриха-Вильгельма.

Какъ-то, сидя зимнимъ вечеромъ въ Петербургѣ, я писалъ:

— Сегодня — одиночество. Стоитъ на полу бутылка барзака и лежитъ треугольничекъ бри, мягкаго, какъ масло. Горитъ печка. Широко, у самаго огня, распластался огромный черный медвѣдь, — воспоминаніе о шумной и удачной охотѣ. Я лежу и маленькими глотками тяну благодатное вино. На улицѣ — холодъ, морозъ. Окна задѣланы блестящимъ стеклярусомъ...

«Чѣмъ прекрасенъ большой городъ?

«Цѣлый день я былъ окруженъ людьми. Въ большомъ ресторанѣ, у знаменитаго зеркальнаго стола, насъ обѣдало человѣкъ двадцать. Шумѣли, кричали, проливали на столъ содовую воду, перебивали другъ друга и съ горящими глазами говорили, что самое великое искусство на землѣ — театръ.

«Надоѣли всѣ. Надоѣло все. Безтолковымъ споромъ прожужжали уши. Сбѣжалъ отъ нихъ, пріѣхалъ домой, поскорѣе щелкнулъ за собой два раза замокъ, погасилъ видимые съ улицы огни, — и все осталось позади: и Петербургъ, и весь міръ, и всѣ спорщики, и всѣ шумы города. Наступило одиночество, великая отрада души, и никто его въ этотъ вечеръ уже не потревожитъ, будь это самъ король, какъ поетъ Неверъ въ «Гугенотахъ». Я лежу на медвѣдѣ, маленькими глотками тяну прекрасное вино, выжатое изъ далекихъ, незнаемыхъ лозъ, и думаю о тебѣ, прекрасная Мадонна, о твоихъ лиліяхъ на блѣдно-голубомъ фонѣ, о лицахъ твоихъ ангеловъ, мечтательно склонившихся надъ золотисто-бархатными молитвенниками...

И, самое гордое — я увѣренъ, что въ эту минуту, въ этомъ огромномъ и холодномъ городѣ, только я одинъ думаю о тебѣ. прекрасная Мадонна! Помяни въ своихъ свя-

тыхъ молитвахъ твоего вѣрнаго паломника и благоговѣйнаго прихожанина. Ты знаешь, что только изъ-за тебя, изъ-за твоихъ колдовскихъ очей, я дѣлаю остановку въ этомъ городѣ на пути въ прекрасный Парижъ, гдѣ уже распускаются каштаны, зацвѣтаетъ сирень и въ газетахъ появляются первыя publicité о предостоящемъ блескѣ русскаго сезона... О, этотъ Русскій сезонъ въ Парижѣ!

Да, насъ считали медвѣдями, мы ѣли сальныя свѣчи, возили свои подушки и по дождю ходили въ калошахъ, мы вообще были смѣшными и довѣрчивыми славянами. Забавляясь, какъ дѣти, и радуясь всякимъ пустякамъ, мы слишкомъ охотно мѣняли свои франки на Монмартрѣ и слишкомъ долго, до послѣдныхъ свѣчей, и слишкомъ горячо, до кулаковъ по столу, спорили въ пивныхъ о преимуществахъ эсъ-эровъ передъ эсъ-деками.

Но когда въ «Chatelet» мы раскидывали наши балаганы и зажигали огни нашего искусства, тогда, все оцѣнивъ и все взвѣсивъ, наши зарубежные друзья задумчиво говорили:

— О, это странный народъ!

И добавляли послѣ нѣкоторой и, пожалуй, завистливой паузы:

— И, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ великій народъ!

«И вотъ билетъ дэй-цуга, ночь и опять — весенній, весь залитый солнцемъ Парижъ. Прежде, чѣмъ отыскать комнату, я, прямо съ вокзала, на двухэтажной конкѣ ѣду въ Люксембургскій садъ, потомъ въ Монсо, гдѣ стоитъ чугунный, уже все сказавшій Мопассанъ. Завтра я буду въ Версалѣ и цѣлый день просижу на берегу четырехугольнаго озера. Противны современные, кургузые пиджаки. Противны гувернантки, играющіе въ серсо. Противны продавцы сельтерской воды.

Гдѣ ты, очарованіе былыхъ дней? Гдѣ уютъ, гдѣ Фрагонаръ, гдѣ Буше? Захожу, какъ въ склепъ, въ онѣмѣвшій Тріанонъ. Вотъ стоитъ бюстъ Маріи Антуанетты, склееный по кусочкамъ. Когда-то разъяренная чернь ворвалась и разбила его. И много грѣховъ простилъ Богъ тому

терпѣливому художнику, который все это собралъ и склеилъ и воскресилъ изъ мертвыхъ оскорбленную королеву.

О, эта чернь!

Кто же, какой терпѣливый и талантливый художникъ снова оживитъ и воскреситъ изъ мертвыхъ мою далекую, такую прекрасную—самую прекрасную землю, — мою родину?

ПЯТЬ МИНУТЪ.

Комната въ отелѣ.

Онъ, удовлетворенный, счастливый, въ пижама, сидитъ на диванѣ и куритъ.

Она медленно и лѣниво улыбается.

Онъ: — Ты сегодня хороша, какъ никогда. Я почему-му-то вѣрю, что ты любишь меня.

Она: — А до сихъ поръ ты сомнѣвался?

Онъ: — Какъ тебѣ сказать? Женщину знаетъ только Господь Богъ.

Она: — Меня знаютъ двое: Господь Богъ и ты.

Онъ: — Когда мы съ тобой встрѣтимся?

Она: — Какъ всегда, черезъ день. Въ пятницу.

Онъ: — Ты остригла волосы и нравишься мнѣ больше, чѣмъ когда бы то ни было. Ты стала острая, пьянящая. Я хотѣлъ бы видѣть тебя завтра.

Она: — О, нѣтъ! Мужъ сдѣлался тревожнымъ и подозрительнымъ. Въ глазахъ у него все время горятъ какія-то испытующія точки. Мнѣ порою кажется, что онъ начинаетъ догадываться о нашихъ отношеніяхъ.

Онъ: — Поцѣлуй меня!

Она: — О, милый, нѣтъ! Я знаю, чѣмъ это кончится. Мнѣ пора. И такъ уже поздно. —

Онъ: — *подходитъ къ ней и долго цѣлуетъ.*

Она: — Видишь? Видишь? Опять туманятся твои глаза!

Онъ: Какъ ты молода и хороша! Какъ я люблю тебя!

Она. — А я? Ты единственный, звѣрюга, хорошій...

СТУКЪ ВЪ ДВЕРЬ.

Она: (*шепотомъ, испуганно*): — Кто это?

Онъ. (*грозя ей пальцемъ, чтобы молчала. Громко*): — Кто это?

Голосъ за дверью: — Это я. Отвори, пожалуйста!

Она: (*съ ужасомъ*): — Мужъ!

Онъ: (*грозя ей пальцемъ*):—Но, дорогой мой, ты меня простишь: я сейчасъ не могу принять тебя...

Мужъ. — У тебя женщина?

Онъ: — Э, дружище, ты — нескроменъ.

Мужъ. Я знаю: у тебя — моя жена.

Она (*тихо, умоляетъ*). — Спаси меня, спаси какой угодно цѣной!

Онъ (*грозя ей пальцемъ, — негодуетъ*): — Ты съ ума сошелъ, mon vieux!

Мужъ: — У тебя, — моя жена. Отвори сейчасъ же. Или я здѣсь просижу до вечера!

Онъ: — Прежде всего, я тебя прошу: не ори на всю лѣстницу! Не срами себя и свою семью. Повторяю тебѣ: ты сошелъ съ ума.

Мужъ: — Прости, пожалуйста, но я — въ здравомъ умѣ и твердой памяти.

Она: — Спаси меня, спаси! Какой угодно цѣною!

Онъ (*отстраняя ее*): — Увѣряю тебя: ты — не въ здравомъ умѣ. Правда, у меня — женщина, но какъ тебѣ не стыдно думать о своей женѣ?

Мужъ. — Я знаю.

Онъ: — Ты — дуракъ и ничего не знаешь.

Мужъ: — Она съ двухъ часовъ ушла изъ дому.

Онъ: — Ну и ищи ее въ другомъ мѣстѣ, а меня, твоего друга, и ее, твою жену, не оскорбляй!

Мужъ *(иронически)*: — «Твоего друга»?

Онъ: — Да, да. Твоего друга. Былъ имъ и буду. И твоя жена—для меня такая же святыня, какъ и твоя мать.

Мужъ: — Не играй такъ словами!

Онъ: — Я не играю ничѣмъ и никѣмъ. И твоя жена.. Ты — скотъ, если смѣешь такъ думать о святой, милой женщинѣ...Еслибы это посмѣлъ сказать о твоей женѣ не ты, а другой человѣкъ, я бы оторвалъ ему голову...

Она сидитъ, закрывъ лицо руками.

Мужъ: — Хо-хо, защитникъ женской чести!

Онъ: — Да, защитникъ женской чести! О своей женѣ ты позволяешь говорить, какъ о прачкѣ! Ты думаешь, что она, какъ десятифранковая потаскушка, можетъ шляться по меблированнымъ комнатамъ твоихъ друзей! Не забывай, что у тебя есть отъ нея маленькая дочурка, и неужели ты, дубина такая, можешь хоть на одну минуту предположить, что ея мать, мать этого ангела, будетъ трепать хвостомъ по лѣстницѣ грязнаго отеля?

Мужъ: — Но...

Она опускаетъ голову все ниже и ниже.

Онъ: — Безъ всякихъ «но» проваливай ко всѣмъ чертямъ. Ты, идіотъ, не знаешь своей жены ты, какъ говорятъ поляки, машь фіолку въ своей дурацкой гловѣ и въ проплеванномъ коридорѣ какихъ-то проплеванныхъ комнатъ смѣешь произносить святое имя! Ступай домой и спокойно жди ее: я увѣренъ, что она заговорилась у своей портнихи и уже раза два звонила къ тебѣ по телефону!

Мужъ *(дрогнувшимъ голосомъ)*: — Боже мой! Неужели ты говоришь правду?

Онъ: — О! идіотина! Я — твой другъ вотъ уже десять лѣтъ и никогда еще не говорилъ тебѣ неправды. Жди меня вечеромъ. Я пріѣду къ тебѣ пить чай и наговорю тебѣ еще много кислыхъ словъ. Но умоляю тебя: не говори объ этомъ приключеніи дикомъ твоей женѣ. Она начнетъ сторониться и избѣгать меня.

Мужъ: — Но почему ты не хочешь отворить мнѣ двери?

Онъ: — Слушай! Я могъ думать, что-ты— оселъ, но никакъ не могъ предполагать что ты еще и хамъ. Уходи, а то я отворю дверь и оболью тебя холодной водой. Ужъ если хочешь быть шутомъ гороховымъ, такъ будь имъ до конца!

Мужъ: — Странно... Ты убѣдилъ меня...Дѣйствительно , я слишкомъ плохо думалъ о своей женѣ...

Онъ: — Ну вотъ то то и оно то...

Мужъ: — Я, дѣйствительно, не подумалъ, что она — мать моей маленькой... И твой отель дѣйствительно — не для пріема порядочныхъ женщинъ.

Онъ: — А это ужъ не твое дѣло!

Мужъ: — Шалунишка! Ущипни свою компаньонку

Онъ: — Пошелъ вонъ! Не говори пошлостей...

Мужъ: — И приходи къ намъ завтра обѣдать...

Онъ: — Ну, братъ, до завтра слишкомъ долго. Я долженъ расчитаться съ тобой еще сегодня вечеромъ!

Мужъ: — Ну шутъ съ тобой! Такъ и быть: зажарю тельца для пріема блуднаго сына...

Онъ: — А я принесу дыню и шампанскаго.

Мужъ: — Дыню? А гдѣ же ты возьмешь дыню?

Онъ: — А это не твоего ума дѣло.

Мужъ: — Чудесно! Обожаю дыню и не понимаю какъ это французы ѣдятъ ее съ перцемъ и солью! Ну прощай!

Онъ *(сухо)*: — Прощай!

Пауза. Онъ и она прислушиваются.

Мужъ *(снова стучитъ въ дверь)*: — Allo?

Онъ: — Кто тамъ?

Мужъ: — Да это я. Все еще я.

Онъ: — Ну что еще?

Мужъ: — Слушай. Прошу тебя: не подумай только разсказать объ этомъ женѣ...

Онъ: — Слушаю. Теперь — не разскажу, но когда-нибудь при случаѣ, — ты ужъ извини...

Мужъ: — Ну ладно, ладно... Поговоримъ. Исчезаю: . .

Онъ: — Скатертью дорога!

Пауза. Онъ *подходитъ къ окну и смотритъ внизъ изъ за занавѣски.* Она *начинаетъ поспѣшно одѣваться.*

Онъ: — Вотъ онъ, вотъ онъ. Честно перешелъ черезъ улицу даже на окна не заглянулъ. Закурилъ. Съ ловкостью молодого слона прыгнулъ въ трамвой. Дзззз... (имитируетъ звукъ трамвая). Укатилъ... Ф-фу, слава Богу! (Садится, на диванъ и вытираетъ лобъ платкомъ). — Ну, ну... Ты уже готова?

Она: — *молча застегиваетъ послѣднія пуговицы.*

Онъ: — Испугалась? да? Что же ты молчишь?

Она *надѣваетъ передъ зеркаломъ шляпу.*

Онъ: — Когда же мы увидимся?

Она *надѣваетъ пальто.*

Онъ: — Не понимаю... Въ чемъ дѣло?

Она *(сухо и повелительно)*: — Отвори дверь!

Онъ *(повинуясь)*: — Но въ чемъ же дѣло?

Она *плюетъ ему въ лицо и уходитъ.*

Онъ (*(ей вслѣдъ)*: — Но слушай... Постой... (Пауза) — Ничего не понимаю!

БОЛЬШАЯ И МАЛЕНЬКАЯ.

По какому то семейному торжественному случаю я приглашенъ на обѣдъ къ одной старой знакомой. Когда она жила въ Петербургѣ, мужъ ея былъ преподавателемъ въ одномъ изъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній, читалъ о постройкѣ мостовъ и въ минувшее безсмысленное время гдѣ-то, чуть ли не у Колчака, погибъ самымъ дикимъ и неожиданнымъ образомъ. Сейчасъ его вдовѣ уже подъ сорокъ, отъ пудры лицо ея кажется лилово-мохнатымъ, и проживаетъ она послѣдніе дни своей жизни, еще не перешедшіе въ доживаніе. У нея — двѣ дѣвочки. Одна — лѣтъ девяти, рождена отъ мужа въ Россіи, другая — лѣтъ четырехъ появилась на свѣтъ Божій уже здѣсь, заграницей, отъ любимаго человѣка. На обѣдѣ, изъ гостей присутствуетъ еще приватъ-доцентъ, обломокъ старыхъ петербургскихъ «relations» и, конечно, любимый человѣкъ. Любимому человѣку — лѣтъ 27: онъ заносчивъ, на обѣдъ поглядываетъ, морщась, все ему не нравится, все пережарено, ногти у него миндалевидные и полированные, и онъ часто произноситъ слово «sapristi». Любимый человѣкъ уважаетъ людей, только хорошо зарабатывающихъ, мы съ приватъ-доцентомъ не изъ ихъ числа, отношеніе къ намъ — какъ къ родственникамъ, отъ которыхъ не ждутъ наслѣдства. Вдова же почитаетъ насъ людьми, прошлое которыхъ какъ то связано съ ея отличной квартирой на Забалканскомъ, съ ея «средами», на которыхъ бывали Далматовъ и Тартаковъ, и поэтому, приглашая насъ обѣдать, она всегда вспоминаетъ прошлое и взды-

раетъ въ телефонъ. На обѣдъ въ сосѣдней булочной жарится курица, подается бордо отъ Феликса Потэна и папиросы въ желтыхъ бумажкахъ. Любимый человѣкъ куритъ «Damitas», которыя вынимаетъ изъ бумажника.

Обстановка — напряженная, непріятная, и я хожу болѣе для того, чтобы повидаться съ дѣвочками, съ которыми дружу. Старшая — отъ мужа, какъ-то въ загонѣ, блѣдна, нервна. У нея очень хороши отцовскіе, умные всегда тревожные глаза. Выростетъ, выравняется — получится чудесное русское, особенное лицо. Маленькая — отъ любимаго, неуловимо, чѣмъ-то въ складкахъ рта похожа на него и пользуется привилегіями. Лукава, шаловлива, будетъ актрисой и своими теперь уже чудесными, загнутыми рѣсницами сведетъ съ ума не мало людей.

Я не могу оторвать отъ нея глазъ и теперь, когда она медленно и упорно, глядя по очереди на всѣхъ жуетъ свой блинъ и масло течетъ у нея по подбородку. Старшенькая то и дѣло вытираетъ ее салфеткой, и это не нравится капризницѣ. Она смотритъ на меня, что-то соображаетъ, и вдругъ неожиданно спрашиваетъ у отца:

— Папа! Ты сегодня умывался?

Скандалъ! Невольно смотришь на папу и видишь: красавецъ эффектно выбритъ, припудренъ, гладко, до прилизанности, причесанъ, проборъ отрѣзанъ какъ по линейкѣ, а какое-то впечатлѣніе неумытости, дѣйствительно, есть, и въ этомъ заключается та странность, о которой ты догадывался, но которой никакъ не могъ формулировать.

Скандалъ. Старшенькая краснѣетъ, конфузится, легонько бьетъ сестру по затылку и говоритъ:

— Не болтай глупостей.

Маленькая же смотритъ на папу въ упоръ и размышляетъ. Папа дѣлаетъ видъ, что ему смѣшно и грозитъ пальцемъ. Мама краснѣетъ, перестаетъ слушать приватъ-доцента и бросаетъ вскользь:

— Ну какая она еще глупая. Развѣ можно папѣ такія глупости говорить?

— Можно! — отвѣчаетъ маленькая, и опять старшенькая чувствуетъ себя виноватой, какъ учительница-ученикъ которой проваливается на экзаменѣ на самыхъ простыхъ вопросахъ.

Папа явно раздраженъ.

Маленькая переходитъ на приватъ-доцента и внимательно осматриваетъ его лысину, похожую на большой кусокъ слоновой кости. Приватъ-доцентъ смутно чувствуетъ опасность и подлизывается:

— Хочешь маслица, дѣтоцка? — слащаво спрашиваетъ онъ.

— У нея есть, забѣгаетъ впередъ старшенькая: — кушайте, пожалуйста сами... Жаль, знаете, что сметаны нѣтъ. Не то, какъ у насъ въ Россіи...

Явно повторяются мамины слова, — и въ это время маленькая окончательно проглатываетъ блинъ и спрашиваетъ доцента:

— Дядя, а ты свои волосики въ шляпѣ оставилъ?

Всѣ улыбаются и страдаетъ только старшенькая.

— Нѣтъ, дѣточка, я ихъ оставилъ въ Лозаннѣ... Знаете, въ Лозаннѣ, — такая вода...

И доцентъ начинаетъ говорить о Лозаннѣ, о швейцарской водѣ, о составныхъ ея элементахъ, о процентномъ соотношеніи извести и какого-то субнатрикумъ, — о всемъ томъ, что скверно дѣйствуетъ на волосы, и только одна, старшенькая, учтиво качая головою, по-хозяйски вѣжливо, слушаетъ его объясненія:

Папа же улучаетъ моментъ и трагически-зло шепчетъ мамѣ:

— Съ такимъ ребенкомъ невозможно никуда показаться.

— Что жъ ты отъ нея хочешь? — вспыхиваетъ мама: — ей всего четыре года.

— Хорошенькое дѣло! — раздраженно говоритъ отецъ: — а что будетъ, когда ей стукнетъ десять?

— Ничего не будетъ. Ребенокъ и ребенокъ!— парируетъ мать.

Объясняя свойства лозанской воды, приватъ-доцентъ однимъ ухомъ ловитъ эти разговоры и дѣлаетъ такой видъ: онъ отлично понимаетъ неловкость, но истинная вѣжливость заключается въ томъ, чтобы не замѣтить, когда на скатерть проливаютъ вино. Приватъ-доцентъ налегаетъ на бульонъ, а я чувствую, что въ воздухѣ собирается гроза, что назрѣваетъ ссора, одна изъ тѣхъ частыхъ и нервныхъ ссоръ, для которыхъ нуженъ случайный и пустяковый предлогъ. Папѣ надоѣла сорокалѣтняя мама, а мама, какъ кошка, влюблена въ папу. Это ея послѣднее «чувство», она дрожитъ за него, ежедневно разъ пять подмазываетъ риммелемъ тускнѣющіе глаза, втихомолку массируетъ животъ и готова на все.

Въ метро на сдачу мнѣ дали серебряную монетку въ пятьдесятъ сантимовъ. Достаю ее и даю маленькой.

— На вотъ, говорю, тебѣ денежку. Купи куклѣ башмачки.

Больше всего и совершенно неожиданно денежкой заинтересовывается 27 лѣтній папа.

— Серебряная? — удивленно и какъ то по дѣтски спрашиваетъ онъ.

— Да, серебряная.

Папа, съ любопытствомъ переворачивая и орломъ, и рѣшкой, разсматриваетъ чистенькую, не потертую монету.

— И куда это подѣвались вообще серебряныя деньги? — задумчиво спрашиваетъ онъ.

— Попрятало населеніе, — сейчасъ же и очень охотно объясняетъ приватъ-доцентъ: — это всегда бывало въ тѣ переломы народной психики, когда потрясенныя экономическія отношенія...

Папа такъ манипулируетъ денежкой, что у дѣвочки, въ глазкахъ замелькали тревожныя искры.

— Отда-ай, отда-ай, — вдругъ плаксиво затянула она.

Папа вспыхнулъ и съ досадой сунулъ ей монету обратно:

— Ну и на! Чего ты ревешь? Нужна она мнѣ, что-ли? Чертъ его знаетъ, что за вѣдьма эта дѣвочка.

Лицо мамы покрылось яркими, неровными и какъ бы припухшими пятнами.

— Мало дѣтей рожать, — говорилъ уже громко и наставительно папа: — но надо еще умѣть ихъ и воспитывать.

— Я бы тебя просила выбирать выраженія...

— Объ этомъ потолкуемъ послѣ! — обрѣзалъ папа, и почувствавалось, что это сказалъ глава дома.

— И вы помните, — воспользовавшись паузой, снова задушевнымъ теноркомъ вступилъ приватъ-доцентъ: — какъ у насъ въ Россіи въ 1916 году въ разгаръ войны, передъ населеніемъ , доведеннымъ до отчаянія бездарностью правительства, никогда не умѣвшаго проникать въ чаянія массъ, — острымъ вопросомъ сталъ тоже недостатокъ серебряной размѣнной монеты...

И опять всѣхъ и все покрылъ ясный спокойный голосокъ маленькой:

— Дядя, — обратилась она ко мнѣ.

Приватъ-доцентъ обиженно прервалъ свою рѣчь, уткнулся въ тарелку, и опять сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ пролитаго вина.

— Что ты? — спросилъ я.

Дѣвочка протянула мнѣ сначала серебряную монетку, а потомъ крохотный, куклинъ, носовой платочекъ и сказала:

— Завяжи денежку, пожалуйста въ платочекъ.

Я началъ завязывать денежку и полюбопытствовалъ:

— Потерять боишься?

— Нѣтъ.

— А зачѣмъ же ее надо завязывать?

— Чтобы ее мушки не покусали.

— Да вѣдь мушекъ еще нѣтъ.

— Прилетятъ!

Приватъ-доцентъ, подобно опытному актеру, ловко принялъ паузу и опять овладѣлъ общимъ вниманіемъ.

— И вотъ этотъ недостатокъ размѣнной монеты и былъ тѣмъ первымъ толчкомъ, который пошатнулъ и вызвалъ недовѣріе массъ къ экономической политикѣ правительства. Этимъ недовольствомъ тактически воспользовались лучшіе умы Государственной Думы, начали подогрѣвать народный гнѣвъ, и тогда правительство, которое всѣ усилія въ то время направляло на оборону, разумѣется, пошатнулось,— за цѣлыя столѣтія, быть можетъ, въ первый разъ. Факелъ революціи былъ зажженъ!

И приватъ-доцентъ, сверкнувъ старомодными очками, — торжествующе поднялъ палецъ.

И вдругъ совершенно неожиданно папа отвѣтилъ:

— Sapristi! А я бы теперь съ наслажденіемъ, за девятое ребро, повѣсилъ бы всѣ эти лучшіе умы, которые во время войны были въ спину правительства.

Тутъ вспыхнула мама:

— Такъ нельзя разговаривать, дорогой мой! — вступилась она: — Иванъ Николаевичъ былъ ученикомъ Петражицкаго, читалъ лекціи въ университетѣ, сотрудничалъ въ толстыхъ журналахъ и онъ знаетъ, что говоритъ.

Приватъ-доцентъ покрылся смертельной блѣдностью. Вино лилось на скатерть ведрами.

— А я тебя попросилъ бы помолчать...

— А я тоже имѣю право высказать свое мнѣніе...

И ладони застучали по столу. Началось...

Больше всего страдала старшенькая. Ей было стыдно за мать, за эти припухшія пятна на щекахъ, за пепелъ, который она сбрасываетъ себѣ на плечо. Галдежъ начиналъ быть непереносимымъ. Всѣ злились и ненавидѣли другъ друга, — и вдругъ среди этой безтолочи раздался дѣтскій голосокъ:

— А я хочу въ бистро.

— Что?— гнѣвно вспыхиваетъ отецъ, которому дѣвочка перебила мысли.

— Хочу въ бистро.

— Зачѣмъ?

— Меня ждетъ мосье Базиль.

Приватъ-доцентъ маленькими и жадными глотками пьетъ виттель, выигрываетъ время, очки вспотѣли, а старшенькая больше всего боится, чтобы я не ввязался въ споръ, и мнѣ видно, какъ ея дѣтская головка начинаетъ работать въ этомъ направленіи,по-женски хитро,осторожно и мягко. Она рѣшила увести меня отъ этой компаніи, учла, что всего больше меня интересуетъ ея сестренка, повела линію въ эту сторону и шепчетъ мнѣ:

— Не можете ли вы одолжить мнѣ папиросу?

Я достаю папиросу и за всѣми моими движеніями слѣдитъ маленькая своими темно-вишневыми, подозрительными глазами.

— Слушай! — обращается она къ маленькой, показывая папиросу: — что это такое?

Та не моргнувъ глазомъ отвѣчаетъ:

— Свѣчка съ чаемъ.

Старшенькая, спокойно, какъ взрослая спрашиваетъ:

— Вы видѣли что-нибудь подобное?

Я улыбаюсь, а старшенькая продолжаетъ аттаку:

— А не хотите ли вы посмотрѣть нашихъ куколъ?

И младшая уже скользнула ножкой внизъ и за всѣхъ отвѣчаетъ:

— Хотимъ!

Мы выходимъ изъ столовой, на насъ никто не обращаетъ вниманія — и это главное. Какъ только мы очутились въ другой комнатѣ, старшенькая начинаетъ мнѣ довѣрительно нашептывать про приватъ-доцента:

— Вы знаете, онъ всегда говоритъ, говоритъ, мамочка его слушается и часто ему плачетъ, а папочка, когда мы остаемся одни и раздѣваемся, всегда кричитъ, что онъ — зубная боль съ громаднымъ образованіемъ. Пардонъ, не съ громаднымъ, а съ высочайшимъ.

Начинается рекомендація куколъ. Вотъ это — Марья Ивановна. Это — докторъ Гольдштейнъ, который прививаетъ оспу, это — консьержка, это — портниха Жюли. Самое цѣнное въ коллекціи — костяной совочекъ для надѣванія туфель. Безъ него маленькая не засыпаетъ.

— А кто такое м-сье Базиль? — ревниво спрашиваю я.

— А это въ бистро, — шопотомъ отвѣчаетъ старшенькая: — вѣдь это же не человѣкъ, а котъ. Мы его зовемъ Васькой, а французы этого понять не могутъ и стали звать его въ нашу честь мосье Базиль. Но вѣдь это же не можетъ быть. Вы же понимаете, что не можетъ быть ничего подобнаго, чтобы котъ былъ мосье.

Маленькая сопитъ, наводить порядокъ среди сокровищъ, а старшенька не перестаетъ занимать меня разсказами. Ей хочется оправдать мать.

— Вы знаете, — захлебывающимся шопотомъ говорить она: — мамочка такая нервная, такая нервная... Она лѣчится у доктора Гольдштейна, и докторъ этотъ такой умный, такой умный все прописываетъ, все прописыветъ. Лѣтомъ мы поѣдемъ на прибрежные берега и будемъ купаться, и у насъ уже есть такіе маленькіе штаники, что просто совѣстно. А теперь мамочка кушаетъ пилюли.

— Пулюли! — басомъ поправила маленькая.

Старшенькая лѣзетъ подъ кровать, вытягиваетъ оттуда маленькій сундукъ, открываетъ его ключикомъ, висящемъ на крестовомъ шнуркѣ, и изъ-подъ какихъ то лоскутовъ, быстро перебирая пальчиками, достаетъ фотографическую карточку и говоритъ благоговѣйнымъ восторженнымъ шепотомъ.

— Это былъ мой папочка.

На фотографіи изображенъ молодой, свѣтлоглазый офицеръ съ ремнемъ черезъ плечо и съ тремя звѣздочками на защитныхъ погопахъ.

Маленькая вскарабкалась ко мнѣ на колѣни, тычетъ пальцемъ въ карточку и добавляетъ:

— И мой! Это и мой папочка!

Старшенькая таинственно подталкиваетъ меня въ бокъ и заговорщически подмаргиваетъ. Я понимаю, что не надо разбивать иллюзій, и пусть маленькая думаетъ что думаетъ. Конечно, этого папочку съ прядью на лбу

нельзя сравнить съ тѣмъ, что сидитъ въ столовой и такъ снисходительно-раздраженно разговариваетъ съ мамочкой и изъ бумажника достаетъ коричневыя сигаретки. Слышно, какъ у мамочки появились въ голосѣ истерическія нотки и старшенькая знаетъ чѣмъ это кончится, ей нужно скрыть, что мамочка — такая слабенькая и влюбленная, и забыла этого прекраснаго, свѣтлоглазаго офицера, который снятъ на карточкѣ и теперь спитъ въ сырой землѣ.

Переворачиваю портретъ и на оборотной сторонѣ вижу: на золотистыхъ каллиграфическихъ буквахъ фотографа слабовольнымъ и неровнымъ почеркомъ написано::

— Милой звѣздочкѣ, — отъ Николая.

А тамъ, гдѣ напечатанъ номеръ телефона, выведено по французски: — Kieff, а потомъ опять по-русски — Владимірская горка.

Неожиданно вошелъ въ комнату приватъ-доцентъ, на ходу закуривая папиросу.

— Ну, знаете, насмѣшливо шепнулъ онъ мнѣ: — температура у нашихъ молодыхъ кажется поднимается до высокаго градуса.

И, какъ отъ оскорбленія, еще гуще покраснѣла старшенькая и, стараясь всетаки улыбнуться, подошла къ намъ и сказала:

— А, можетъ быть, мы пойдемъ въ кафе?

— Мы пойдемъ въ кафе, радостнымъ эхомъ отвѣтила за всѣхъ маленькая и сейчасъ же, положивъ пальчикъ въ ротъ, начала думать кого захватить съ собой: Марью Ивановну? Гольденштейна? Жюли? И остановалась на Гольденштейнѣ: пригладила ему волосики на лысину, сложила руки на брюшкѣ, застегнула пиджачекъ и, показавъ его намъ, торжественно провозгласила:

— Лѣкарь, съ Кузнецкаго Моста аптекарь, и добавила, грозя пальчикомъ: — сидѣть смирно, не рыпаться и быть паинькой!

Всей компаніей, осторожно вышли въ корридоръ и начали спускаться по темной деревянной лѣстницѣ.

Маленькая сходила, проворно ступая впередъ правой ножкой и стараясь поспѣть къ выходу раньше всѣхъ.

— Такая ужъ у насъ лѣстница. Такая лѣстница! — озабоченно говорила старшенькая, поддерживая сестру за рученку, а та, обернувшись къ намъ, сообщила:

— Я уже носикомъ считала! — и вдругъ гнѣвно закричала на старшенькую: — не прижимай мнѣ руку! Я скорѣй всѣхъ хочу!

И, вырвавшись, и какъ то сразу заработавъ обѣими ногами, первая выбѣжала на тротуаръ, остановилась, взглянула прямо на солнце и начала чихать, потомъ вытерлась Гольденштейномъ и лукаво-проказливо посмотрѣла на насъ. А солнце сразу охватило ее радостнымъ огнемъ — и загорѣлись льняные прозрачные волосики, заискрились лукавые вишневые глаза, заалѣлъ ротикъ, а кругомъ шумъ, блескъ и гамъ центральной монмартрской улицы.

На бульварѣ строится ярмарка, сколачиваютъ деревянные балаганы, уже наладились въ свой круговоротъ быки и лебеди карусели, въ циркѣ пробуютъ газовое освѣщеніе, на обезьяну надѣтъ фракъ и перетираетъ свои магическія колбы какая то смуглая и старая гадалка. Глянцевитая мостовая еще не просохла отъ дождя, и кажется, что автомобили ѣдутъ по своимъ собственнымъ колесамъ.

Идемъ дальше, въ завѣтный путь. Держимъ маленькую за рученки съ обѣихъ сторонъ, а она, какъ коренникъ, выбиваетъся впередъ и тащитъ насъ и требуетъ, чтобы шевелили ногами поскорѣе.

Она все знаетъ, цѣпкіе дѣтскіе глаза замѣтили наружныя выставки, огоньки въ таинственныхъ погребахъ, груды огненныхъ, рябыхъ апельсиновъ и лимоновъ съ сосочками на концахъ. И когда мы проходимъ мимо аптекарской лавки, она останавливется и черезъ громадное, тщательно протертое, зеркальное окно благоговѣйно и задумчиво созерцаетъ плоскіе, элегантные флаконы желтоватаго оригана, съ золотыми пробками, круглыя бутылочки, темно-зеленаго шипра, пузатенькія фляжки

«quelques fleurs», пятнистыя коробки пудры, лебединовоздушныя пушки, причудливыя сѣтки для волосъ, куски мыла съ глубоко оттиснутыми надписями — всю ту армію обольщенія и завораживанія, которая въ свое время прійдетъ къ ней, на помощь вишневымъ глазамъ и нѣжнымъ полукольцамъ рѣсницъ.

Богъ знаетъ, какія мысли проносятся въ дѣтской головкѣ, но я вижу, какъ она вздыхаетъ, смотритъ на меня и говоритъ:

— Дядя, купи мнѣ порошного зубочку, мнѣ нечѣмъ зубки чистить.

— Какъ тебѣ не стыдно, — вдругъ вспыхиваетъ сестренка: — что ты цыганишь? Что у тебя нѣтъ порошного зубочку? Вы думаете, что у насъ нѣтъ зубного порошку? Сколько угодно, но ей нравятся коробочки. Такая глупая.

А глупая, неожиданно, сразу забывъ все, испускаетъ радостное побѣдное «А-а-а!», вырывается у насъ изъ рукъ и мчится къ кому то навстрѣчу.

На порогѣ темноватаго кафе, обернувъ себя хвостомъ, сидитъ аккуртный степенный, преждевременно состарившійся котъ и пристально, не моргая, смотритъ въ небо на пролетающій аэропланъ.

— М-сье Базиль! — восклицаетъ маленькая и останавливается пораженная: котъ не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія и только досадливо шевельнулъ ухомъ: все его вниманіе поглощено чудовищемъ, которое плыветъ вверху. Тогда дѣвочка садится на порогъ рядомъ съ котомъ, поднимаетъ головку, видитъ аэропланъ, долго слѣдитъ за его движеніями и, наконецъ, показываетъ его Гольденштейну. Смотритъ и Гольденштейнъ, сложивъ руки на животикѣ, смотрю я, и за мной приватъ-доцентъ, останавливаются прохожіе, какой-то мальчишка въ круглой шапочкѣ, выходитъ изъ-за прилавка хозяинъ и посѣтитель со стаканомъ краснаго вина въ рукѣ. Во главѣ съ котомъ смотримъ мы въ далекое причудливое парижское небо и видимъ, какъ подъ голубымъ шелковымъ

балдахиномъ плыветъ увѣренно чуть жужжащая машина и отъ улицы Пигаль плавно поворачиваетъ по направленію къ Монпарнассу.

Минуты черезъ двѣ она скрывается изъ глазъ и тогда маленькая, передавъ Гольденштейна приватъ-доценту, беретъ м-сье Базиля поперекъ живота, отчего у кота какъ то безпомощно и покорно повисаютъ лапы и тащитъ его вглубь кафе, къ мраморному столику. И это противное животное, лукавое и злое, которое никого и никогда не любитъ — теперь послушно щуритъ глаза, — басовито мурлычетъ, выпячивая жирную зобастую шею, и сладострастно прищуренными глазами требуетъ, чтобы ее пощекотали. Признаться я искренно желалъ, чтобы въ эту минуту влетѣлъ бы въ кафэ какой нибудь безпокойный песъ и по своему хорошенько проучилъ бы этого наглеца.

Котъ отлично зналъ, что все пойдетъ своимъ чередомъ, что черезъ какой-то промежутокъ времени на столѣ появится угощеніе и, дѣйствительно, когда подали шеколадъ — котъ не сталъ суетиться, притворился равнодушнымъ и только ноздри его легонько вздрагивали. Сейчасъ же на блюдечко была отлита львиная доля. М-сье Базиль вылакалъ ее, какъ должное, потомъ облизнулся и присѣлъ согнувшись, какъ-то по-стариковски.

— Онъ мышекъ ловитъ! — объявила вдругъ старшенькая, съ нѣжностью глядя на кота.

— И крысовъ, добавила маленькая.

— Тигровая порода,—сейчасъ же вступилъ въ разговоръ приватъ-доцентъ, собразившій, что здѣсь можно дать научныя разъясненія: – будь бы этотъ побольше, онъ всѣхъ бы насъ слопалъ, только бы кости затрещали.

— Нѣтъ, — съ какимъ то фанатазимомъ отвѣтила старшенькая: — я увѣрена, что мьсе Базиль никогда не позволилъ бы себѣ ѣсть человѣковъ и женщиновъ.

— А вотъ такую дѣвочку — и приватъ-доцентъ показалъ на маленькую и сдѣлалъ мстительные глаза: — непремѣнно бы сожралъ. Амъ, и дѣло съ концомъ!

И приватъ-доцентъ угрожающе лязгнулъ зубами.

Маленькая испугалась и юркнула мнѣ подъ руку, недоброжелательно поглядывая на блестящіе очки.

Мсье Базиль, какъ хамъ, знающій, что ждать больше нечего, подождалъ еще минуты двѣ, зѣвнулъ, вытянулся, оглядѣлъ насъ всѣхъ соннымъ мутнымъ взоромъ и лѣниво поплелся подъ стойку.

Въ это время по тому же слѣду, по которому летѣлъ аэропланъ, появились тучки, потемнѣло и пошелъ нѣжный, ласково прилегающій къ землѣ дождичекъ.

И всѣ мы призадумались, — и больше всѣхъ — старшенькая.

— Богъ письмецо на землю посылаетъ. Чтобы цвѣтики скорѣе зацвѣли, сказала она.

— Цвѣтики, — чуть слышно провторила маленькая.

Всѣ притихли, примолкли — и только приватъ-доцентъ вдругъ тоже вздохнулъ, постучалъ пальцами по столу и кислымъ теноркомъ запѣлъ «Расцвѣли цвѣты лазоревые,» потомъ вспомнилъ, что наступилъ моментъ, когда можно дать разъясненіе, откашлялся и началъ:

— Собственно говоря, въ Парижѣ нѣтъ климата. Іюльскій день можетъ быть отлично похожимъ на декабрьскій, и наоборотъ. Такого количества атмосферныхъ осадковъ, которое мы наблюдаемъ здѣсь, не отмѣтитъ ни одна метереологическая станція, за исключеніемъ развѣ лондонской...

Старшенькая испуганно смотритъ и думаетъ: не скучно ли мнѣ, а маленькая ежится у меня подъ рукой, и я чувствую ея тепло и нѣжность тѣла, и мнѣ кажется что это — уже не Парижъ, неимѣющій климата, а русскій южный городокъ, наступаетъ весна, прошло уже вербное воскресенье, скоро Пасха, въ кафе начнутъ бѣлить потолки и тогда бильярдъ закроютъ брезентомъ, а бѣлить будутъ тульскіе штукатуры, всѣ бѣлые, закапанные известкой, похожіе на мельниковъ.

Приватъ-доцентъ кончилъ, и старшенькая вспоминаетъ, что она — хозяйка, что намъ скучно и что насъ надо занимать.

— Ну, а скажи намъ, обращается она къ сестренкѣ: — какъ по французски будетъ дверь?

И звѣренокъ, который прикурнилъ у меня подъ мышкой, чуть слышно отвѣчаетъ:

— Портель.

— А верблюдъ?

— Фамо.

— Ну, а слонъ?

— Телефонъ.

Въ это время на порогѣ показывается мамочка съ свѣжимъ риммелемъ на рѣсницахъ и, улыбаясь, спрашиваетъ:

— Что же вы сбѣжали, господа? Кофе и бенедиктинъ уже на столѣ.

ЛѢТО.

Обильной и яркой горой навалена около лавки капуста, морковь, серебристый чеснокъ, клубника и желто-красныя упругія вишни. Внутри — сардины, спиртъ и яйца въ стеклянной вазѣ. Сзади — комната хозяевъ и при ней кухня.

Скоро— полдень, дѣло уже къ завтраку, на плитѣ— работа во всю.

Противъ лавки, на бульварѣ, въ тѣни двухсторонняго диванчика, лежитъ песъ, видимо бездомный, пожилой, и не то онъ голодный, не то больной, не то просто неудачникъ и пессимистъ, — быть можетъ отъ плохого желудка. Унылый, худой, облѣзлый, уши вялыя, но глаза умные и когда на что нибудь нацѣлятся, — проницательные и холодные. Возможно, что въ прошломъ онъ, этотъ песъ, знавалъ лучшія времена, но теперь обрюзгъ, пересталъ обращать вниманіе на шерсть, не вылизывалъ ее, запустилъ, и она похожа на плохой, давно неглаженный костюмъ, въ которомъ и въ общество тебя не пустятъ, и успѣха у женщинъ не добьешься.

Ему хочется спать: уложилъ голову на переднія лапы и судорожно втягивая воздухъ, время отъ времени, тяжко вздыхаетъ. Сна нѣтъ , да и откуда, быть ему, когда рядомъ по глянцевитой дорогѣ, безпрестанно снуютъ трамваи №№ 26 и 28, автобусъ У, автомобили, а рано по утру, часовъ шесть тому назадъ, здѣсь проходило стадо козъ и отъ нихъ до сихъ поръ остался острый, раздражающій, мускусный запахъ.

Нѣсколько дней тому назадъ Жаку, сыну хозяина подарили щенка: толстаго, дымчатаго, неповоротливаго псюру, который еще не научился заворачивать хвостъ бубликомъ, машетъ имъ какъ палкою, не зная оттѣнковъ лести, подобострастья, просьбы и наглости; дико-радостно съ ошеломленнымъ видомъ смотритъ на міръ, на солнце, на капусту, на автобусъ У, на башмакъ старой кухарки, на кругъ сыра, не чувствуя между этими предметами особенно большого различія и любитъ стращать посѣтителей лавки искуственно-хриплымъ, басовитымъ лаемъ.

И вотъ, расправляя залежавшіеся отъ сна члены, выходитъ изъ давки этотъ полусонный взъерошенный щенокъ, первая собственность и первый другъ пятилѣтняго Жака. Носъ у него уже пошевеливается, но еще явно не разбирается въ оглушительномъ запахѣ овощей, струганнаго дерева, ароматно смѣшавшихся слѣдовъ людей, котовъ, лошадей и козъ. Его не манитъ дуновеніе холодноватаго цинковаго бидона изъ подъ молока, фонарь съ почтовымъ ящикомъ, расщелины тротуарныхъ плитъ. Щенокъ рано оторванъ отъ матери и потому — неграмотенъ, невнимателенъ, нелюбопытенъ, лишенъ самыхъ элементарныхъ познаній. Деревенщина, молокососъ, дикарь.

Холодно, пристально, хотя и косясь, разглядываетъ его босяковатый песъ, что то соображаетъ и, сообразивъ, начинаетъ потягиваться, зѣвать до конца, раскрываетъ красную пасть и, наконецъ струсивъ пыль со своего побитаго мѣха, выходитъ изъ подъ скамьи на солнце и, разставивъ ноги вкось, сонными потухшими глазми уныло смотритъ передъ собой, словно размышляя о бренности земной жизни.

Щенокъ, увидя эту фигуру, заинтересовался ею безпредѣльно. Отъ любопытства онъ даже чихнулъ раза три, потрясая своей простодушной мордочкой. Страхъ, желаніе подойти, познакомиться, узнать въ чемъ дѣло — попеременно освѣщаютъ его веселые мальчищецки глупые глаза. И вотъ осторожно, выставляя правую лапу,

онъ дѣлаетъ первый нерѣшительный пробный шагъ. И въ это же мгновеніе старый песъ смертельно испугавшись, вздрагиваетъ и отскакиваетъ метра на два. Неужели онъ боится? И щенокъ удивленно, уже увѣреннѣе, дѣлаетъ второе движеніе, лѣвой лапой. Песъ, взволнованный и насторожившійся, взметнулся еще дальше.

Щенокъ остолбенѣлъ.

— Хе-хе! Да вѣдь старикъ-то меня боится! явно думаетъ онъ, и дико взвизгнувъ, ожесточенно, изо всѣхъ силъ, бросается въ наступленіе: песъ, взметнувъ ушами, удираетъ отъ него подчеркнутой опрометью, щенокъ летитъ за нимъ, и такъ минутъ пять сбивая съ ногъ мирныхъ жителей, они носятся по тротуару и подворотнямъ. Наконецъ, старый, высуня языкъ, дѣлаетъ видъ, что онъ выбился изъ силъ, спотыкается, даетъ нагнать себя, валится на троттуаръ, безпомощно задираетъ лапы, катается шаромъ, и тогда начинается милая и ласковая, притворно-враждебная собачья возня: одна изъ самыхъ очаровательныхъ игръ на землѣ.

Старикъ свирѣпо пучитъ глаза и щеритъ зубы, рычитъ, становится на заднія лапы, отталкиваетъ врага и мордой, и боками, пытается перейти въ наступленіе, бѣшено защищается, но ничего не можетъ подѣлать съ этимъ молодымъ, свѣжимъ и храбрымъ силачемъ: тотъ неизмѣнно торжествуетъ побѣду, и забывъ про свой солидный наигранный басъ, радостно визжитъ и заливается веселымъ пронзительнымъ дискантомъ. И есть чему радоваться, — онъ силенъ и необыкновенно ловокъ, съ такой непринужденной ловкостью бьетъ и приводитъ въ изнеможеніе стараго, испытанаго и видавшаго виды бойца.

Нѣсколько разъ побѣдитель отчаянно лаялъ по направленію къ лавкѣ и, показалось, вызывалъ своего юнаго повелителя и кричалъ ему:

— Гдѣ же ты, Жакъ? Что же ты медлишь, Жакъ? Выйди же скорѣе, посмотри на мой тріумфъ!

Увы Жака раньше старшихъ усадили за столъ и кормили молочнымъ супомъ. Жакъ стучалъ по столу ла-

допью и въ промежуткахъ, когда у него ротъ не былъ занятъ пищей, пѣлъ веселую пѣсню.

Нѣтъ большей ласки и нѣжности, какъ въ собачьей игрѣ, когда старый и умный песъ осторожно и насмѣшливо играетъ съ маленькимъ. И на нихъ потому съ удовольствіемъ смотрятъ всѣ: и шофферъ, и почтальонъ, и разносчица пневматиковъ, и изъ окна барышня въ утреннихъ папильоткахъ.

Вдругъ всѣ вещи стали на свои мѣста: старому надоѣло барахтаться и какъ то особенно ловко и просто, но на этотъ разъ по настоящему, онъ куснулъ щенка за ухо: тотъ взвизгнулъ, потрусилъ мордочкой, чихнулъ и принялъ смиренный, ученическій видъ. Тогда старикъ, какъ заботливый дядька, обнюхалъ его по всѣмъ швамъ, лизнулъ въ носъ и ухо, слегка толкнулъ въ бокъ и щенокъ, подпрыгивая какъ неупругій мячъ, понесся вспять, къ своему жилью. Игра была окончена, и старый песъ, сгорбившись, прежней развинченной походкой, приплелся на свое прежнее мѣсто, въ пыльную, належанную яму, въ узкую и продолговатую тѣнь.

Щенокъ нерѣшительно покрутился по троттуару, фыркнулъ на какого то случайнаго философическаго кота и смылся въ неизвѣстномъ направленіи.

Солнце припекало, сидѣть подъ свѣжей зеленью — пріятно, и еще пріятнѣе, вѣроятно, лежать животомъ на просыхающей землѣ. Газета — неинтересна: субботній боксъ вышелъ неудачливымъ, новинка въ театрѣ оказалась плохою, финансы не налаживались, рѣчи депутатовъ были длинны и бранчливы, Эрріо одинъ разъ надѣвалъ цилиндръ, въ объявленіяхъ—врачи и кавказскіе рестораны.

Было видно, какъ во второмъ этажѣ барышня раскручивала папильотки и головка ея, только что прилизанная и скучная. постепенно дѣлалась кудрявой, пышной и веселой.

Дремлется.

Вдругъ — крики, какъ будто у людей валится пото-

локъ. Топотъ ногъ. Французскія самыя бранчливыя слова.

Раскрываю глаза и вижу. Изъ глубины лавки вырываетя щенокъ, во рту у него — громадный кусокъ только что свареннаго, темно-сѣраго мяса. Съ этой добычей онъ летитъ по троттуару по направленію къ метро. Уши у него прижаты къ спинѣ, какъ у зайца, хвостъ болтается между ногъ, — прохожіе боязливо сторонятся, думая, не бѣшеный-ли? Вдогонку за нимъ, воровски пригнувшись, большими увеличенными шагами побѣжалъ песъ, внезапной оживившійся.

Я ясно уловилъ моментъ, какъ щенокъ, подбѣжавъ къ рѣшеткѣ метро, выбросилъ изо рта мясо и какъ въ тотъ же моментъ песъ подхватилъ его и, еще болѣе пригнувшись, понесся по направленію къ гаражу.

А щенокъ, какъ ни въ чемъ не бывало, уже привязался къ какой-то бретонкѣ, съ бѣлымъ крахмальнымъ платочкомъ на головѣ и нацѣливался на ея добротный, шерстяной чулокъ. Бретонка смѣялась и шутливо отбивалась завязаннымъ зонтомъ.

Тутъ то нашего героя и накрылъ хозяинъ, молодой, краснощекій, и веселый лавочникъ: схватилъ его за оба уха сразу и началъ кричать:

— Ты что же это, прохвостина, воровствомъ заниматься началъ, чужимъ собакамъ мое мясо таскаешь, идіотъ?

Щенокъ, испугавшись и закрывъ одинъ глазъ, не такъ чувствуя боль, какъ наказаніе, завизжалъ неистовымъ поросячьимъ фальцетомъ, призывая на помощь всю округу.

И тогда изъ лавки, преодолѣвъ всѣ преграды, вылѣтѣлъ, какъ молнія, маленькій толстенькій, пятилѣтній Жакъ. Весь его подбородокъ былъ въ чемъ то молочномъ, но глаза горѣли мрачнымъ гнѣвомъ. Увидѣвъ, что его собаку бьютъ, онъ въ свою очередь заоралъ во всю мочь, подскочилъ къ отцу и изъ всѣхъ силъ, съ бѣшеной страстью

и ненавистью, ощеривъ зубы, сталъ колотить его въ спину кулаченками.

— Не бей собачку, не смѣй бить! кричалъ съ истерическими слезами Жакъ: — можетъ быть, она ѣсть хотѣла.

— Хорошее дѣло — отвѣчалъ отецъ Жаку, какъ взрослому: — если бы онъ самъ жралъ, такъ куда ни шло, а то онъ отдалъ другой собакѣ.

— Ну и пусть, не успокаивался Жакъ: — можетъ быть та собака ѣсть хотѣла.

Отецъ отпустилъ щенка, присѣлъ на корточки, приложилъ ладони къ лицу, сдѣлалъ видъ, что Жакъ причинилъ ему боль и притворно протяжно заплакалъ.

Мальчикъ, у котораго глаза еще сверкали гнѣвомъ и слезами, сначала насупился, но потомъ началъ смягчаться.

— Поцѣлуй же отца, драчунъ ты этакій? Ему тоже больно! — закричало изъ окна барышня.

Мальчикъ прощалъ не сразу.

Отецъ смотрѣлъ на него сквозь пальцы однимъ глазомъ и дурашливо вылъ на всю улицу:

— Ой, мнѣ больно! Ой, отвезите въ больницу! Ой, Жакъ переломалъ мнѣ всѣ ребра!

Тогда Жакъ все еще насупившійся, подошелъ къ отцу, обѣими рученками расправилъ ему волосы, обнялъ его за шею и поцѣловалъ поочередно въ глаза: сначала въ правый потомъ въ лѣвый.

И, тогда восторгъ охватилъ француза.

— О, дорогой мой! О, добрый мой сынъ, крикнулъ онъ, всталъ на ноги, выпрямился, высоко, выше головы поднялъ своего первенца, торжествующе потрясъ его и потомъ съ такой же послѣдовательностью поцѣловалъ его то глаза: сначала въ правый, потомъ въ лѣвый и, безконечно, въ какомъ то упоеніи, повторялъ:

— О, славный мой, о умный мой мальчикъ. А меня покормишь, когда мнѣ жрать будетъ нечего?

— Покормлю — отвѣчалъ Жакъ. —

— А этого господина покормишь? — спросилъ лавочникъ, показывая на какого то прохожаго.

— Покормлю, — отвѣчаъ Жакъ.

И ощущеніе доброты, такъ рѣдко зримой въ человѣческихъ дѣлахъ и отношеніяхъ, охватило всѣхъ насъ, зрителей этой маленькой, уличной комедіи, и мы невольно улыбались другъ другу, какъ близкіе.

А щенокъ бѣшено носился по улицѣ, и не было такого человѣка, которому онъ не сунулся бы подъ ноги, поражая страшнымъ разъяренымъ лаемъ и не забывая, видимо, что нѣтъ на свѣтѣ пса, храбрѣе, сильнѣе и дѣловитѣе его.

Вышла мать и начала звать къ завтраку.

Уже пробило двѣнадцать, и лѣтнія полуденныя тѣни были чисты, мягки и спокойны. По небу плыли облака, несшія влагу отъ французскихъ рѣкъ для урожаевъ, быть можетъ, другихъ, не здѣшнихъ полей. Сообразивъ ихъ путь и мыслено вычертивъ направленіе, я понялъ, что это могутъ быть урожаи моей страны...

Давай вамъ Богъ!

ПѢВЕЦЪ.

Въ Константинополѣ — много проклятыхъ переулковъ и улицъ.

Городъ, не создавшій ни своего искусства, ни литературы, относится къ женщинѣ двояко: или держитъ ее въ гаремѣ, подъ семью замками, — покрываетъ ея лицо непроницаеаой, безобразной чадрой, — или выбрасываетъ ее нагою на площадь и пусть кто хочетъ, — равнодушно и безжалостно топчетъ ее тяжелой пятой. И тутъ этотъ городъ уже безпощаденъ. Равнаго ему въ этомъ отношеніи нѣтъ въ мірѣ другого города.

Стоялъ январскій, весенній вечеръ: днемъ на улицахъ продавали фіалки. Небо было синее, — по немъ, какъ по успокоившемуся океану, беззаботно плыла легенькая, безвесельная лодочка молодого мѣсяца. Народу на главной улицѣ было много, а что можетъ быть скучнѣе константинопольской толпы? Безкультурье, внѣшне воспитанное нѣмцами, — нѣмцами Вертгейма и Leipzigerstrasse. Дешевые котелки, дешевыя «деми-сезонныя пальто», неуклюжая роскошь дамъ, русскіе каракули и кроты на чужихъ плечахъ, — все это одинаково удручаетъ и тяготитъ въ обстановкѣ улицы, слегка напоминающей петербургскую Садовую.

О, божественный Петербургъ! Какая изъ столицъ вообще можетъ сравниться съ Тобою? Твои дворцы, твоя Нева, твои мосты, твои проспекты и улицы, — только теперь, потерявъ все это очарованіе, мы прозрѣли, мы

поняли, что такое Ты, и какъ великъ былъ генiй создавшихъ Тебя!

Мечтая о Россiи, объ ея теперешнихъ снѣгахъ, о вечернихъ огняхъ Невскаго, о часахъ, прожитыхъ въ петербургскихъ театрахъ, и думая о здѣшней унылой жизни, — жизни русскаго уѣзднаго города только съ болѣе отшлифованнымъ ресторанomъ и французскими надписями на кинематографическихъ картинахъ, — я спустился отъ Пера по какому-то переулку и очутился на незнакомой мнѣ, не длинной улицѣ. Оглянулся по сторонамъ, — и вижу обычную константинопольскую картину. За рѣшетками перваго этажа, какъ звѣри въ зоологическомъ саду, сидятъ женщины и каждому проходящему наперстками стучатъ въ окно.

Всѣ ярко одѣтыя, съ красными лентами въ волосахъ, то жадно, то безразлично смотрятъ онѣ на улицу и тутъ же, раскуривая папиросы и грѣя ладони, на чадящихъ мангалкахъ, сидятъ, какъ вѣдьмы въ «Макбетѣ», какiя то старыя мегеры съ изжеванными лицами и, навостривъ свои злые кофейные глаза, имѣютъ неусыпное наблюденiе за своими жертвами.

Русскаго сразу видно.

— Русъ, каращо! Русъ, иди суда! — безпокойно-ласково кричали мнѣ изъ оконъ.

Шумно отворялись чугунныя двери съ традицiонными задвижными окошечками, выбѣгали дѣвочки лѣтъ по 13, по 14 и тоже звали:

— Русъ, каращо! Русъ, иди сюда!

Это было все, что онѣ знали порусски.

На улицѣ царили, главнымъ образомъ, американскiе матросы.

— Armée française rue consigne, — гласила маленькая вывѣска, укрѣпленная тамъ, гдѣ висятъ, обыкновенно, названiя улицъ.

Для французской армiи эта улица была запрещена, за то поварскiя шапочки американскихъ матросовъ мелькали и за окнами, внутри домовъ, и на тротуарахъ, и въ

маленькихъ лавочкахъ, торгующихъ пивомъ, ликерами и смирновской водкой.

Тутъ же присутствовали представители полиціи чуть ли не всей Европы.

Въ особой караульной будкѣ несли дозоръ турки въ сѣрыхъ пальто и сѣрыхъ каракулевыхъ шапкахъ съ серебряннымъ полумѣсяцомъ. На углу обширное помѣщеніе занимали англичане, немного поодаль — французы и vis-a-vis—carabineri reali. Посрединѣ улицы, съ палками въ рукахъ, важно прохаживались туда и сюда, парные американцы.

Ровное теченіе атмосферы здѣсь могло поддерживаться только, видимо, мѣрами чрезвычайными.

— Неужели и здѣсь — любовь и ревность? думалось мнѣ: — или только пьяный угаръ?

Невольно останавливаюсь и вижу такую карину:.

Въ ярко освѣщенной комнатѣ сидитъ матросъ, на колѣняхъ у него — женщина. Полушутливо, полусерьезно она бьетъ его ладонью по лицу, по правой щекѣ и по лѣвой, — онъ терпѣливо и даже, кажется, внутренне-радуясь, переноситъ это, смотритъ на нее и что-то говоритъ, видимо оправдываясь.

Онъ красивъ — этотъ американецъ. Бѣлокуръ, свѣтлоглазый, мускулистый, онъ нравится ей. Она еще молода, — ей лѣтъ 18-19. Можетъ быть, она только недавно попала сюда? Можетъ быть, у нея еще не атрофировались человѣческія чувства и желанія? Можетъ быть, этотъ американецъ похожъ на ея перваго, — на того, изъ-за котораго загублена вся жизнь? По крайней мѣрѣ она — это ясно — забыла о долларахъ. О доларахъ помнитъ старуха, протянувшая руки къ мангалу. И американецъ бережно держитъ женщину, и смотритъ ей прямо въ глаза, и забылъ, что она —тряпка, о которую всякій можетъ вытереть грязные сапоги. Не со дня же своего рожденія она надѣла это яркое платье, которое сейчасъ на ней? И былъ же день, первый день, когда она только что попала сюда, за эту рѣшетку , многаго не знала, и былъ вечеръ, —

тотъ первый страшный вечеръ, когда ее уже не любили, а только покупали? И были же тѣ деньги! — первыя деньги, которыя она получила за свое тѣло? Тогда не горячи, только послушны были ея ласки. Можетъ быть, былъ пьяный угаръ, былъ дурманъ, — мало ли что было? Но была и грань, раздѣлявшая на двѣ половины ея жизнь, — жизнь человѣка и автомата.

Онъ смотритъ на нее, — этотъ молодой, здоровый, отлично сложенный звѣрь, — и пусть на разсвѣтѣ завтрашняго дня онъ забудетъ ее и уйдетъ на свой миноносецъ, но сейчасъ я хотѣлъ бы видѣть человѣка, который посмѣлъ бы протянуть къ ней руки, оскорбить ее или обозвать браннымъ словомъ.

Притаилась старуха, протянувшая руки къ мангалу, почувствовала своимъ бѣднымъ, тоже, вѣроятно, плохо прожившимъ сердцемъ, что въ ея навозной комнатѣ совершается что-то чистое и человѣческое.

И, пожалуй, случись какое-нибудь осложненіе, — вся полиція: и англійская, и французская, и американская и carabineri reali нашли бы себѣ дѣло.

Толкались здѣсь и музыканты. Ходили турки со своими кларнетами и маленькими барабанчиками. Неся на плечахъ тусклыя, какъ нечищенные самовары, трубы, здѣсь же слонялся, ища заказчика и тщетно припоминая широкіе отечественные нравы, — русскій оркестръ. Четыре человѣка въ защитныхъ шинеляхъ, — не то солдаты, не то бывшіе офицеры жадно заглядывали въ окна: не поманитъ-ли къ себѣ ихъ, пасынковъ Великой Страны, какая нибудь не православная, разгулявшая рука?

А небо было синее и далекое и все такъ же безпечально одна плыла безвесельная, безпарусная, волшебная лодочка...

Изъ лѣваго переулка на улицу свернула извощичья коляска, въѣхала и остановилась у перваго подъѣзда. И вотъ тутъ-то началась странная, непонятная исторія.

Въ великолѣпномъ просторномъ экипажѣ сидѣло пять человѣкъ: два — на передней скамейкѣ и три — на

задней. Четверо изъ нихъ были турецкіе матросы съ тусклыми золотыми надписями на круглыхъ, почти монашескихъ шапочкахъ. Пятый пассажиръ, сидѣвшій посерединѣ, былъ одѣтъ въ штатское и на головѣ имѣлъ феску.

Матросы были напряженно молчаливы и серьезны, а штатскій сидѣлъ, понуря голову или прислушиваясь къ чему то внутри себя, или глубоко задумавшись. Ясно и несомнѣнно было одно: это не были пьяные люди.

Я остановился, наблюдая эту группу.

Такъ прошло минуты двѣ-три.

И вдругъ штатскій запѣлъ: высокій, звонкій теноръ полился по корридору вечерней улицы. Поднявъ голову приставивъ обѣ ладони ко рту, какъ рупоръ, турокъ пѣлъ какую-то неуловимую, причудливо и капризно, какъ стекла въ калейдоскопѣ, переливающуюся мелодію. На неопредѣленныхъ нотахъ, на какихъ-то непонятныхъ, дробящихся на четверти тонахъ, его чистая, четкая и сильная линія голоса извивалась въ страстной и явно кого-то призывающей пѣснѣ. Матросы, угрюмые, ни на кого не глядя, словно исполняя долгъ, сидѣли и караулили, оберегали пѣвца.

Остановились всѣ прохожіе, повылѣзли лабазники, застучали выдвижныя рамы, высунулись, насколько позволяли рѣшетки,—женщины. И сразу въ этой собравшейся толпѣ можно было узнать турокъ: только они понимали слова пѣсни и слушали, и были невеселы и сосредоточены, какъ четыре матроса и ихъ кучеръ.

Остановились американцы, спрятавъ палки за спину, насмѣшливо и недовѣрчиво хмурились англичане. Пѣніе, такое одинокое, такое непонятное, смущало ихъ полицейскія головы. Какъ будто и непорядокъ, но разъ играетъ музыка, разъ гремитъ оркестръ, — отчего же и не спѣть?

Пѣвецъ кончилъ и снова опустилъ голову и осунулся.

Что-то сказалъ, чуть повернувшись къ кучеру, матрссъ, сидѣвшій на передней скамейкѣ. Экипажъ тихо тронулся впередъ, но не далеко: у вторыхъ или третьихъ дверей онъ, по сигналу того же матроса, опять остановился.

И опять, понуривъ голову, словно ожидая вдохновенія, сидѣлъ человѣкъ въ фескѣ и опять неуловимо встрепенулся и, приложивъ ладони ко рту, запѣлъ.

Та ли это была мелодія или другая, — трудно было непривычному уху различить. Была страсть, подлинная, вдохновенная, былъ ясный вечеръ, была серебрянная лодка, на зачумленную улицу снизошло что-то святое и тихое, съ чѣмъ-то примиряющее, что-то успокаивающее или, можетъ быть, сладко тревожащее...

И прильнули, боясь шелохнуться, къ рѣшеткамъ женщины...

Только въ лавкѣ, торгующей пивомъ, ни на что не обращалъ вниманія волосатый старый грекъ. Передъ нимъ стояла банка съ клейстеромъ, онъ обмакивалъ въ нее кисть и хмуро подклеивалъ ветхіе, истрепанные піастры. По его позѣ, по его насмѣшливымъ, холоднымъ глазамъ, по его пенснэ, криво надѣтому на середину носа, сразу было видно человѣка, знающаго и недовѣрчиваго.

Я зашелъ спросить папиросъ.

— Нѣтъ папиросъ! сердито, не поднявъ глазъ, отвѣтилъ грекъ.

Тогда я спросилъ осьмушку бенедиктину. Грекъ досталъ флакончикъ съ резинкой на горлышкѣ и, не въ примѣръ торговцамъ съ благочестивыхъ улицъ, содралъ съ меня семьдесятъ піастровъ и смягчился:

— Вы не знаете, что это за странная исторія, — это пѣніе? спрсилъ я.

Грекъ посмотрѣлъ на свѣтъ подклеенную бумажку, придвинулъ пенснэ ближе къ глазамъ и отвѣтилъ:

— Это одинъ сумасшедшій дуракъ. Онъ былъ на войнѣ и ослѣпъ отъ какого-то газа. У него вылѣзли глаза. Онъ слѣпой, — слѣпой, — понимаете? Ну вотъ.

Грекъ замолчалъ.

— А чего же онъ поетъ? Онъ зарабатываетъ этимъ хлѣбъ? — допытывался я.

Грекъ сдѣлалъ свое молчаливое, традиціонное охі и спросилъ меня:

— Сударь мой! Вы были въ Россіи богатымъ человѣкомъ?

— Да, былъ богатымъ, совралъ я, чтобы снискать расположеніе въ очахъ грека.

— Ну такъ вотъ, пояснилъ мнѣ грекъ: — и вы были богатъ, и я — богатъ. Но если взять васъ, вашего папашу и вашего дѣдушку и если взять меня, моего папашу и моего дѣдушку и сложить всѣхъ вмѣстѣ,— то этотъ человѣкъ купитъ насъ двадцать разъ и двадцать разъ продастъ.

Грекъ опять смолкъ. Я еще потоптался на мѣстѣ и робко замѣтилъ:

— Странныя мѣста, однако, этотъ человѣкъ находитъ для своего пѣнія!

Грекъ сдѣлалъ какой-то неопредѣленный жестъ, заткнулъ банку пробкой и внушительно сказалъ мнѣ:

— Когда вы выпьете этотъ бенедиктинъ и пустую бутылку бросите въ море, она нальется водой и пойдетъ ко дну. Такъ и здѣсь. Когда онъ вернулся домой, и жена увидѣла его страшные глаза, — она пропала, пропала, какъ утонула. Она не могла съ нимъ жить. Но, господинъ, посмотрите кругомъ: мали-ли бабъ на свѣтѣ? Дай ей брилліанты въ уши, повѣсь на шею жемчуга, на одну руку — рубинъ, а на другую—изумрудъ и самые страшные глаза ей покажутся ангельскими. А этотъ человѣкъ нанимаетъ арабаджи, ѣздитъ вотъ по такимъ улицамъ, какъ наша и поетъ, — и тамъ ниже, и тамъ выше. Думаетъ, что его пѣсню услышитъ та женщина, которую не прельстили ни жемчуга, ни брилліанты, и откликнется.

Я призадумался и спросилъ:

— А вы думаете — не откликнется?

Грекъ снялъ пенснэ, лицо его, безъ стеколъ, принялъ иное увѣренно-насмѣшливое выраженіе и мнѣ показалось, что онъ можетъ прочитать мои самыя затаенныя мысли. Но онъ щелкнулъ языкомъ о небо, слегка вздернулъ головой вверхъ и отвѣтилъ:

— Охі!

Я ушелъ изъ лавки. Экипажъ пѣвца медленно ѣхалъ вдоль улицы.

И долго еще, идя къ дому, я слышалъ странную и непонятную пѣсню.

ИТАЛЬЯНСКІЕ СИЛУЭТЫ.

— «Что ты былъ и что сталъ и что есть у тебя...»

Такъ часто вспоминаются теперь эти невеселые кольцовскіе стихи...

Хочется помечтать о прошломъ. Впрочемъ, это невѣрно. О прошломъ не мечтаютъ. О прошломъ вспоминаютъ.

Что такое былъ «русскій» въ прошломъ?

Сейчасъ, въ духотѣ константинопольскаго гетто, когда даже сербы, искренніе и благородные друзья, не разрѣшаютъ русскимъ проѣхать черезъ свою территорію, сейчасъ мнѣ вспоминаются нѣсколько мимолетныхъ случаевъ изъ такого близкаго и въ то же время такого далекаго прошлаго.

Почему то, ѣдучи заграницу, я рѣшилъ, однажды, взять съ собой золотыя деньги. Думалъ, что это хоть и неудобно, и хоть и тяжело, но это вѣрнѣе. Какъ разъ это совпало съ тѣмъ временемъ, когда въ русскихъ банкахъ золото почти навязывали кліентамъ. Сшилъ я себѣ замшевый мѣшокъ, наложилъ въ него десятирублевыхъ «колесиковъ» и отправился въ вояжъ. Пріѣхалъ въ Венецію. Беру сто рублей и иду къ мѣнялѣ. Золотые, какъ на подборъ — новенькіе, чистенькіе, веселые: такъ и хочется подбрасывать ихъ на ладони. А какъ сверкаютъ на солнцѣ. А какой пріятный видъ. Вспомились романы Вальтеръ-Скотта: какъ хорошо, вѣроятно, сидя на конѣ, бросить «ошелекъ съ такими деньгами услуживому трактирщику Зеленаго осла».

Съ большимъ сожалѣніемъ высыпалъ я деньги мѣнялѣ на прилавокъ и смотрѣлъ какъ своими сухими, жадными, подагристыми пальцами, поддѣвая ногтемъ, забираетъ онъ ихъ,—потомъ пересчитываетъ изъ руки въ руку и запираетъ въ длинный ящикъ, съ двумя замками: висячимъ и внутреннимъ. Потомъ, доставъ изъ шкафика синенькіе, маленькія бумажки, начинаетъ отсчитывать мнѣ итальянскія лиры. Вижу — на одну лиру даетъ меньше противъ курса.

— Что это такое? — возмущаюсь я.

— Какъ что? — спрашиваетъ мѣняльщикъ!

— Почему на лиру меньше?

— Потому, что вы, синьоръ, мѣняете золото.

— ? ! ?

— Да, да. Потому, что вы мѣняете золото. Дайте вашу бумажную сторублевку, и вы получите на лиру больше.

— ?!?

— Да, да. Ваша бумага стоитъ дороже золота.

— ?!?

— Да, да. И я вамъ сейчасъ скажу почему. Когда я принесу золото въ вашъ Государственный Банкъ, у меня его примутъ только по вѣсу. А золото вещь такая: прошла монета по рукамъ сто разъ и уже что-то стерлось: то усы у императора, то у орла что такое, то буквочки и уже, однимъ словомъ, до полнаго вѣса не хватетъ.

— А бумага? —

— А бумага — другое дѣло. Когда я принесу бумагу въ вашъ Государсвенный Банкъ и мнѣ дадутъ золото, тогда я уже возьму и свѣшу. И если до полнаго вѣса хватать не будетъ, я и скажу: «милостивые государи, позвольте мнѣ полный вѣсъ».

— Значитъ, русская бумага выше золота?

— О, конечно синьоръ. Вообще, что же на землѣ сейчасъ есть выше русской бумаги?

— Какой же я дуракъ, сказалъ я задумчиво.

— А въ чемъ дѣло? участливо спросилъ мѣняла.

— Да я всѣ деньги взялъ золотомъ. И тяжело, и опасно, и невыгодно.

Мѣняла вздохнулъ, приподнялъ свою шапочку и наставительно мнѣ отвѣтилъ:

— Вы, синьоръ, не дуракъ, но когда будутъ говорить о дуракахъ, васъ вспомнить все таки необходимо.

— А почему? смиренно вопросилъ я.

— А потому. Очень просто. Если бы у насъ, въ Италіи, наша бумага стоила дороже нашего золота, тогда, повѣрьте, мы всѣ бы знали объ этомъ. Это гордость государства, синьоръ. И если бы наши бумаги стоили дороже нашего золота, мы не нуждались бы въ васъ, господа форестьеры. А теперь мы кланяемся вамъ и говоримъ: — Ради Бога. Пожалуйста. Вамъ — лучшій отель. Вамъ — первый классъ. Вамъ — лучшая курица. Вамъ — прогулка по озерамъ. Вамъ — лучшее кіанти. Вамъ — лучшіе макароны. Говоримъ и думаемъ: – чтобы васъ чертъ вмѣстѣ съ этими макаронами проглотилъ!

Старикъ немножко подумалъ и добавилъ:

— Особенно англичанъ.

*
* *

Помню прелестное іюньское утро въ Неаполѣ. Балконъ моей комнаты выходилъ на заливъ и я, лежа въ постели, могъ любоваться туманными, горбатыми очертаніями Капри и слѣва — четкимъ массивомъ Везувія, который, какъ гигантская шапка, прикрылъ собою огненный адъ, гдѣ мучаются грѣшники.

Сегодня съ утра я рѣшилъ съѣздить въ Помпею.

Извозчикъ быстро доставилъ меня до вокзала, и, все-таки, всюду было уже полнымъ полно. Тутъ былъ и кюре въ лохматой шляпѣ, поля которой прикрѣпляются къ тульѣ ниточками, и какой то старaный щеголь-сердцеѣдъ, съ огромными фальшивыми камнями на пальцахъ, еще какіе то итальянскіе люди и, какъ изюмъ въ кутью, во всю эту живописную массу были вкраплены англичане

со своими прямыми трубками, красными книжками и бѣлокурыми миссъ.

Мѣста мнѣ не было.

Я стоялъ между диванчиками и собирался уже выйти на площадку, какъ вдругъ господинъ съ фальшивыми камнями обратился ко мнѣ съ какимъ то вопросомъ по нѣмецки. Я отвѣтилъ ему, что по нѣмецки не говорю.

Тогда онъ задалъ мнѣ вопросъ:

— Развѣ синьоръ не «Tedesko»?

Слово «Tedesko», относимое къ солиднымъ, положительнымъ и экономнымъ нѣмцамъ. всегда, почему.то смѣшило меня, и я, вѣроятно, улыбался, ибо старый щеголь тоже отвѣтилъ мнѣ улыбкой и началъ вопрошать дальше.

— Такъ, вѣроятно, синьоръ, полякъ?

— Нѣтъ, и не полякъ, отвѣчалъ я.

— Russo?

— Russo.

— Господа! сейчасъ же по всему вагону раздался тревожный призывъ стараго щеголя: — русскій стоитъ! Русскому синьору нѣтъ мѣста! Русскій ѣдетъ въ Помпею, а это нелегкая вещь, осматривать ее въ жаркій день!

Всѣ наперерывъ уступали мнѣ свои мѣста.

Старый щеголь могъ бы самъ, безъ великаго шума, усупить мнѣ свое мѣсто, но я понялъ, что ему хотѣлось устроить легонькую демонстрацію. И столько было — милыхъ жестовъ, гостепріемныхъ, мягкихъ и ласковыхъ интонацій!

Въ тѣ времена Россія крѣпко поддерживала Италію въ какомъ-то международномъ осложненіи.

Я чувствовалъ себя тріумфаторомъ и заочно благодарилъ нашихъ дипломатовъ. Англичане оставили свои бедекеры и хмурымъ окомъ покосились на меня.

И это было замѣчено.

Старый кюрэ въ лохматой шляпѣ вдругъ протягиваетъ мнѣ газету и громко, на весь вагонъ, демонстративно говоритъ:

— Господинъ русскій! Могу васъ поздравить!

— Съ чѣмъ? спросилъ я.

— Вашъ парламентъ принялъ новую судостроительную программу и ассигновалъ на нее два милліарда лиръ. Вотъ читайте. Это «Mattino».

На всѣхъ скамьяхъ было движеніе, какъ пишутъ въ отчетахъ, и я чувствовалъ себя гордымъ, надменнымъ сыномъ великой страны. На душѣ было хорошо и я твердо зналъ, что гдѣ-то за спиной есть «наши» дипломаты, «нашъ» парламентъ, а вмѣстѣ съ ними у меня есть мѣсто подъ солнцемъ и мѣсто не плохое.

Какъ было хорошо тогда — въ то теплое и свѣтлое неаполитанское утро.

* * *

Это было давно.

ЛЮДИ.

Ялта. Сижу на набережной. Майское море — какъ подростающій ребенокъ: ластится, играетъ, говоритъ ккія то нѣжныя, только что, видимо, придуманныя, еще никому не понятныя слова.

Всего мѣсяцъ-два тому назадъ оно напоминало разъяренаго, пьянаго великана, отъ котораго пугливо, какъ червяки за стѣнку, прятались за молъ англійскіе «Александры», «Мантрозы» и «136». Теперь — они уже на рейдѣ, — всѣ эти «Александры», и «Мантрозы», безпечно курятъ въ поднебесье свои огромныя тубки, и какъ въ голубомъ гамакѣ, тихонько покачиваются на упругихъ синихъ волнахъ. Море смѣнило гнѣвъ на милость.

Вѣтеръ, то солоноватый, то пахнущій свѣжимъ, парниковымъ огурцомъ, ласково ощупываетъ ваше лицо, руки, ласкаетъ волосы. Небо чистое, облака не размазаны, а плывутъ четкія, выпуклыя, словно тѣ мраморныя глыбы, которыя такъ и просятся въ мастерскую скульптора.

Сидишь на набережной въ скверѣ, и въ голову ползутъ, какъ во снѣ, разныя не склееныя никакой логикой мысли. Передо мной по старому избитому асфальту прогуливаются разные люди и сразу видишь среди нихъ дѣловыхъ, влюбленныхъ, скучающихъ...

Вотъ прямо на меня идетъ знакомый человѣкъ, петербургскій врачъ. Онъ извѣстенъ тѣмъ, что при встрѣчѣ вмѣсто «здравствуйте», говоритъ то искусственно, то натурально вздыхая, всегда одну и ту же фразу:

— Эхъ жизнь! Когда ты похужѣешь?

Врачемъ онъ былъ въ Петербургѣ извѣстнымъ, практику имѣлъ на 28 улицахъ и въ послѣднее время началъ покупать на весеннихъ выставкахъ картины, при чемъ очень любилъ талый снѣгъ. На консиліумахъ спорилъ даже съ профессорами, когда дѣло касалось внутреннихъ болѣзней, и писалъ диссертацію на докторскую степень.

На этотъ разъ подходитъ ко мнѣ и, къ удивленію, говоритъ просто и печально:

— Здравствуйте.

Сказалъ и словно крупными буквами вписалъ въ воздухъ всю эту дюжину буквъ.

Я удивленъ. Вижу, что этотъ словоохотливый, всю свою жизнь научно думающій о пищевареніи человѣкъ— печаленъ. Сѣлъ и молчитъ. Куритъ и не замѣчаетъ, что огонь дошелъ до мундштука. Смотритъ на море и не видитъ его. Кувыркается неподалеку отъ берега дельфинъ, — онъ не замѣчаетъ его. Въ другое время обязательно обозвалъ бы его Семеномъ Ивановичемъ, потому что у него всѣ черноморскіе дельфины — Семены Ивановичи.

— Хорошая погодка! говорю я, чтобы завязать разговоръ.

— Да, погодка хороша, многозначительно отвѣчаетъ онъ и добавляетъ: — вечеръ майскій, ромъ ямайскій, чай китайскій.

Вдругъ поворачивается всѣмъ корпусомъ, смотритъ на меня мутными, не выспавшимися глазами , и явно иронизируя надъ моей, слишкомъ традиціонной «хорошей погодой», ехидно спрашваетъ:

— А почемъ мясо?

— Мясо не ѣмъ, отвѣчаю я: — вегетаріанецъ.

Онъ смотритъ на меня и опять съ прежней многозначительностью испытующе говоритъ:

— Это полезно.

И сейчасъ же, по старой привычкѣ, изображая семинариста, разсказываетъ съ удареніемъ на о:

— Ѣдетъ на пароходѣ дьяконъ. Стоитъ на борту и бесѣдуетъ самъ съ собой. «Говорятъ, что въ Черномъ морѣ

много іоду. Если это такъ, то это полезно». Если вы не изволите кушать мяса, то это полезно.

Сказалъ, сложилъ руки на палкѣ и замолчалъ. Все тянетъ уже потускнѣвшій мундштукъ. Тянулъ, тянулъ и вдругъ разозлился.

— Погода! Чертъ бы ее къ себѣ въ кашу положилъ. Тоже Крымъ называется. Южный берегъ! жемчужина. Весь апрѣль въ туманахъ прошелъ. Да вы помните нашъ апрѣль, тамъ, въ Петербургѣ? А музыку Чайковскаго на «Май» помните? Боже мой! Вотъ гдѣ былъ южный берегъ, а не здѣсь. Болото проклятое. Малярія. Людей, заболѣвшихъ здѣсь, лѣчить не умѣю. Можете это представить себѣ? Какія то особыя свойства даже въ болѣзняхъ несутъ съ собой и эти проклятыя горы, и это проклятое море.

— А вы эти вотъ самыя свойства изучали бы, — наставительнымъ менторскимъ тономъ говорю я ему — вкладъ въ науку сдѣлали бы. Докторская диссертація на тему: «Особыя свойства крымскихъ болѣзней» или еще что нибудь въ этомъ родѣ. Перевели бы васъ на иностранные языки и вышелъ бы, смотришь, изъ васъ второй Захарьинъ, Кохъ, Пастеръ, Илья Мечниковъ.

— Вотъ, вотъ злорадно разсмѣялся онъ, вотъ именно: Илья Мечниковъ. Прямо такъ и валяй, безъ остановки, безъ пересадки въ Ильи Мечниковы. Въ болгарскую простоквашу.

— А что жъ? — стараясь быть резоннымъ, говорилъ я ему: — а чего жъ не Илья Мечниковъ? Плохъ тотъ солдатъ, который не думаетъ быть генераломъ. Вы — молоды, у васъ — башка на плечахъ, здоровы, сыпной тифъ вонъ какъ насморкъ вынесли.

— Именно, именно, — ехидничалъ онъ — какъ сыпной тифъ вынесъ, такъ сейчасъ же и Пастеръ, такъ сейчасъ же изъ Парижа эстафета, сорокъ тысячъ курьеровъ.

Вижу, что человѣкъ очень встревоженъ. Прислушиваюсь къ его тону и чувствую, что онъ говоритъ со мной, раздражается, ехидничаетъ, но все что относится не ко

мнѣ, не къ моей послѣобѣденной болтовнѣ, а къ чему то другому, стоящему за нашими спинами, что не даетъ ему покоя, мучаетъ его и мѣшаетъ забыться даже на секунду.

Чѣмъ отвлечь человѣка отъ мрачныхъ мыслей? Показываю палкой на море.

— Смотрите, говорю, дельфины кувыркаются.

— А ну ихъ къ дьволу! — раздраженно отвѣчаетъ онъ и отворачивается отъ моря: — глаза бы мои на эту пошлось не глядѣли.

— Дельфины — пошлость?

— Да и дельфины — пошлость! — раздраженно отвѣчаетъ онъ и не смотритъ на нихъ.

— А я бы, говорю, ихъ, этихъ Семенъ Ивановичей, выдрессировалъ бы почту возить отъ Ялты до Константинополя. По моему, говорю, ребята смышленые и веселые. Надъ ними, должно быть, всѣ рыбы смѣются.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю! — сердито буркнулъ мнѣ докторъ въ отвѣтъ, — милліонъ червонцевъ вамъ на мелкіе расходы!

Я разсердился.

— Вотъ еще, говорю: все время хочу васъ развлечь, привести въ хорошее расположеніе духа, а вы злитесь и фыркаете, какъ индюкъ. А еще петербуржецъ съ Кабинетской. До свиданія!.. Я ухожу. Сидите тутъ одинъ и злитесь.

Я рѣшительно застегнулъ на жакетѣ всѣ пуговицы, всталъ со скамьи, а онъ схватилъ меня за рукавъ и тащитъ къ себѣ. Взглянулъ я ему въ лицо и вижу: глаза полны слезъ. Глаза у него обычно были жадные, яркіе, зеленые, а теперь ктото словно эту краску смылъ, а другою помазалъ и стали они голубенькіе, жиденькіе.

— Вѣдь , вы знаете горе то у меня какое, — вдругъ по дѣтски, совсѣмъ не прежнимъ тономъ, а безпомощно, пролепеталъ онъ и слезы не удержались въ глазахъ, а потекли по лицу, какъ дождевыя капли по стекламъ.

— Что такое? встревоженно спросилъ я.

— Жена-то... Любочка...

— Ну, ну?

— Измѣнила... Ушла къ другому... —

— Какъ измѣнила?

Отъ изумленія, отъ неожиданности я никакъ не могъ понять всего сразу.

— А такъ, — упавшимъ голосомъ говорилъ докторъ: — ушла да и все. Все забрала. Сундуки упаковала, какой былъ хламъ хозяйственный татарину продала, только и осталось, что пустые коробки изъ подъ конфектъ да поломанные футляры отъ духовъ.

Я зналъ его жену, рыженькую блондинку съ загорѣлой шеей и пониже — съ очень бѣлой, молочнаго цвѣта, кожей. Я зналъ, что она любила все лиловое, и, когда были фіалки, то этотъ сейчасъ плачущій человѣкъ, врачъ съ Кабинетской, торгуясь и проклиная татаръ скупалъ ихъ на набережной цѣлыми корзинами..

— Вотъ такъ штука! — подумалъ, я, снова разстегнувъ на жакетѣ всѣ пуговицы, и сѣлъ рядомъ съ нимъ.

А онъ плакалъ.

Странно видѣть большого, плачущаго человѣка. А тутъ и еще неловко было, потому что прохожіе явно думали, что я какою нибудь жестокостью довелъ его до слезъ.

Наплакавшись, онъ какъ то пособачьи, короткими глотками, потянулъ въ себя воздухъ, пахнущій свѣжимъ огурцомъ, и судорожно вздохнувъ, сказалъ:

— Не знаете ли вы, гдѣ можно купить хорошую партію табаку?

— Не знаю, — простодушно отвѣтилъ я. — я покупаю обычно въ лавочкѣ, вонъ въ той, что на ливадійскомъ мосту...

— Да нѣтъ, мнѣ нужно ящиковъ десять, сказалъ онъ и вдругъ опять вспылилъ:— и, вѣдь, какая противная баба была: ничтоженькая, бездарненькая актрисенка, глупая, распущенная, смотрѣла на сцену, единственно какъ на мѣсто, откуда можно показывать свое декольтэ, Островскаго преподлымъ амикошонствующимъ тономъ

звала Осетровскимъ, проповѣдывала противную теорію первыхъ и вторыхъ женъ.

— А что это за теорія?—невольно полюбопытствовалъ я.

— А теорія эта заключается въ томъ, что первыя жены приносятъ съ собой, видите ли, темпераментъ, а вторыя хозяйственныя способности. Глупая, подлая, лживая бабенка, а вотъ уѣхала и я негодую, трясутся пальцы и если бы знали, какъ плачетъ душа, охъ, какъ плачетъ душа!

И вдругъ отложивъ свое горе въ сторону, опять спрашиваетъ:

— Такъ не знаете ли вы, гдѣ можно здѣсь купить партію хорошаго табаку?

— Да на что вамъ столько табаку! — недоумѣнно спросилъ я.

— Деньги нужны. Нужно монету сгонять. На деньги я ее снова приманю. На колѣнкахъ приползетъ. А деньги достать теперь не трудно. Разъ-два и готово. Какъ желѣзнодорожный ретуръ — билетъ: отвезъ — привезъ и вотъ тебѣ pecunia. А это, банки ставить да кровь отворять, — довольно съ насъ, попили нашей кровушки.

— Да полноте, — говорилъ я; — стоитъ-ли на деньги приманивать женщину? Ну что вамъ это дастъ? Пройдутъ деньги, она снова уйдетъ. Плюньте! Вы человѣкъ талантливый, молодой. У васъ еще вся жизнь впереди. А такихъ женщинъ, какъ ваша жена,—вы меня простите пожалуйста, сотню каждый день повстрѣчать можно.

— Много вы понимаете! — буркнулъ въ отвѣтъ докторъ.

Онъ злился, а море было синее, плескалось тихо, вспомнился почему то тихій венеціанскій вечеръ, площадь св. Марка, карнавалъ, — тотъ вечерній моментъ карнавала, когда вдругъ дѣлается тихо и всѣ начинаютъ шептаться. Справа серебрился молодой, только что народившійся мѣсяцъ.

И я сказалъ:

— Вамъ везетъ съ самаго начала.

— А въ чемъ дѣло? — съ тайной надеждой встрепенулся вдругъ докторъ.

— Посмотрите — молодой мѣсяцъ у васъ съ правой стороны!

Мой докторъ взглянулъ наверхъ, слабо улыбнулся и какъ будто просвѣтлѣлъ. Въ глазахъ у него зародилась надежда.

— А и вправду, — сказалъ онъ, — вѣдь эта примѣта къ деньгамъ. Ахъ жаль, что вы не знаете, гдѣ продаютъ табакъ оптомъ. Я имѣю полную возможность купить и выдержать его мѣсяца полтора. А это худо, бѣдно — даетъ minimum двѣсти процентовъ.

Докторъ еще разъ взглянулъ на молодой мѣсяцъ и, искоса глядя на меня, подержался за кошелекъ.

* * *

И вспомнился мнѣ другой случай.

Пароходъ нашъ, по пути изъ Неаполя въ Одессу, пришелъ въ Палермо. Пароходъ былъ грузовой, тяжелоходъ, — везъ онъ въ Россію лимоны, и за двѣсти франковъ доставлялъ намъ всѣ прелести спокойной, трехнедѣльной прогулки по синему морю.

Со мной ѣхалъ молодой, талантливый русскій поэтъ, нынѣ покойный. У поэта, несмотря на молодость, была бурно прожитая жизнь и въ 27 лѣтъ онъ, не кокетничая, писалъ книгу объ одиночествѣ и еще лучше говорилъ о немъ.

— Больше всего на свѣтѣ, — говорилъ онъ, — я люблю сидѣть вотъ такъ, на борту парохода, курить и думать.

Этой фразой, между прочимъ, онъ закончилъ свою посмертную книгу, напечатанную на грубой оберточной бумагѣ. Эта книга прошла незамѣченной и тогда поэтъ, принявъ невѣрную дозу морфія, слишкомъ долго мучился передъ смертью: цѣлую ночь! Миръ праху его.

Но тогда,когда мы шли въ Палермо, стояли чудесные,

итальянскіе высокіе дни, — я говорю высокіе потому, что въ эти дни голубая крыша неба поднимается надъ человѣкомъ необычайно высоко и залъ земли кажется необычайно просторнымъ, высокимъ и великолѣпнымъ... Было жарко, но море не давало чувствовать зноя.

— Въ Палермо мы простоимъ не менѣе двухъ сутокъ.

Такъ сообщилъ намъ капитанъ или, какъ мы его звали — старый песъ Донъ-Хуанъ, и бравый винопійца: было удивительно, сколько краснаго пьемонтскаго могло пройти черезъ его луженную глотку.

Поэтъ мой былъ въ тѣ времена угрюмъ и молчаливъ и его потомъ въ Петербургѣ такъ боялась моя молодая жена. Онъ былъ близорукъ и, когда морщился чтобы лучше разсмотрѣть кого нибудь, то лицо его дѣлалось злымъ, а взглядъ сверлящимъ. Кромѣ того, у него была деревянная нога,въ которой постоянно портились какіе-то винты.

Выходя въ Палермо на берегъ, мы съ поэтомъ твердо рѣшили «разгрызть этотъ городъ, какъ орѣхъ».

Палермо — городъ ножа и моряковъ. Почти вся команда нашей «Scrivia» была набрана изъ палермитанцевъ и они то, эти бравые штурманы, всѣ бѣлые съ головы до ногъ, разсказали намъ, что здѣсь за малѣйшій любовный грѣхъ, разсчитываются ножомъ и потому черноокія сеньоры, одѣтыя какъ Карменъ, представлялись намъ плѣнительными и опасными.

Въ два дня городъ со всѣми его часовнями, фресками, дворцами, музеями и королевскими загородными дачами былъ дѣйствительно разгрызенъ нами, какъ орѣхъ, и мы уже начинали чувствовать, что въ наши души заползаетъ та неутолимая жажда новыхъ впечатлѣній, которую отлично знаютъ всѣ люди съ наклонностями бродягъ.

Гидъ нашъ, чувствуя, что водопаду лиръ скоро конецъ, долго думалъ, что-то вспоминалъ и, истекая сороковымъ потомъ, обмахивался какъ вѣеромъ, своей шляпой, теръ пальцемъ вдоль и поперекъ лобъ и, наконецъ вспомнилъ:

— Да! Вотъ жара отшибла память. Синьоры еще не смотрѣли королевской обсерваторіи.

Въ Италіи, какъ извѣстно, все: или національное или королевское.

— Быть въ Палермо и не видѣть королевской обсерваторіи это все равно, что быть въ Римѣ и не видѣть папы, — соблазнялъ насъ гидъ, — въ этой обсерваторіи главный телескопъ стоитъ сто тысячъ лиръ.

И лакированные глаза гида загорѣлсь патріотической гордостью.

— Чтобы вѣрить, нужно видѣть! — уже съ выжидательной хитрецой закончилъ онъ.

Сто тысячъ лиръ! Въ устахъ гида это звучало такъ потрясающе, какъ гомеровскій разсказъ. И думалось: а чтобы вышло, если бы этому бойкому человѣку насыпать въ карманы сто тысячъ лиръ?

Поѣхали смотрѣть обсерваторію.

Гидъ, сѣвъ на переднюю скамеечку, весьма обязательно предупредилъ:

— Сейчасъ обсерваторія закрыта, но если сторожу дать пару лиръ, — по одной лирѣ съ пары глазъ, — врата откроются.

Пришлось звонить. Прогремѣвъ ключами, къ намъ вышелъ сторожъ, самый меланхолическій человѣкъ, какой только , вѣроятно существовалъ въ мірѣ. Гидъ шепнулъ ему на ухо нѣсколько словъ — и унылый человѣкъ , не выразивъ на своемъ лицѣ ни огорченія, ни радости, заложилъ руки за спину и повелъ насъ, троихъ, куда то вверхъ, по круглымъ лѣстничкамъ, вившимся, какъ золото на свѣчѣ, воукругъ толстыхъ каменныхъ, почти крѣпостныхъ стѣнъ.

Обсерваторія всегда похожа на монастырь. Тишина, покой. Въ маленькихъ кельяхъ сидятъ какіе-то слегка сонные люди и, не обращая ни на кого вниманія, что то, какъ бухгалтера въ большихъ банкахъ, вписываютъ въ книги, разграфленныя на клѣточки и, изрѣдка, изрѣдка скажутъ другъ другу нѣсколько словъ или закурятъ папиросу.

Безшумная, странная работа.

— Ночью дѣлаютъ операцію звѣздамъ, а днемъ кладутъ швы! — тихо и довѣрительно сказалъ гидъ, разцѣнивая свое замѣчаніе, какъ весьма остроумное.

И невольно думалось: о, если бы король ассигновалъ сто тысячъ лиръ не этимъ лысымъ чудакамъ похожимъ на бухгалтеровъ, а ему, гиду. Сей человѣкъ не сталъ бы дѣлать операцію звѣздамъ.

Почти до усталости , мы шли по лѣстницамъ, по какимъ то комнатамъ, уставленнымъ книжными , стеклянными шкафами, по площадкамъ, увѣшаннымъ картами звѣзднаго неба, выходили на балконы, съ которыхъ открывался чудесный видъ на счастливый городъ, на его апельсиновыя лѣса, на золотую раковину и на далекую цѣпь черныхъ, вулканическихъ горъ.

Меланхоликъ давалъ намъ объясненія относительно и обсерваторіи , и золотой раковины, и дворца, въ которомъ король прожилъ нѣсколько дней, когда въ Мессинѣ было землетрясеніе, и даже , за большой магноліей, показалъ какую то улицу, въ которой, въ магазинѣ его брата, можно починить часы и заказать самые лучшіе въ Сициліи каучуковые штемпеля. Въ то время, когда дѣло касалось обсерваторіи , онъ съ плохо скрываемымъ достоинствомъ, и важностью, произносилъ невѣдомые намъ астрономическіе термины и обозначенія и искоса поглядывалъ на насъ съ высоты величія, почти недосягаемаго. Гидъ же , которому все это надоѣло до смерти, выстукивалъ стѣны, словно доискиваясь, не замурованы ли въ нихъ какія нибудь сокровища.

Самый главный эффектъ, какъ полагается, былъ припасенъ къ концу. Этимъ эффектомъ оказался большой круглый, темный залъ, похожій на римскій пантеонъ. Въ этомъ залѣ какъ бы капищѣ, находился главный богъ, знаменитый стотысячный королевскій телескопъ. Какъ пушка, предназначенная обстрѣливать небесныя пространства, онъ направлялъ свое жерло черезъ единственное въ этомъ залѣ окно, продѣланное вверху, въ самомъ центрѣ потолка.

Ровное, круглое тѣло этого телескопа, и побочные приборы вокругъ него, — все блестѣло, какъ мѣдь на военномъ кораблѣ. Въ залѣ было торжественно и прохладно, — и послѣ жаркихъ палермитанскихъ улицъ, почти раскаленныхъ крышъ и мягкихъ асфальтовыхъ тротуаровъ это мѣсто показалось намъ таинственнымъ святилищемъ таинственнаго строгаго бога.

У телескопа, у нижняго стекла, стояло широкое просторное кожанное кресло съ опрокинутой назадъ спиной: очевидно тронъ главнаго жреца.

Мой спутникъ, поэтъ, пришелъ въ восторгъ отъ всей этой обстановки. Его, юнаго и болѣзненнаго, уже манили и захватывали перспективы: оставивъ тлѣнную суету міра, оставивъ и женищинъ, и вино, и исканіе сладкой славы — погрузиться въ одиночество, какъ въ нирвану, и, засѣвъ въ этомъ тихомъ и безмятежномъ святилищѣ, приблизивъ къ глазамъ волшебное выпуклое стекло, слѣдить безшумное движеніе вращающихся міровъ, искать прозрѣніе божьихъ тайнъ и какъ можно подальше уйти отъ пыли земной. Схвативъ меня за локоть, онъ съ загорѣвшимися глазами , началъ шумно выражать свои восторги, но тогда, вдругъ испугавшись , сдѣлавъ страшное лицо, выпучивъ глаза, меланхоликъ выставилъ предостерегающую ладонь и произнесъ обычное, итальянское:

— Ашпетъ.

Когда взволнуется человѣкъ, котораго вы считали меланхоликомъ, то это интригуетъ .

— Въ чемъ дѣло?

Меланхоликъ опять выставилъ ладонь, опять поджалъ губы, что-то зашепталъ и стало ясно, что громкими разговорами мы можемъ кого-то потревожить. Немного о чемъ то подумавъ, онъ отошелъ отъ насъ къ стѣнкѣ, и тогда , присмотрѣвшись къ темнотѣ, мы замѣтили, что тамъ стоитъ невысокая японская ширмочка съ вышитыми золотыми ибисами.

Мы , какъ въ спальнѣ ребенка или заспувшаго боль ного, пошли осторожно.

— А вотъ это-главный королевскій астрономъ, — вытянувъ шею , шепнулъ намъ меланхоликъ.

И онъ показывалъ намъ главнаго королевскаго астронома такимъ же жестомъ, какимъ въ музеяхъ господа объяснители показываютъ мумiи и гробницы фараоновъ.

За японской ширмочкой, на маленькой походной кроваткѣ, свернувшись въ калачикъ, спалъ старичекъ, маленькій и лысенькій, — спалъ безмятежно и тихо, почти безъ дыханія. Худыя ноги выглядывали изъ подъ длинной , ночной , немного смѣшной рубашки. Ночной колпачекъ, въ какихъ рисуютъ нѣмецкихъ колбасниковъ, свалился на бокъ. На низенькой мавританской табуреткѣ, стояла сковорода съ недоѣденной яичницей, лежалъ недогрызенный кусочекъ желтаго сухаря, и въ кружкѣ было что то недопитое: не то вода, не то бѣлое вино. Неподалеку стоялъ раскрытый небольшой студенческій чемоданъ: стопка шерстяного іегеревскаго бѣлья, очевидно зимній запасъ, женскій перламутровый бинокль для театра, пачка восковыхъ спичекъ и какая то англійская книжка.

Зрѣлище было странное: тщательно вычищенные оптическіе приборы; огромный телескопъ, приближающій къ землѣ ночныя небесныя тайны; прохлада; скудный свѣтъ, черезъ верхнее окно попадающій въ залу странными , вкрадчивыми косячками, и этотъ неожиданный, мирно посапывающій старичокъ, главный королевскій астрономъ, похожій на опереточнаго нотаріуса.

— Неужели въ Италіи такъ плохо платятъ корролевскимъ астрономамъ, что они не могутъ завести себѣ отдѣльной квартиры? спросили мы.

Этотъ вопросъ былъ тѣмъ ножомъ, который задѣваетъ человѣка за живое мѣсто. Меланхоликъ замахалъ на насъ руками, какъ на духовъ, которыхъ скорѣе нужно изгнать изъ святого мѣста.

Мы, провинившіеся, торопливо , на цыпочкахъ выш-

ли изъ зала, на какой — то балкончикъ, на который протолкнулъ насъ гидъ, и снова очутились въ его единоличной власти. Можно было сѣсть на низенькіе плетеные табуреты , прислониться спиной къ рѣшеткѣ и покурить.

— Нѣтъ, высокочтимые русскіе щедрые синьоры — сказалъ онъ гордо, — королевское правительство отлично оплачиваетъ штаты королевской національной обсерваторіи. Дѣло далеко не въ этомъ.

По лицу гида, постепенно наливавшемуся торжествомъ и хитростью, было видно, что онъ сейчасъ сообщитъ одну изъ тѣхъ интересныхъ повѣстей, за которыя даютъ не только на макароны, но и на кіанти. Но меланхоликъ, видя рѣшимость гида повѣдать все, — выпучилъ глаза, ощетинилъ усы и, какъ подползающій змѣй, зашипѣлъ что то такое, чего мы никакъ не могли понять. Ясно было только, что онъ былъ не изъ числа тѣхъ недостойныхъ людей, которые выносятъ соръ изъ избы и которые не охраняютъ заповѣданныхъ имъ тайнъ.

Гидъ смирился и замолчалъ.

И вотъ снова , по круглой лѣстницѣ , съ выщербленными ступеньками, спустились мы на шумныя, горячія улицы, къ людямъ, къ трамваямъ, къ шумнымъ кафе съ стеклярусными занавѣсками вмѣсто деврей. Тайна, тысячи, вѣроятно, разъ переваренная въ обывательскихъ мозгахъ и нашедшая теплый бережливый откликъ въ сердцѣ евнуха-меланхолика, — выпирала изъ гида, какъ опара изъ ведра.

Онъ остановился, и, прищуривъ глазъ, показывая назадъ большимъ пальцемъ, вопросительно насмѣшливо поглядывалъ то на меня, то на поэта.

— Желаете знать, въ чемъ дѣло? — прищуреннымъ глазомъ, спрашивалъ онъ молча.

И въ то же время, было ясно, что онъ соображалъ: дадутъ уставшіе синьоры прощальную прибавку или не дадутъ.

— Вы знаете оперетту: «Прекрасная Елена»? — спра-

шивалъ гидъ; такъ вотъ. У него жена — прекрасная Елена. А онъ Менелай. Вы это слыхали?

И гидъ, дирижируя указательнымъ пальцемъ, неожиданно, по французски, тонкимъ теноркомъ пропѣлъ куплеты королей.

— Это случилось лѣтъ двадцат тому назадъ — повѣствовалъ онъ; — съ тѣхъ поръ онъ заперся здѣсь и живетъ, никуда не выходя, какъ папа въ своемъ Ватиканѣ. Онъ не любитъ дня и бодрствуетъ только ночью. Ему измѣнила жена, синьоры. Угодно вамъ знаменитаго, единственнаго лимоннаго мороженнаго?

Пошли въ кафе. Дорогой гидъ еще болталъ.

— И говорятъ, что онъ теперь влюбленъ въ луну и скоро сдѣлаетъ ей предложеніе.

— Но почему же онъ спитъ въ этой залѣ? Развѣ въ башнѣ обсерваторіи нѣтъ комнатъ?

— Онъ выходитъ изъ залы только въ ванную и въ тѣ мѣста, куда самъ король пѣшкомъ ходитъ. Больше никуда. Ни-ни... По моему, когда онъ умретъ, въ католической церкви однимъ святымъ будетъ больше и лѣтъ черезъ сто кардиналамъ будетъ не мало хлопотъ съ открытіемъ мощей.

Гидъ болталъ, а самъ мучительно думалъ, куда бы еше потащить насъ.

Вечеромъ «Scrivia» снялась съ якоря и тронулась дальше. Мой поэтъ сидѣлъ на кормѣ, курилъ папиросу за папиросой и думалъ. И по его печальнымъ, горько улыбающимся глазамъ было видно, что у него въ мозгу складывалась новая, пѣвучая и значительная глава для книги объ одиночествѣ.

ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.

Троицынъ день. Яркое солнце. Въ комнату смотрятъ липы. Прохладно и уютно. Въ bercеusе *у окна сидитъ худенькая, сморщенная старушка. Читаетъ книгу.*

Звонокъ въ дальнихъ комнатахъ.
Входитъ важный, степенный лакей.

Лакей: — Александръ Петровичъ... Изволите принять?

Старушка: — Проси.

Черезъ минуту на порогѣ показывается Александръ Петровичъ, изящный, чистенькій старичекъ. Раскланивается по старинному, подходитъ къ ручкѣ.

А. П.: — Здравствуйте, дорогая, здравствуйте.

Старушка: — *(цѣлуя его въ лобъ):* — Здравствуй батюшка, здравствуй... Какъ Богъ милуетъ?

А. П.: — Прямо отъ обѣдни, дорогая. Вотъ вамъ просвирка и Троицынъ цвѣтъ. А во время молебна вмѣстѣ съ архіереемъ на колѣни становился. Въ храмѣ душисто, на полу чоборъ, — прямо рай.

Старушка: — *(нюхая цвѣты)* — Ахъ, какъ ты любезенъ, дорогой другъ! Ну присядь, отдохни, разскажи... Усталъ, поди?

А. П.: — *(вытирая лобъ):* — Гдѣ жъ пе устать... Съ архіереемъ-то вмѣстѣ на колѣни сталъ, ну и бѣда...

Того иподіаконы подъ ручки поднимаютъ, а я не могу... Тыкъ-мыкъ — и хоть плачь... Спасибо, какая-то молодаечка подсобила... Я ей говорю: «спасибо , цвѣтистая», а она: — «не на чѣмъ, дѣдушка»! Vous comprenez? «Дѣдушка!» А спина болитъ — прямо вздохнуть нельзя! Продуло вѣроятно...

Старушка: — А ты на ночь летучей мазью сотрись... Да малиноваго настоя...

А. П.: — Да какой тамъ малиновой настой! Видно скоро ужъ въ городъ Землянскъ, въ мѣщане приписываться...

Старушка: — Забубнилъ опять... Городъ Землянскъ, мѣщане... Разскажи что-нибудь другое, веселое... Смотри: солнце свѣтитъ, облака — какъ бѣлая радость, липа дышетъ... —

А. П.: — А вотъ чайку прикажите, тогда я разскажу... Про одинъ юбилей...

Старушка: — Какой-такой юбилей?

Звонитъ. Входитъ лакей.

Старушка: — Чайку дай... *(Александру Петровичу):* — Тебѣ крѣпкаго или какого?

А. П.: — Самаго, самаго слабенькаго... Сердце и такъ уже еле-еле стучитъ...

Старушка: — Ну, а мнѣ покрѣпче. Терпѣть не могу брандахлысту...

А. П.: — Поясница-то чужая, ревматизмъ, желудокъ износился, лѣвое ухо уже не работаетъ... Бѣда прямо!

Старушка: — А ты Богу молись поусерднѣе!

А. П.: — Да говорю же, что съ архіереемъ вмѣстѣ на колѣни становился!

Старушка: — А ты не съ архіереемъ, а затворись въ темную клѣть, какъ сказано въ Евангеліи, и въ клѣти-то молись... А то ты лбомъ-то поклоны бьешь, а глазомъ-то на цвѣтистыхъ молодаекъ засматриваешься... Знаемъ мы васъ!

А. П.: — Гдѣ ужъ намъ ужъ выйти замужъ!

Лакей приноситъ чай и уходитъ. Александръ Петровичъ и стурушка съ видимымъ удовольствіемъ пьютъ чай. Пауза.

Старушка: — Какой же юбилей-то? И меня касается?

А. П.: — Всенепремѣннѣйшимъ образомъ. Вы, можно сказать, самое гловное дѣйствующее лицо.

Старушка — Въ какомъ году?

А. П.: — Ровно сорокъ лѣтъ тому назадъ и тоже въ Троицынъ день.

Старушка: — Ничего не помню!

А. П.: — *(хитренько):* — А я вотъ сейчасъ вамъ напомню. *(Вынимаетъ изъ бокового кармана книгу):* — Видите? Дневникъ. *(Открываетъ мѣсто, заложенное ленточкой)* Напомнить?

Старушка.: — Да ужъ напомни.

А. П.: — Извольте-съ. Вотъ видите? Запись. *(Читаетъ):* — «И послѣ прекраснаго Троицына дня, все было такъ душисто и свѣтло, наступилъ такой же чудесный вечеръ. И вечеромъ она была такъ же ослѣпительна. Бѣлое платье жадно обхватывало ея почти дѣвственный станъ. Молодыя груди манили и дышали сладострастіемъ. Часовъ въ семь, передъ обѣдомъ, мы вышли съ ней вмѣстѣ въ густую липовую аллею. Аллея была полна благоуханія. Мы долго шли, я сорвалъ розу и далъ ей. Она была благодарна, но холодна.» Припомните, матушка?

Старушка: — *(вздохнувъ)* — Припоминаю, отецъ мой, припоминаю. Это когда вы вмѣстѣ съ покойникомъ Сергѣемъ, царство ему небесное, у насъ въ имѣніи гостили? Это когда мой-то благовѣрный, тоже царство ему небесное, легкое лежанье, по Парижамъ шнырялъ?

А. П.: — Она самое и есть.

Старушка: — *(вздыхаетъ):* — А-а-ха-ха-ха!

А. П.: — *(читая):* — «Она была благодарна, но холодна.. Я спросилъ ее: «Вы со мной холодны и молчали-

вы. Почему? Вы любите Сергѣя?» Она отвѣтила: «Я люблю только своего мужа». Я сказалъ: «Но мужъ вашъ далеко, гдѣ-то въ Парижѣ». Она отвѣтила: «Ну и что жъ?» Я сказалъ: «Вотъ въ отсутствіи вашего мужа у васъ въ имѣніи гостятъ два его друга: я и Сергѣй. Не сочтутъ ли это сосѣди компрометантнымъ?» Она возразила: «Если бы гостилъ кто-нибудь одинъ изъ васъ, то это могло бы быть компрометантнымъ. А кромѣ того, друзья моего мужа суть мои друзья. Я одинаково дарю своимъ вниманіемъ и васъ и Сергѣя». Я спросилъ: «Одинаково-ли?» Она отвѣтила: «Точно такъ, одинаково». Я усумнился, но сомнѣнія своего не высказалъ и, взявъ ея лѣвую руку, почтительно оную поцѣловалъ. А сердце билось страстно».

Старушка: — Неужели у тебя сердце билось страстно?

А. П.: — Очень даже.

Старушка: — Ну, ну, прочти дальше.

А. П.: — «Присѣвъ на каменную скамью, я имѣлъ смѣлость повторить еще одинъ разъ: «А мнѣ казалось, что вы больше дарите своимъ пристрастіемъ моего друга, Сергѣя». Она отвѣтила: «Никакъ нѣтъ», и волнующе посмотрѣла на меня».

Старушка: — *(смѣется)*: — Что человѣку представится! Волнующе посмотрѣла на него!

А. П.: — Да, да, да и вотъ послушайте, что дальше гласитъ запись.

Старушка: — Да и слушать нечего. Поужинали, выпили рябиновой настойки, пошли спать и я до самого утра слышала, какъ ты храпѣлъ въ своей комнатѣ, въ первомъ этажѣ. У меня какъ разъ въ ту ночь безсонница была.

А. П.: — *(изумленно)*: — Я? Храпѣлъ въ своей комнатѣ?

Старушка: — Ну, конечно. Спать не давалъ. Уши ватою затыкала, чтобы не слышать.

А. П.: — *(взволновавшись)*: — Что-то, мать, не такъ? Запись гласитъ иное. «И кончился день, и наступила

ароматная ночь. Зажглись звѣзды на дальнемъ темно-синемъ небосклонѣ и былъ на дворѣ тотъ тревожный воздухъ, который бываетъ тогда, когда природа ждетъ къ утру ущербнаго мѣсяца».

Старушка: — Писать по-русски, батюшка, не умѣешь. Нужно не родительный падежъ, а винительный. «Когда природа ждетъ ущербный мѣсяцъ». Кого, что.

А. П.: — Это вы, матушка, слабы въ этимологіи, но объ этомъ послѣ. «И я вышелъ въ садъ, томимый безсонницей». Гдѣ-то, поодаль, храпѣлъ Сергѣй, утомленный рябиновкой...» Чувствуете? Храпѣлъ Сергѣй!

Старушка: — *(почти испуганно)*: — Сергѣй?

А. П.: — *(ехидно)*: — Точно такъ-съ, Сергѣй. «Ея окно, во второмъ этажѣ, было отворено. И странная смѣлость охватила все мое существо.» Что? Опять скажете неправильно? Охватила кого, что. Все мое существо: вотъ гдѣ падежъ винительный.

Старушка: — О Боже! какой дурень! Да читай дальше!

А. П.: — *(возмущенно)*: — Позвольте, да почему я, собственно, дурень? Что вы этимъ хотите сказать? Давайте спросимъ отца Владимира. Онъ въ семинаріи преподавателемъ словесности былъ!

Старушка: — Ну ладно, спросимъ! Читай дальше!

А. П.: — Ага! «Читай дальше»! Какъ написано-то! Описаніе природы-то! Что твой Анатоль Франсъ! «Я самъ не могъ понять, какъ и поддерживаемый какимъ предметомъ я взобрался на второй этажъ. Помню только, какъ горячая рука обвила меня вокругъ шеи и ароматное дыханіе, какъ дыханіе нѣжной розы, коснулась меня нѣжнымъ прикосновеніемъ...»

Старушка: — *(испуганно крестясь)*; — Стой, стой! Съ нами крестная сила! Такъ это былъ ты?

А. П.: — А то кто же? Сергѣй, какъ уже было вышеупомянуто, храпѣлъ.

Старушка: *(въ изнеможеніи закрыла глаза).* —

А. П.: — *(читаетъ):* «Но на утро она встала, какъ ни въ чемъ не бывало». Ого, рифмами, заговорилъ! «Встало — не бывало». «И ни движеніемъ, ни словомъ не дала мнѣ понять. И была холодна, какъ петергофская статуя». А вонъ противъ этихъ словъ было приписано карандашомъ пять лѣтъ спустя: «И была эта ночь источникомъ моихъ великихъ жизненныхъ страданій». «Сергѣй же былъ мраченъ и угрюмъ. Подъ его красивыми глазами лежали синія тѣни. Передъ завтракомъ онъ признался мнѣ, что его всю ночь мучили сладострастныя видѣнія».

Старушка: — *(отмахиваясь руками):* — Уходи, батюшка, уходи! Голова закружилась отъ твоихъ писаній.

А. П.: — Голова? Въ самомъ дѣлѣ?

Старушка: — Ну и чего мудреннаго? Такого наплелъ...

А. П.: — *(вынимая изъ кармана облатку):* — А тогда, матушка, извольте сейчасъ же принять. Всегда съ собою ношу.

Старушка: — Что это?

А. П.: — Пирамидончикъ, смѣшанный съ аспиринчикомъ.

Старушка: — Давай что-ли.

Александръ Петровичъ наливаетъ воды и даетъ ей порошокъ.

А. П. — *(бормочетъ про себя):* — Вотъ не думалъ-то, какъ взволновались... Закройте, матушка, глазки и полежите спокойно...

Старушка: — Да, да. А ты иди съ Богомъ. Загляни какъ-нибудь... Анатоль Франсъ...

А. П.: — Загляну, загляну... И отца Владимира съ собой притащу... Тогда посмотримъ, чья-то этимологія сильнѣе...

Старушка: — Ну, ну...

Александръ Петровичъ уходитъ и вдругъ на порогѣ останавливается.

А. П.: — *(растирая ногу):* — Ой-ой-ой... Опять.

Старушка: — Говорю тебѣ: натрись летучей мазью...

А. П.: — А ну васъ къ Богу съ вашей летучей мазью! Что это возьметъ что-ли?

Старушка: — Грубіянъ какой! У отца Владимира спроси!

Александръ Петровичъ машетъ рукой, и, прихрамывая, уходитъ.

Старуха долго сидитъ въ задумчивости.

Старушка: — *(сама съ собой):* — Храпѣлъ!

Открываетъ глаза, медленно поднимаетъ руку и звонитъ. Входитъ лакей.

Лакей: — Изволили звонить?

Старушка: — Да. Принеси мои розовыя поминанія.

Лакей уходитъ и возвращается съ двумя поминаніями.

Старушка: — Прочти за упокой.

Лакей: — *(читаетъ):* — О упокоеніи помяни, Господи, рабовъ твоихъ: Петра, Василія, Іоанна, Александра, Павла, Евгенія, Ричарда, Аполлона, Сергѣя, іеромонаха Софронія. Илію...

Старушка: — *(недовольно машетъ рукой):* — Стой, стой... Возьми карандашъ!

Лакей: — Взялъ.

Старушка: — Вычеркни Сергѣя...

Лакей: — Вычеркнулъ...

С т а р у ш к а: — Теперь прочти за здравіе.

Л а к е й: — За здравіе и читать нечего: всего три имени: Олега, Іосифа, Христофора...

С т а р у ш к а: — Возьми карандашъ.

Л а к е й: — Взялъ.

С т а р у ш к а: — Припиши: и болящаго Александра.

Л а к е й: — *(пишетъ):* — Приписалъ.

С т а р у ш к а: — Завтра, въ Духовъ день, на проскомидію подай.

Л а к е й: — Слушаю-сь...

С т а р у ш к а: — А теперь иди...

Лакей уходитъ. Старушка по прежнему откинула голову и закрыла глаза.

ЛЮБОВЬ.

Я ѣхалъ изъ Петрограда на фронтъ. Въ купэ, со мной вмѣстѣ, было двѣ женщины: старая и молодая, по виду — мать и дочь.

Мать — суетливая хлопотунья, съ бѣлоснѣжнымъ воротничкомъ, съ сѣдыми, гладко, на двѣ части, расчесанными волосами,— маленькая, легенькая, уже пошедшая въ землю. Такихъ въ провинціи немного насмѣшливо зовутъ: «старушка — Божій даръ». Дочь — высокая, красивая, грустная. Если бы нужно было лѣпить символическую статую такого, напримѣръ, гордаго города, какъ Генуя, — лучшей модели не найти.

У матери, по отношенію къ ней, было что-то заискивающее, предупредительно заботливое. Такъ внимательно-участливыми бываютъ къ людямъ, которые только что оправились послѣ тяжелой болѣзни, которыхъ увозятъ отъ непріятныхъ воспоминаній.

Багажу съ ними было немного: большой чемоданъ въ суконномъ чехлѣ и два— желтыхъ, маленькихъ, съ потускснѣвшими, поцарапавшимися ярлыками заграничныхъ гостиницъ.

Поѣздъ шелъ неровно, не аккуратно, «на второмъ сортѣ угля», какъ объяснилъ кондукторъ.

— Удобно-ли тебѣ? — ласково и заискивающе спрашивала старушка.

— Очень , мамочка... — Не безпокойтесь, — такъ же ласково, но сдержанно и съ какой-то чужбинкой во взглядѣ отвѣчала дочь.

— Можетъ окно закрыть? А то, гляди, надуетъ, зубы заболятъ...

— Нѣтъ, что вы... Жарко. —

Было, правда, жарко. Стоялъ спокойный и торжественный май. Мнѣ, въ безпечномъ воображенiи, двѣнадцать мѣсяцевъ всегда представляются двѣнадцатью апостолами и май для меня — евангелистъ Iоаннъ, молодой, съ льняными волосами и довѣрчивый. Небо поднялось высоко, удлиненныя перекосившiяся тѣни тащились съ нашей стороны и казалось, что день никогда не кончится. Въ сосѣднемъ купэ офицеры вспоминали, какъ хорошо теперь ѣхать по Волгѣ. Около Васильсурска поютъ соловьи. Ночи густыя. На пристаняхъ—желтые огоньки, на пароходѣ ѣдутъ какiя-то заспанныя бабы. Тишина.

По разговору было видно, что одинъ офицеръ — ярославецъ, а другой — или саратовецъ ли астраханецъ. Обыкновенно,люди злятся,когда поѣздъ идетъ неряшливо, а тутъ всѣ были ему благодарны, каждый поворотъ колесъ приближалъ насъ къ войнѣ: ѣхали въ Двинскъ.

Я вспомнилъ одного знакомаго художника, который говорилъ, что въ портретѣ онъ особенно любитъ писать руки. Люди не замѣчаютъ, но руки живутъ почти такой же одухотворенной жизнью, какъ и глаза. По рукамъ скорѣе даже можно узнать, о чемъ думаетъ и какъ мыслитъ человѣкъ, чѣмъ по глазамъ, зеркалу души. У этой дѣвушки были прекрасныя руки, — пожалуй самыя прекрасныя, какiя я только когда-нибудь видѣлъ. Какъ она, вѣроятно, играетъ на роялѣ!

Не вытерпѣлъ и спросилъ:

— Вы играете на роялѣ? —

Дѣвушка не охотно, не взглянувъ, отвѣтила:

— Да.

Зато старушка словоохотливо поддержала разговоръ.

— Ахъ, какъ Ната играетъ, это послушать надо! восторженно заговорила она: — Боже мой! Какъ она играетъ! Какой это восхитительный талантъ!

Меня поразило полное спокойствiе дѣвушки. Слова

старушки не смутили ее и не растрогали. Она просто не слышала ихъ. Я заглянулъ ей въ глаза и убѣдился, что ни насъ, ни проносящихся полей и деревень, ни станцій, ни своихъ чемодановъ она не замѣчала. Она была далека отъ всего: и отъ суеты поѣзда, и отъ нашихъ разговоровъ. И потому только, какъ ея нѣжные единственные пальцы, задумчиво и медленно, совершенно машинально, не чувствуя своей работы, перебирали кружева на кофточкѣ, — я понялъ, что въ сердцѣ этой дѣвушки живетъ захватившая ее въ свои когти человѣческая, жестокая любовь, — та, которая сильнѣе смерти.

— Она наизусть знаетъ Grande Sonate Чайковскаго, говорила старушка не безъ тайной мысли угодить дѣвушкѣ: — это была любимая пьеса Витечки.

Я ошибся. Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что Витечка— сынъ старухи, офицеръ, недавно, въ апрѣльскихъ бояхъ, убитый. Дѣвушка — не дочь ея, а невѣста Витечки. И теперь обѣ онѣ ѣдутъ отыскивать его тѣло и въ багажномъ вагонѣ везутъ съ собой цинковый гробъ.

— Какъ же вы будете отыскивать его?

Долго я не рѣшался задать этотъ вопросъ. Казалось мнѣ: если офицеръ убитъ въ апрѣлѣ, — то не зря ли онѣ, эти святыя, ѣдутъ? Кругомъ — тысячи безвѣстныхъ могилъ. Въ которой изъ нихъ онѣ будутъ отыскивать его?

— Отыщемъ. Богъ поможетъ, просто и спокойно отвѣтила старушка.

Вечерѣли поля.

Вдругъ лукаво улыбнувшись, старушка сказала мнѣ:

— А взгляните-ка, батюшка, въ окно.

Я взглянулъ, ничего не замѣтилъ и спросилъ:

— Въ чемъ дѣло?

— А въ томъ дѣло, отвѣтила ласково старушка: — молодой мѣсяцъ народился.

— Да, да, правда, отвѣтилъ я посмотрѣвъ на небо; — молодой мѣсяцъ.

— И у васъ — съ правой стороны. Къ деньжонкамъ,

батюшка, къ деньжонкамъ. Вѣрная примѣта. Попросите, — взаймы дамъ.

— А вы дайте, рубликовъ триста, пошутилъ я.

— А и дамъ, отвѣчала шутливо старушка: — а и дамъ? Чтожъ такое? Вотъ пріѣдемъ на станцію, размѣняю — и дамъ. Чтожъ такое? Дѣло вѣрное.

— И мнѣ, бабушка! робко попросилъ изъ за стѣны ярославецъ.

— И тебѣ, внучекъ, дамъ! шутливо и съ явнымъ удовольствіемъ отвѣтла старушка.

— А у меня мѣсяцъ съ лѣвой стороны! пропищалъ обиженно астраханецъ.

— А тебѣ не дамъ! У тебя денегъ не будетъ. Нечѣмъ отдавать,! наставительно говорила старушка.

Офицеры пришли въ купэ, отрекомендовались, угостили всѣхъ финиками и пошла общая шутливая бесѣда, въ которой только дѣвушка не принимала участія: прекрасные пальцы плели свою безконечную работу. И думалъ я, глядя на эту олицетворенную печаль:

— Вотъ это — любовь.

И какъ то непонятно мнѣ было материнское, порою веселое, улыбающееся лицо, старческіе притворно-хитрые, лукавые глаза.

Дальше — больше выяснилось, что Витенька служилъ въ той же дивизіи, въ которой служилъ и я. Мнѣ показалось, что мы съ нимъ даже встрѣчались, — по крайней мѣрѣ лицо его на фотографіи, которую старушка достала изъ желтаго чемоднчика, показалось мнѣ знакомымъ.

Офицеры искоса и испытующе поглядывали на дѣвушку, бѣгали на станцію за кипяткомъ, но когда предлагали чай или финики Натѣ, она отказывалась, сначала долго не понимая, чего отъ нея хотятъ, а когда понимала, то пальцы ея останавливались, она слабо улыбалась и говорила:

— Нѣтъ, благодарю васъ. Не хочется.

— Вотъ этакъ и живетъ, довѣрительнымъ шепотомъ

сообщила намъ всѣмъ старушка: — не ѣстъ, не пьетъ. Таетъ какъ свѣча. Отъ лица огня.

Она, видимо, уже привыкла к ъ тому, что Ната ничего не слышитъ, не видитъ и вообще — далека отъ всего.

Пришелъ кондукторъ и весело объявилъ, что опоздаемъ въ Двинскъ часа на четыре съ половиною...

— Уголь-то... Развѣ это уголь? говорилъ онъ, поигрывая фонарикомъ: — шелуха, второй сортъ!

Ночью, проснувшись, и приглядѣвшись къ темнотѣ, я увидѣлъ, что старушка мирно и глубоко спитъ, а диванчикъ Наты, покрытый простынею, — пустъ. Ложась и задергивая свѣтъ синей занавѣской, старушка убѣдительно просила меня ночью не курить и поэтому, доставъ папиросу, я вышелъ въ корридорчикъ. Былъ третій часъ, на востокѣ уже заваривалась какая-то каша изъ яркихъ разноцвѣтныхъ огней.

У окна, положивъ голову на сгибъ руки, прислонившись къ зеркальному продолговатому стеклу, стояла дѣвушка и смотрѣла на западъ, гдѣ дальше всего упорствовала темная ночная полоса съ поблѣднѣвшими звѣздами.

Я долго не рѣшался зажечь спичку. Мнѣ казалось, что этимъ огонькомъ я оскорблю и вспугну ея печаль. Но вотъ прошелъ кондукторъ, освѣтилъ полъ и стѣны колыхающейся полосой желтоватаго свѣта, неловко и неосторожно зацѣпилъ дѣвушку плечомъ и она даже не повернулась, и не взглянула.

— Что наши пустые огоньки рядомъ съ этой печалью? думалъ я и было тоскливо и грустно, что эта волна подлинной, благословенной любви идетъ мимо меня, — мимо одинокаго, усталаго и, въ концѣ концовъ, — безрадостанаго существованія. Была огромная, незабываеммая красота человѣческаго чувства, перелитаго въ великую, молчаливую, и, потому, святую тоску.

Я снова легъ, долго не могъ заснуть, а утромъ уже былъ печальный Двинскъ съ ежедневными нѣмецкими аэропланами, и жандармы ходили по вагонамъ, хмуро и недовѣрчиво провѣряя документы. Вагонъ съ лѣвой сто-

ропы былъ полонъ солнца и суетливыхъ хлопотъ. Офицеры разсыпали финики, а старушка волновалась: пріѣдутъ-ли за ними обѣщанныя изъ штаба лошади? И волновалась не безосновательно: лошади не пришли, но мой «трандулетъ» былъ на своемъ обычномъ условленномъ мѣстѣ и мой философъ Мустафа давно уже поджидалъ меня на перронѣ, И мрачно, съ татарскмъ акцентомъ, сказалъ при первой встрѣчѣ:

— Здравствуй что-ли, ваше высокородіе!

Я предложилъ дамамъ ѣхать со мною. Старушка согласилась и оживленная радостность, такъ подходившая къ майскому пятнадцатому утру, снова появилась на ея свѣжемъ, слегка сморшенномъ личикѣ. Чемоданы поручили Мустафѣ подъ ноги, самъ я устроился рядомъ съ нимъ на козлахъ и мы тронулись въ путь черезъ городъ, быстро проѣхали неказистыя грязноватыя улицы и покатили по вѣковой аллеѣ, разсаженной на высокомъ берегу Двины.

Двина, огромная, широкая, полноводно-зеркальная, была на рѣдкость, по весеннему, уютна и красива. И вся ея мощь и просторъ особенно ярко выявились тогда, когда лошади, съ явнымъ удовольствіемъ прислушиваясь къ стуку копытъ по дереву, въѣхали на середину только что наведеннаго, свѣже-отструганнаго и потому пріятно-душистаго моста.

Къ обѣду мы пріѣхали въ свою часть.

Я пригласилъ дамъ переночевать и отдохнуть съ дороги у меня, объ ихъ пріѣздѣ протелеграфировалъ въ штабъ полка, въ которомъ служилъ убитый офицеръ, и къ вечеру, на сантарной двуколкѣ, пріѣхалъ къ намъ деньщикъ покойнаго и привезъ его вещи: чемоданъ, револьверъ, шинель и полевой бинокль вѣнской работы.

Старушка все это осмотрѣла хлопотливымъ опытнымъ глазомъ и часто изъ за перегородки слышалось, какъ она разговаривала съ собой:

— Ишь ты, пуговочка то, оторвалась... Съ мясомъ прямо вырвалась...

Всю ночь напролетъ она просидѣла, перебирая вещи и я, не видя, зналъ, что она вынула слипшуюся кисточку для бритья, заново свернула бѣлье, побранила прачку за плохую стирку.

— А стиралъ то, небось, солдатъ, бормотала старушка: — не мужчинское дѣло.

Были какіе-то новые ни разу не надѣванные носки, которыхъ она еще не знала и которые покойникъ купилъ, видимо, уже на фронтѣ, нерасчетливо, въ какой-нибудь слуйчайной, экономической лавочкѣ. Все это она перебирала съ любовью и заботливостью и нравилось ей и льстило, что сынъ ея — такой аккуратный и чистоплотный офицеръ, что былъ у него мудреный и сложный бритвенный приборъ, солидный чемоданъ изъ настоящей кожи и хорошее шелковое бѣлье, на которое не заползаетъ никакая гадость.

На утро, руководимые деньщикомъ, взявъ съ собой двухъ санитаровъ и лопаты, мы въ двухъ экипажахъ, поѣхали искать тѣло.

Опять безшумно горѣлъ на землѣ чудесный весенній день, въ маѣ шестнадцатый, и опять цокали лошади по утрамбованной, глянцевитой дорогѣ.

— Они это любятъ! съ видомъ знатока говорила старушка: — больше всего любятъ лошади по Невскому проспекту бѣгать. Копыта стучатъ звонко, а это они любятъ.

Меня удивила эта безпокойная болтливость старушки. Она говорила о цвѣтахъ, о лѣчебныхъ травахъ, объ этихъ мѣстахъ за Динскомъ, гдѣ она была первый разъ въ жизни и добавляла:

— А раньше то дальше Питера никуда и не выѣзжала. И куда ѣхать? Что тебѣ дворцы, что улицы, что мосты, чистота, порядокъ. Прекрасный городъ. Куда ѣхать? Зачѣмъ? По какому дѣлу? А вотъ и привелъ Богъ. Ишь, ты, мѣста какія. Солдатики, какъ червяки, копошатся, палатки, солнышо, воздухъ лѣтній. Ахъ, Витечка! Что ты надѣлалъ? Что ты надумалъ, моя крохотка?

А дѣвушка сидѣла съ нею рядомъ и, какъ вчера, какъ и всѣ дни, была безмолвна, глаза ея попрежнему смотрѣли только въ ей понятную даль, и прекрасные пальцы, знаменуя тихій и однотонный ходъ ея мысли, плели свое безконечное, невидимое кружево.

Наконецъ, деньщикъ, ѣхавшій въ переднемъ экипажѣ, остановился. Мы пріѣхали въ какое-то пустынное село и слѣзли у церкви, на которой не было колоколовъ. Кругомъ — разоренныя хаты, крыши безъ соломы, остовы печей, длинныя трубы. Война, война. война... Одна часть церковной ограды занята германскими могилами. Стоятъ прекрасно вырѣзанныя кресты, на которыхъ четко-каллигрфически поименованы всѣ, павшіе за отечество. Русскія могилы — попроще, понебрежнѣе, кресты прилажены крѣпко, но надписи сдѣланы расплывшимся лиловымъ карандашомъ.

— Вотъ тутъ они и похоронены, указалъ деньщикъ.

Санитары засучили рукава, поплевали на ладони, сказали: «Господи благослови» и начали осторожно, со смущеніемъ, разрывать могилу. Двѣ женщины стояли тутъ же и смотрѣл на ихъ работу: одна — старенькая, сгорбившаяся, покорная своей судьбѣ, другая — гордая, молчаливая, красивая: символъ большого раззореннаго города.

Я пошелъ къ церкви и началъ заглядывать въ окна. Раскрытыя двери алтаря, опустошенный престолъ, разбросанныя книги въ желтыхъ деревянныхъ переплетахъ, опрокинутые ставники, — раззореніе: война.

Страшно разрывать уже осѣвшія могилы. Минутъ черезъ десять началъ распространяться трупный запахъ. Санитары дышали все громче и громче. Лица ихъ раскраснѣлись и, стараясь выгадать время, они все чаще и чаще поплевывали на ладони и рукавомъ вытирали потъ съ лица.

Потомъ случилось вотъ что:

Убитаго офицера нашли и вытащили. Узнать его можно было только по бѣлью и по одеждѣ. И мать узнала. Она опустлась на колѣни передъ этой безформенной мас-

сой. И то просвѣтленное спокойствіе, которое было въ ней все время, не покинуло ее ни на минуту и теперь.

Для нея не было ни этого студня изъ человѣческаго полусгнившаго мяса, ни страшнаго, удушливаго запаха. Передъ ней былъ ея сынъ.

— Милая моя дѣточка, говорила она, стараясь застегнуть расползающуюся гимнастерку: — милое мое солнышко! Да какъ же ты, дѣточка, помучился! Родная моя звѣздочка, Витенька! Я пріѣхала къ тебѣ — слышишь, ты меня? — и сама отвѣчала на свой вопросъ: — слышишь, конечно, слышишь, яблонька моя бѣлая...

Она припадала ухомъ къ синей, смердящей груди, она цѣловала то мѣсто съ сжатыми зубами, на которомъ прежде были губы, и все говорила ласково — успокоительно:

— Неужели ты думалъ, хоть одну минуту, что мы бросимъ тебя на чужой сторонѣ? Глупенькій, глупенькій! Мы отвеземъ тебя къ себѣ, положимъ тебя рядомъ съ папочкой. Онъ тебѣ про свою войну разскажетъ, а ты ему — про свою. Видишь? И Наточка твоя пріѣхала. Она любитъ тебя попрежнему, она не измѣнитъ тебѣ никогда и скоро уйдетъ въ монастырь. Кто же ей будетъ краше тебя? Вотъ она стоитъ, Наточка! — обратилась она къ дѣвушкѣ: — ну подойди же поближе! Вѣдь это же онъ, Витенька. Ну, поцѣлуй же его въ глазки голубенькіе. Вѣдь вотъ же они, смотятъ попрежнему,— и она показывала на глазныя, провалившіяся впадины.

Дѣвушка стояла, смертельно блѣдная. Опа, видимо, хотѣла подойти, дѣлала всѣ усилія и... не могла. Страшный, смертный запахъ все больше и больше поднимался густыми волнами и его не замѣчала только одна мать.

— Подойди же, — просила ее старушка, протягивая дрожащія руки: — ну поласкай же его, какъ прежде... Чтожъ ты отошла такъ далеко?

Дѣвушка пересилила себя, сдѣлала одинъ шагъ впередъ и вдругъ съ нею случилось то, чего она, видимо. больше всего боялась: она поднесла къ носу платокъ.

И тогда все сразу поняла мать. Очнулась, какъ отъ забытья. Просвѣтленно и разумно, озабоченно, посмотрѣла она на трупъ, ощутила тлѣніе. Промелькнуло нѣсколько мгновеній, во время которыхъ ея мысль сдѣлала огромную, напряженную, сразу все разъяснившую работу, и какъ чаша — огнемъ, такъ глаза ея наполнились гнѣвомъ.

— А-а! сказала она: значитъ, ты такъ любила его? Притворялась только? Чтожъ ты стоишь! Почему не идешь поцѣловать его? Лгала! Стыдно стало своей лжи? Здѣсь ужъ не солжешь... А зачѣмъ лгала? Зачѣмъ ѣхала сюда? Зачѣмъ плакала? Зачѣмъ постоянно играла его любимую сонату? Зачѣмъ говорила о монастырѣ? Кто тебя просилъ? Зачѣмъ?

Она поднялась съ колѣнъ, подошла къ дѣвушкѣ и взяла ее за руку-

— Подойди же, говорила она: — поцѣлуй его. Поздоровайся съ нимъ. Ты же такъ давно съ нимъ не видѣлась. Не обижай его...

Дѣвушка тихо освободилась отъ ея руки и, не разжавъ платка, вышла за ограду.

Старуха окаменѣвшими глазами смотрѣла ей вслѣдъ:

— На словахъ только! На словахъ... тихо говорила она и снова обратилась къ сыну, и снова стала на колѣни передъ нимъ, и снова припала щекой къ его груди, — и тутъ только въ первый разъ полились у нея обильныя, давно скопившіяся слезы. Она плакала, вытирала глаза платочкомъ и приговаривала:

— Миленькій! Не тоскуй! Ты не останешься одинъ. Ужъ я никуда и никогда, никогда не уйду отъ тебя. Будь покоенъ, дорогой мой. Ужъ я то не измѣню.

И со своими сѣдыми, слегка растрепавшимися волосами, была похожа на старую няньку-пѣстунью, склонившуюся надъ больнымъ ребенкомъ.

Вдали ѣхала телѣга; везли со станціи оцинкованный гробъ... И тихъ, и благостенъ, и довѣрчивъ былъ май, — шестнадцатая глава отъ Іоанна.

ГЛАЗА.

...Вагонъ № 14 имѣетъ прямое сообщеніе отъ Знаменской площади до Сѣннаго рынка.

Стоялъ зимный морозный вечеръ. Большія зеркальныя стекла были матовы отъ морозныхъ узоровъ. Публика, на этотъ разъ почему-то немногочисленная, мерзлая, засовывала руки въ рукава, усердно залѣзала съ ушами въ воротники...

На одной изъ остановокъ въ вагонъ вошли высокая молодая дама и, сразу видно,— ея мужъ, — чиновный, строгій, выбритый, въ очкахъ, съ рѣденькими, старательно отпущенными бачками: Побѣдоносцевъ въ молодости.

Мѣстъ свободныхъ было много и дама, подвернувъ каракулевый сакъ, сѣла въ уголку, около входной двери, а мужъ помѣстился напротивъ.

Верхній свѣтъ — предательскій свѣтъ. Онъ — безпощаденъ, онъ выдаетъ все: и морщинки, и застывшія слезы, и подкрашенныя губы... Супруги сидѣли не глядя другъ на лруга, — ясно: была ссора.

Только что вагонъ тронулся, — вошло, уже на ходу, третье лицо: молодой человѣкъ въ модномъ широкомъ пальто. Шляпа у него была пуховая, сѣрая, задорно загнутая впереди. Молодой человѣкъ былъ веселъ, оживленъ и красивъ.

Глаза его, спрятавшіеся за пенснэ съ черными ободками, поглядѣли на даму, на ея волосы, глаза, губы и ясно сказали:

— Ты не дурна, право.

Потомъ они скользнули по всей ея фигурѣ, съ головы до ногъ и довавили:

— Мнѣ нравится, какъ ты одѣта. Мило, право, мило. А этотъ пиковый король—неужели твой мужъ? Н-ну, милая, кто, кто, а ты могла бы выбрать что нибудь и получше.

Надвинулась фигура съ бляхой на груди и сказала:

— Позвольте получить!

Мужъ перегнулся на бокъ, чтобы достать кошель и буркнулъ:

— Два до Сѣнной.

Одно окно, почему то не замерзало и сквозь него были видны мелькающіе дома, фонари, магазины, газетчики.

А глаза спрятавшіеся за пенснэ, не хотѣли оторваться отъ нея, а она, хоть и отвернувшаяся, хоть по виду и равнодушная ко всему, — внутреннимъ своимъ чутьемъ слушала и боялась проронить даже одно маленькое, самое незначительное словцо:

— Ты хороша, — говорили глаза: — у тебя густые, небрежно зачесанные волосы. Ты знаешь имъ цѣну и не портишь ихъ никакими украшеніями. Это мнѣ нравится. Одобряю. Ахъ, какъ ты хороша!

Онъ говорилъ, она не глядя, притворно сердито слушала, а стекла трамвая блестѣли холодными огнями мороза, — и, казалось, имъ было весело отъ бысторй ѣзды, онѣ смѣялись и безпричинно всему радовались, — эти яркія и волшебныя, задорныя искры.

— Ты умна, — говорили глаза, спрятавшіеся за пенснэ: — глаза твои умны. Мнѣ нравятся какъ они украдкой взглядываютъ на меня. Ты не хотѣла показать, что интересовалась мною, ты послѣдовательно выражала недоумѣніе, смущеніе, негодованіе, но ничего у тебя изъ этого не вышло и я скажу тебѣ все, что хочу, и ты выслушаешь, да, да, выслушаешь и ни однаго слова не проронишь, все поймешь и все оцѣнишь... Ты безпокойно поглядываешь на своего Побѣдоносцева? Оставь! Не бойся! Вѣдь словъ нѣтъ! Вѣдь говорю я молча.

— Садовая! — гаркнулъ кондукторъ.

Въ вагонъ хлынула промерзшая, заждавшаяся, сердитая толпа. Зашумѣли, заторопились, затопали ногами по полу, стали въ проходѣ. Но глаза, все-таки отыскали какое-то отверстіе и, пользуясь суматохой, совсѣмъ откровенно признались.

— Я люблю тебя. Брось своего Побѣдоносцева! Пойдемъ за мной. Я молодъ, я талантливъ, я посвящу тебѣ всѣ мои стихи. Ну? Смотри: морозъ, свѣжо, весело, ярко свѣтитъ рождественская луна. Мы пойдемъ въ теплую просторную комнату. Зажжемъ свѣтъ не такой какъ здѣсь.— А уютный, боковой, покрытый ласковымъ, цвѣтнымъ шелкомъ. Будемъ пить замороженное вино. Я выпью за твои глаза, за твои волосы, за твои пальчики, за всѣ кольца на нихъ. Ну? Рѣшайся?

Пошатывался вагонъ и тонко визжалъ, трогаясь съ остановокъ. Какъ надоѣло ему бѣгать, этому вагону, и въ два постылыхъ конца возить на своей спинѣ всѣхъ этихъ тяжелыхъ и неповоротливыхъ, вѣчно ругающихся людей!

А глаза все звали и уже прорывалась въ нихъ милая, ласковая угроза:

— Ну? Видишь? — тихо говорили они: — я ухожу... Уже ухожу. Застегиваю рукавицу... Поднимаюсь. Ну что же? Все таки Побѣдоносцевъ выигралъ сраженіе? Ну Богъ съ тобой... Ты любишь, значитъ, Побѣдоносцева?

Глаза улыбнулись.

— Ну люби. Богъ съ тобой. О вкусахъ не спорятъ. Прощай.

Онъ всталъ, сдвинулъ въ бокъ дверь и вышелъ.

— Гороховая!—свирѣпо провозгласилъ кондукторъ.

Въ душѣ женщины происходила, повидимому, борьба. Она явно была взволнована, разрумянилась, нервно теребила тонкими пальчиками каракулевую пуговицу.

— Я выйду на площадку, — ни къ кому не обращаясь, вдругъ сказала она; — надоѣло сидѣть. Голова разболѣлась.

Ахъ, эта голова! Умѣетъ она заболѣть въ самую нужную минуту, — но на этотъ разъ и голова опоздала, трамвай остановился и онъ уже переходилъ дорогу. Длиноватые волосы, прядкой лежали у него на воротникѣ.

— Тебѣ нужно постричься къ Рождеству, — пробѣжала въ головѣ у нея заботливая мысль, хотѣлось еще разъ призывающее крикнуть, но все было уже поздно: онъ уже пересѣкъ дорогу, пошелъ къ тротуару, закурилъ, не оглянулся.

— Не оглянулся!

И она вздохнула.

— Ну и Богъ съ тобой—сказала и благословила его большіе, чудесные, слезой затуманившіеся глаза.

Трамвай взвизгнулъ и понесся дальше, къ Забалканскому, все выше и протяжнѣе завывая своимъ унылымъ и сверлящимъ дискантомъ.

Въ одномъ изъ номеровъ большой газеты я наткнулся нечаянно на такое объявленіе.

— Молодого человѣка, въ сочельникъ ѣхавшаго на трамваѣ № 14 и слѣзшаго на Гороховой, просятъ — откликнуться. Писать предъявителю рублеваго билета № 147.887.

Написалъ?

Откликнулся?

Я сталъ слѣдить за газетой. Въ слѣдующихъ номерахъ этого объявленія больше уже не появлялось.

ВѢЧНОЕ.

*
* *

Маленькое кафе на Монмартрѣ. Наша компанія: двое мужчинъ и дама въ котиковомъ пальто забыты за круглымъ столикомъ въ углу. Это — блаженство, — сидѣть у большого, хорошо протертаго зеркальнаго окна и смотрѣть , какъ тамъ, куда хлопотливые люди никогда не смотрятъ, блѣдная, зимняя голубизна переходитъ въ нѣжную фіолетовую окраску: чудесная цвѣтистость парижскаго предвесенняго неба. Весь день мы бродили по городу, въ какомъ-то трактирчикѣ ѣли соль и помъ-фритъ, — теперь въ этомъ уголку коротаемъ свой досугъ. Здѣсь торгуютъ табакомъ, почтовыми марками, апперитивами. На возвышеніи, въ другой комнатѣ, стоятъ два билліарда-карамболь.

— И что это за билліарды? — ворчитъ мой спутникъ, одѣтый еще по-московски, недорѣзанный буржуй: — не билліардъ, а коробка спичекъ. Ни лузъ тебѣ, ни пространства, ни кіевъ порядочныхъ. То ли дѣло у насъ бывало: какъ ахнешь дворянскимъ ударомъ пятнадцатаго, въ правый уголъ, такъ вѣдь это же, батюшка, удовольствіе, эстетика. А осьмерка — бабушкино наслѣдство? А двойка — модистка? А одиннадцать — барабанныя палки? А семерка — кочерга? Эхъ!

Я люблю Парижъ, но моя любовь никому не нужна и вся главная префектура будетъ рада, если обременительный иностранецъ задумаетъ держать путь въ другую сто-

ропу. Когда-то мы пріѣзжали сюда съ карманами, полными золота и, завидѣвъ насъ, каждый оркестръ начиналъ играть: «Не шей ты мнѣ, матушка...» А теперь...

— А теперь? — подхватываетъ наша хорошенькая спутница съ обильно подведенными губками: — а теперь вы просто постарѣли, мой другъ. Посмотрите на себя въ зеркало: когда около ушей начинаютъ прорѣзаться морщинки, тогда начинается то, о чемъ говорятъ: дѣло плохо.

Пусть плохо, но двѣ вещи въ этомъ прекрасномъ городѣ приводятъ меня въ ярость: фальшивыя фіалки на могилѣ Мопассана и слащавая лицемѣрная надпись въ вагонахъ метро: «N'oubliez pas que les places numerotées sont reservées aux mutilés de la guerre».

Aux mutilés, которые спасали этотъ городъ и которые тутъ же въ сосѣднихъ корридорахъ, па каменномъ полу, безногіе и безрукіе, умоляютъ объ одномъ су...

Но къ чорту политику! Будемъ наслаждаться жизнью города гордаго, побѣдителя, пѣтуха, кричащаго на всю вселенную. Здѣсь нѣтъ орловъ, — здѣсь пѣтухи и, надо сознаться, пѣтухи, прекрасно наладившіе свой бытъ.

У нихъ — прочный патріотизмъ, дешевыя газеты и контрамарки во всѣ театры: билеты существуютъ только для иностранцевъ. И кромѣ того:

— Закройте вотъ эти кафе и публичные дома — и завтра же все населеніе подниметъ возстаніе, — говоритъ одинъ мой пріятель, беллетристъ, спеціализировавшійся на изображеніи женской психологіи.

Но къ черту и женскую психологію: фіолетовое небо похоже на ту мантію, въ которую облачаютъ православныхъ архіереевъ, когда они въ девять часовъ воскреснаго утра пріѣзжаютъ служить обѣдню. Мягко стелется басъ протодіакона, а хоръ гремитъ на высотѣ: «Да возрадуется душа твоя», сочиненіе Бортнянскаго. И тихонько позвякиваютъ мѣдяки у свѣчного ящика. Румяны и свѣжи лица женщинъ , вставшихъ рано...

Но къ чорту и воспоминанія! Здѣсь, на фонѣ этого

неба, видны чащи домовыхъ трубъ: лѣсъ, выстроенный для весеннихъ кошекъ. Да здравствуетъ жизнь!

Въ углу — продажа правительственныхъ папиросъ и сигаръ; цвѣтные пакетики на разныя цѣны и сѣрыя коробки. Полукруглая стойка, на которой разставлена чудесно вымытая посуда, блюдечки, съ цифрами цѣнъ, бутылки разъ навсегда утвержденныхъ образцовъ. Что скажетъ міръ, если бенедиктинъ, знаменитый opus monachorum benedictorum, налить въ простое бѣлое стекло, въ какомъ. напримѣръ, въ Россіи когда-то продавали казенную водку? И стоятъ они, въ своихъ столѣтнихъ мундирахъ, — эти пузатые бенедиктины, стройные Мартели, грузныя шампанскія, сентиментальныя кувшинчики какао-шуа, шартрезы съ матовыми надписями.

На билліардѣ играютъ и орутъ по-англійски негры, — музыканты изъ какого-нибудь сосѣдняго учрежденія: ихъ гитарообразные интрументы, въ коричневыхъ чехлахъ лежатъ тутъ же, на подранномъ диванѣ. Къ кафе то и дѣло подъѣзжаютъ, харкая, автомобили, въ двери вваливаются красномордые, обвѣтренные шоферы, и, потирая озябшія руки, отдаютъ короткія приказанія на счетъ коньяку и другихъ крѣпчайшихъ напитковъ.

На дворѣ не холодно, но все-таки, мерзнешь на этой проклятой коробкѣ, вытѣснившей съ улицъ лошадей точно также, какъ кинематографъ вытѣсняетъ со старыхъ благородныхъ сценъ Гамлета и Кина.

Всякому человѣку присуще любить свою молодость и я люблю это монисто: Pigalle, Clichy, Blanche. Когда-то здѣсь, въ Neant, хоронили живыхъ людей, зажигали люстры, скомпанованныя изъ черепа и человѣческихъ костей: на потертыхъ гробахъ, при свѣтѣ тонкой восковой свѣчки, кощунственно распивали пиво, — слюну чахоточныхъ, по объясненію актера, одѣтаго въ цилиндръ факельщика. Гдѣ-то въ глубинѣ подвала, гремѣлъ на органѣ реквіемъ. Въ раю васъ встрѣчалъ апостолъ Петръ съ трубкой во рту и ключами за поясомъ. Въ аду за вашъ собственный франкъ, весело и добродушно издѣвался

надъ вами упитанный Мефистофель и надъ головой, пугая дѣвушекъ и не пугая англичанокъ, раскачивались страшныя, толстыя, резиновыя змѣи, выпускающія жало съ точностью часового механизма. Вертѣлась Красная Мельница, теперь сгорѣвшая, звенѣлъ tabarin: всемірные образцы танцулекъ берлинскихъ, стокгольмскихъ и нью-іоркскихъ. Теперь все поблекло, постарѣло: вмѣсто вальса — фокстротъ и джимми. Умеръ Іоагганъ Штраусъ и на его тронъ сѣли вотъ эти улюлюлюкающіе, вопіющіе, горланящіе, мяукающіе негры. Они пьютъ сейчасъ какіе-то разнообразные напитки, говорятъ по-англійски, и слава Богу, мы ихъ не понимаемъ.

Посреди кафе горитъ печка, разрекламированная во всѣхъ катакомбахъ метро. Мы знаемъ, что она поглощаетъ мало угля и даетъ много тепла. Около нея пріютилась компанія, на которую война не оказала ни малѣйшаго впечатлѣнія, которая за эти десять лѣтъ не мѣняла ни психологіи, ни лозунговъ, ни міросозерцанія; исповѣдующая ту религію и филофосію, которую спасалъ когда-то въ ковчегѣ праотецъ Ной насадившій виноградникъ. Эта компанія: песъ, котъ и котенокъ.

Песъ— большой, уже не первой свѣжести, съ острыми торчащими ушами, безпокойный. напряженный. Главная причина этой напряженности— котъ. Всѣ переживанія пса, всѣ его думы, каждое движеніе мысли можно угадать по хвосту, который ни одной секунды не остается спокойнымъ. Песъ бездаренъ, но честенъ рыцарски. Его голова разрабатываетъ только простыя истины. Онъ — солдатъ, который никогда не будетъ офицеромъ. Онъ дѣловито, въ два пріема, понюхалъ мои ботинки, гетры буржуя, пальто всѣхъ негровъ, нѣсколько внимательнѣе отнесся къ котиковой шубѣ нашей спутницы, составилъ себѣ точное и опредѣленное представленіе о всѣхъ насъ и можно биться объ закладъ, что этого представленія у него не выбьютъ изъбашки никакія обстоятельства. Спокойно, очевидно въ сотый разъ, онъ мирно и беззлобно понюхалъ носъ маленькаго котенка и оставилъ его

въ покоѣ. Этотъ черный, какъ уголь, котенокъ былъ тотъ самый, котраго нужно поймать, когда идешь искать разрывъ-траву подъ Ивановъ день. Въ такихъ, какъ онъ, живутъ таинственныя силы и, если его въ темнотѣ почесать, гребешкомъ, то появятся электрическія искры.

Совсѣмъ другого склада большой котъ. Онъ бѣлый, но подъ самымъ носомъ у него — черныя пятна: казалось, что онъ хотѣлъ загримироваться и неудачно навелъ себѣ фальшивые усы. Ходилъ онъ медленно, часто потягиваясь, когда ложился, то заворачивалъ хвостъ полукольцомъ вокругъ себя, притворялся спящимъ и усталымъ отъ мелочей жизни, отъ заботъ, отъ думъ, — но за всѣмъ этимъ было ясно, что все внутреннее его напряженно и, не выдавая волненія, слѣдитъ за каждымъ движеніемъ пса. Среди людей такими бываютъ только игроки, выигрывающіе у нервнаго партнера на самой пустячной картѣ.

Задача пса ясна, какъ день: сдѣлать коту невыносимую жизнь въ кафе. Нужно, чтобы онъ убрался куда угодно, — но только не былъ бы здѣсь. Песъ презираетъ и ненавидитъ его лживо-философскую, притворно-спокойную морду; этотъ медленный и вылизанный хвостъ, данный для того, чтобы скрывать мысли; эту приторно выгибающуюся спину, эти якобы беззаботныя потягиванія и, самое главное, — глаза: круглые, важные, умные и безгранично злые съ четкимъ, перпендикулярнымъ, зрачкомъ.

Котъ, оцѣнивъ всѣ позиціи, усѣлся на столѣ и почти съ человѣческимъ вниманіемъ смотритъ, как монтеръ поправляетъ счетчикъ. Монтеръ работаетъ съ зажженой лампой, отыскиваетъ порчу и, видимо, не понимаетъ, въ чемъ дѣло. У кота такой видъ, что умѣй онъ говорить по-французски — то въ два счета объяснилъ бы этому идіоту, гдѣ загвоздка. Это понимаетъ песъ и, благоговѣйно понюхавъ каблуки монтера, ложится у его стула, прижимаетъ морду къ полу, и, явно сдерживая, себя, порою взвизгиваетъ отъ внутренней боли. Коту это не нравится, онъ спрыгиваетъ со стола и спокойно, по полу, шагаетъ подальше отъ грѣха, къ печкѣ, съ явнымъ намѣреніемъ подлѣзть

подъ нее. Песъ приподнялся на подогнутыхъ переднихъ лапахъ и затаилъ дыханіе.

И вдругъ моего буржуя прорвало.

— Куси! — заоралъ онъ по-русски на весь домъ.

Песъ съ быстротой молніи рванулся на кота съ такой силою, что повалился стулъ и шарахнулись въ сторону негры. Рычанье, фырканье, — всѣ смѣшалось вмѣстѣ. Среди переполоха было ясно видно, какъ ощетинившійся котъ изловчился и ловко, поочередно обѣими лапами въ одну секунду надавалъ псу по мордѣ.

Черезъ минуту картина была такова: котъ полеживалъ наверху рулетки, — это была явно неприступная позиція, — насмѣшливо подремывая, поглядывалъ однимъ глазомъ, а песъ сидѣлъ подъ нимъ и съ безсильной злобой подвывалъ, бездарно постукивая по полу хвостомъ.

И вся кофейня на трехъ языкахъ: на французскомъ, англійскомъ и русскомъ издѣвалась надъ нимъ, надъ неудачей, надъ побитой мордой. Особенно старался буржуй.

— Ишакъ ты, а не песъ! — укоризненнымъ басомъ, съ искренней досадой разливался онъ: — дать себѣ морду набить и кому? Тебя, идіота, на живодерню свести надо, а не въ кафе держать. А котъ молодецъ. Будь онъ мой, я бы звалъ его: Месаксуди.

Наступила тишина. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за разыгравшейся драмой... Она была понятна зрителямъ, чувства ея были просты и несложны, темпераментъ боролся съ хитростью и хотѣлось знать, чѣмъ все это кончится. И вдругъ среди этой тишины послышался раздраженный голосъ.

— Понимаешь? — говорилъ онъ, — все это была случайность. И я прошу тебя разъ навсегда: не напоминай объ этомъ и не пиши мнѣ этихъ идіотскихъ писемъ.

— Но слушай, — вѣдь я же люблю тебя, — кто-то отвѣтилъ на плохомъ французскомъ языкѣ.

Всѣ невольно обернулись въ сторону говорившихъ: въ противоположномъ углу, за круглымъ столикомъ, сидѣла парочка: она — миловидная, курносенькая блондин-

ка. Онъ — негръ изъ компаніи, игравшей на билліардѣ. Увлеченные борьбой кота и пса, мы не замѣтили, когда она пришла въ кафе, какъ встрѣтилась съ негромъ и какъ началась ихъ бесѣда.

Въ порывѣ разговора они не замѣчали насъ, не понижали голоса и всѣ секреты, тоже простые и несложные, дѣлались общимъ достояніемъ.

— И не лѣзь ты ко мнѣ и не мѣшай мнѣ. Не становись мнѣ на пути. Можетъ быть, это мое послѣднее счастье, — говорила она: — мнѣ двадцать семь лѣтъ, все-таки.

— Твое послѣднее счастье, — убито, какъ эхо, повтрялъ негръ.

— Да, мое послѣднее счастье, — упорно повторяла женщина, — и если все пойдетъ хорошо, я, можетъ быть, дамъ тебѣ тогда тысячу франковъ.Ты купишь себѣ новый костюмъ и ботинки съ узкими носами. Ты, вѣдь , черненькій, будешь, помнить меня, а?

— О, буду ли я тебя помнить? — восторженно и восхищенно сказалъ негръ и я въ первый разъ увидѣлъ, какъ у негровъ текутъ по чернымъ щекамъ серебристыя слезы: — можно ли тебя не помнить?

— О, да, да! — несомнѣвающимся тономъ подтвердила она, достала изъ сумочки зеркальце, осмотрѣла поочередно глаза, носъ, потрогала мушку на подбородкѣ, подвела губы карандашемъ и самоовольно замѣтила: — меня долго помнятъ, но что же дѣлать? Надо жить? Надо одѣваться? Надо покупать духи? Жизнь дорожаетъ? Въ дансингъ тоже даромъ не пускаютъ — не такъ ли?

И она дѣлала традиціонный французскій жестъ, означающій покорность обстоятельствамъ и року. Потомъ, успокоившись, заботливо вытерла лицо пуховкой и оно стало еще болѣе яркимъ, покрытымъ неровными пятнами.

— У женщины есть двѣ узаконенныя вещи: пудра и губная помада. Пудра должна быть всегда. Помада можетъ иногда стираться, — какъ безспорный афоризмъ произнесла наша спутница, и тоже достала золоченый

убигановскій карандашикъ и начала мусолить имъ выдвинутыя губки.

— А я еще зналъ кота, котораго звали Папихидой, — бубнилъ снова потускнѣвшій и заскучавшій буржуй, неодобрительно поглядывая на посрамленнаго пса.

Разговоръ былъ недологъ, собесѣдница негра достала изъ сумки бисерный кошелекъ, бросила на столъ нѣсколько мѣдяковъ и ушла.

Подошелъ лакей, собралъ мѣдяки и, вопросительно взглянувъ на негра, спросилъ:

— А на чай? Эта щедрая женщина, которая такъ охотно раздаетъ тысяче-франковые билеты, на чай не оставила ни одного сантима?

Негръ досталъ изъ жилетнаго кармана франкъ и подалъ ему.

— Она забыла, — сказалъ онъ: — она добрая.

— Нужно сдачи? — спросилъ лакей, насмѣшливо глядя на негра.

— Не нужно сдачи... — уныло отвѣтилъ тотъ.

Лакей, который видимо зналъ въ своей округѣ все и вся, съ удовольствіемъ опустилъ монету въ карманъ, вытеръ столъ, потомъ снова вынулъ франкъ, звякнулъ имъ о мраморъ и спросилъ:

— Слышишь?

Негръ ничего не понимая смотрѣлъ на него.

— Это бронзовый франкъ, — сказалъ лакей, досталъ изъ другого кармана другую монету и бросилъ ее тѣмъ же пріемомъ. Она звякнула звонко и голосисто.

— А это серебряный, — пояснилъ онъ.

Негръ недоумѣвалъ.

— Чувствуешь разницу? — спросилъ лакей.

— Чувствую, — отвѣтилъ негръ.

— Ну вотъ то-то, — наставительно сказалъ лакей: — и надо выбросить это изъ головы.

— Но если бы ты зналъ, Франсуа...

— Но если бы ты зналъ, Франсуа, — сердито передразнилъ его лакей: Франсуа не знаетъ, Франсуа вчера

родился на свѣтъ. Франсуа не знаетъ, что міръ это майонезъ изъ спаленъ, гостинныхъ, клозетовъ и бистро...

Франсуа собирался развить свои мысли обстоятельнѣе, но кто-то крикунлъ изъ билліардной:

— Alors?

И Франсуа поднялся по лѣстничкѣ и сразу было видно, что у него подагристыя ноги...

У Франсуа я узналъ, гдѣ работали эти негры. Это былъ обычный парижскій дансингъ, въ которомъ поочередно играли два оркестра. Негръ сидѣлъ за роялемъ. На головѣ у него былъ укрѣпленъ крошечный клоунскій цилиндръ. Онъ комически вертѣлся на стулѣ, завывалъ что-то дикое и несуразное. И только бѣлые буркулы его странно свѣтились печалью и, казалось, не видѣли ничего, но квинты и хитрые переливчатые пассажи въ дискантахъ у него выходили отчетливо и мѣрно. Танцовало въ залѣ народу паръ триста.

ІЮЛЬСКОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Надъ Парижемъ — сизое знойное марево, а здѣсь, въ прохладныхъ и тѣнистыхъ чащахъ Сенъ-Клу, снявъ пиджаки и туфли, разстегнувъ воротники и засучивъ рукава, весело проводитъ іюльское воскресенье, пьетъ, ѣстъ, играетъ въ буль, дремлетъ , спитъ, поетъ и танцуетъ веселый , здоровый, жизнерадостный парижскій народъ, — тотъ самый народъ, который во время оно короли называли такъ:

— Mon bon peuple de Paris.

Многочисленными семьями, съ бабушками и дѣдушками, съ братьями и сватьями, лежитъ добрый народъ подъ прохладными каруселями королевскихъ дубовъ и каштановъ; въ запущенныхъ, грязноватыхъ бассейнахъ холодитъ литры съ бѣлымъ и краснымъ виномъ, пиво орловъ и надежды; подпѣваетъ привычнымъ напѣвамъ трехрядной широко раздувающейся гармоники и сладострастно, слегка очумѣлый и потный, до конца выявляя тенденцію танца, носится по лужайкѣ въ подергиваніяхъ фокстрота, съ невѣрными , подчеркнутыми, обезьяними па.

Всюду — клочья просаленной и уже желтѣющей на жарѣ бумаги, въ кафэ — не достать столика, чтобы выпить лимонаду, поетъ со скрипкой въ рукахъ человѣкъ, похожій на Надсона, и, сидя на поваленныхъ деревьяхъ, цѣлуются парочки, жадно заглядывая другъ другу въ глаза.

Гдѣ Мефистофель, заклинающій цвѣты?

— О, скорѣе бы ночь! О, скорѣе глянули бы звѣзды!

Но день длиненъ, вечеръ еще далекъ, и густыми стаями въ центральныхъ фонтанахъ ходятъ рыбы, золотыя, серебряныя и мѣдныя, жадныя и трусливыя, не знающія усталости и зноя, чавкающія мелкозубыми ртами, когда въ воду летитъ хлѣбная корочка съ бѣлой сердцевинкой..

— Неужели, и у нихъ свои министерства, своя философія, свои газетчики, свои шпіоны и мужья, убивающіе невѣрныхъ женъ? — спрашиваетъ моя молоденькая и хорошенькая спутница.

— Не знаю, — отвѣчаю, я — но думаю, что глухонѣмой кинематографъ изобрѣтенъ рыбой и не понимаю, почему имъ такъ долго занимается человѣчество.

— А вѣдь , правда! Люди отреклись отъ портрета въ пользу фотографіи и отрекаются отъ театра въ пользу кино.

— Каждый народъ достоинъ своего правительства, каждый вѣкъ — своего искусства.

Вотъ онъ, виденъ съ горы, плоскимъ человѣческимъ сѣрымъ и душнымъ гнѣздомъ развалившійся Парижъ:

— Царскія врата человѣчества!

Вспоминается мнѣ эта восторженнная посвятительная надпись на одной русской книгѣ:

— Городу Парижу, царскимъ вратамъ человѣчества, посвящаетъ авторъ свой трудъ.

Какъ жаль мнѣ тебя, авторъ, молодой, ясный и довѣрчивый человѣкъ!

Видѣлъ я тебя въ послѣдній разъ въ Рыбинскѣ, когда садился на пароходъ, и Волга лежала зеркальнымъ вѣчнымъ пластомъ и горѣла на небѣ русская сторона солнца, а бабы съ конторки бросали намъ въ ноги густые, туго связанные букеты ярославскихъ ландышей, а за столикомъ сидѣлъ богобоязненный купецъ въ жилеткѣ, намазывалъ на свѣжій огурецъ зернистую икру, ѣлъ, вздыхалъ и говорилъ, поглядывая то на городъ, то на рѣку:

— Умѣешь ты грѣшить, батюшка Рыбинскъ, умѣ-

ешь и каяться. Умѣешь ты грѣшить, матушка Волга, умѣешь и каяться.

А по рѣкѣ въ степенной, медленной, но и кокетливой кадрили, то съ низовъ, то съ верховъ похаживали вокругъ другъ друга литературные пароходы Самолета, великокняжескіе — Кавказа и Меркурія, съ названіями американскихъ рѣкъ — зевекинскіе , съ именами городовъ — общества 47-го года, и Иваны, Петры, Федоры Федорычи — кашкинскіе, зарубинскіе, башкировскіе.

Что ты былъ, и что сталъ и вообще уцѣлѣлъ ли, молодой поэтъ?

И почему вспомнилось это, глядя на Парижъ?

— Быть можетъ, потому, — отвѣчаетъ мнѣ спутница, — что Парижъ тоже грѣшилъ много, а еще не каялся. А сроки подходятъ.

* * *

Обѣденный часъ.

На самомъ берегу Сены, отдѣленные отъ нея только рельсами трамвая, ѣдимъ хрустящій, масленый фритюръ. Разморенныя физіономіи, сигары, подавальщицы, дѣлающія въ день 500 лѣстницъ, и красная, уже теряющая свѣжесть, говядина.

Спутница морщитъ личико, и мы поскорѣе переходимъ на площадку «Имперіаля»:

— Траншъ наполитэнъ!

— Une coupe des violettes imperiales!

И ледяная комбинація, сложенная изъ желтыхъ сливокъ, темнаго кофе и клубничнаго сока, таетъ во рту, создавая ощущеніе тонкости и прохлады и какой то завершенности ѣды.

Просторная, веселая , шумная площадь съ вокзаломъ, почтою, продажей табаку, рѣшеткой парка, съ ресторанами, отелями и кафе — но въ ней ничего нѣтъ отъ итальянской прелести.

Чего не хватаетъ?

Фонтана. Жаль, что до нашихъ дней не дожили длиноносые Бурбоны. У нихъ на этотъ счетъ было большое чутье. Умѣли украшать землю.

Спутница, закрывъ свои огромные , сѣрые глаза, прислушивается , какъ таетъ во рту сливочная часть транша, кофейная и клубничная.

— Клубничная — немного водянисто и кисленько.

А я нелѣпо и невпопадъ отвѣчаю:

— Плохо, когда больному термометръ кажется слишкомъ холоднымъ.

И вдругъ на всю площадь:

— Ай, ай, ай!!

Какой то автомобиль, спускавшійся по крутой версальской дорогѣ, подмялъ бабу въ желтой шляпѣ. Шляпа отлетѣла до самаго моста.

Городовые, носилки, похожіе на продолговатый вялый парусъ...

Народъ. Лица: любоптыныя, жадныя, сочувствующія, благодарящія Бога, что это не съ ними. Капающая и быстро на солнцѣ ржавѣющая кровь.

—Жива. Ничего себѣ. Выше колѣна. Взяли красную карточку. Мѣсяцевъ шесть проваляется въ гипсѣ. Ай, ай, ай!

Соболѣзнованіе. На желтую шляпу никто не обращаетъ вниманія , и летитъ она по мосту внутренностю наружу.

— Тысячъ сорокъ получитъ.

— Да ну-у? Неужели получитъ?

— Какъ Богъ святъ.

Соболѣзнованіе переходитъ въ зависть.

— Да вѣдь деньги то, что стоятъ теперь? Пустяки, дымъ.

— Присудятъ въ фунтахъ.

— Еще чего! Француженка возьметъ только во франкахъ.

— Расчитаютъ по курсу.

Шляпу подняли и положили раненой на животъ.

Носилки надулись. На подножку автомобиля сталъ полицейскій. Тихо поѣхали въ гору.

Озабоченность. Англійскій долгъ. Американскій долгъ. Русскій долгъ. Репараціи. Напрасно уходили изъ Рура. Проклятая война. Кафе-кремъ стоилъ три су у прилавка, пять су — за столомъ, и никто не морочилъ голову.

Кто то вверху, доминантъ-септъ аккордомъ, хватилъ съ тройной силой по клавишамъ, разомъ вступили віолончель и скрипка, рванулъ самую низкую и самую необходимую основную ноту контрабасъ, и надъ нами, вокругъ прозрачныхъ рѣшетокъ балкона, закружились муслиновыя юбки, золотистые чулки и туфельки съ рю Дону.

На мою спутницу заглядѣлся бразилецъ,мрачно съѣвшій полное ведерко льда.

А въ тридцати шагахъ, играя солнечными пятнами и лѣниво двигающмися волнами, распласталась Сена. Именно въ этихъ мѣстахъ, у Сюренъ и Сенъ-Клу, въ зелени, около простыхъ каменныхъ мостовъ, чудесно, знойно и точно она описана грѣшнымъ Мопассаномъ, — она : дѣвичья, золотистая коса пресвятой, пречистой и пренепорочной Парижской Богоматери.

— Слушайте. А не похожи ли дѣвичьи зубы на миніатюрныя клавиши какого то очаровательнаго инструмента?

— Сравненіе можетъ оказаться смѣшнымъ.

— Какъ и все на свѣтѣ — но все-таки: какая мелодія выходитъ наиболѣе нѣжной на этомъ инструментѣ?

— Я люблю тебя.

— Будетъ ли она, эта мелодія, когда нибудь спѣта, сыграна или сказана для меня?

— Богъ вѣсть....

Съ версальской дороги то и дѣло подваливаютъ къ намъ цѣлыя очереди путешественниковъ, мучающихся отъ жажды. Лакеи торопливо разставляютъ передъ ними прохладительные напитки съ соломинками, но тѣ пьютъ

ихъ безъ соломинокъ и хватаются за пятичасовый L'Intran, изданіе второе.

Женщины, стриженныя a la garçonne, заботливо спрашиваютъ:

— Фунтъ?

Мужчины въ бѣлыхъ брюкахъ и съ волосатыми руками, отвѣчаютъ:

— Сегодня фунта нѣтъ. Сегодня воскресеніе!

Женщины думаютъ:

— Какой тамъ къ чорту фунтъ, какое намъ дѣло до этого грязнаго фунта, когда за пять франковъ въ тонкій, хрустальный и граненый бокалъ наливаютъ до половины вермута, и, какъ въ кофе, въ качествѣ сливокъ, подбавляютъ рубиновый кассисъ и ставятъ передъ вами въ серебряномъ ведеркѣ чудесный, промытый, брилліантовый, пріятно постукивающій ледъ?

Мужчины говорятъ, читая съ третьей страницы:

— Жара въ Парижѣ доходитъ до 33.

Женщины не собираются въ Парижъ. Онѣ вынимаютъ изъ венеціанскихъ сумочекъ убигановскую рашель, лебединый пушокъ и квадратное отчетливое зеркальце. Въ него онѣ поочередно разсматриваютъ, то глазъ съ подведенными рѣсницами, то крылышко носа, то губы, накрашенныя въ серединѣ, ищутъ мѣсто, хотя бы слегка поблескивающее, прикасаются къ нему лебединымъ пушкомъ и и особенно заботливо, особенно внимательно, особенно нѣжно, пудрятъ подбородокъ.

Горе тѣмъ, кто сейчасъ тамъ подъ проволочной башней 1889 года. Горе — задыхающися.

*
* *

Вечеръ.

Ожиданіе его заключается въ томъ, что на небѣ, тамъ, гдѣ должны изъ таинственной синевы проступить семь звѣздъ Медвѣдицы, идетъ какая то подготовительная, словно что то прочищающая и вымывающая работа.

Невидимая рука пройдется по этому мѣсту то ваткой бѣлаго, скоро исчезающаго облачка, то темноватымъ кускомъ какой то сердитой, совсѣмъ не вечерней тучи...

Къ пароходу — утомленная очередь.

Потрудились за длинный день, попрыгали, поволновались, перекинулись колючими словечками. Завтра снова чинить сапоги и будильники, писать накладныя и расписки на заказныя письма, разливать по бутылкамъ вино, сортировать малину, развозить на велосипедной телѣжкѣ яуртъ, преподавать географію.

— Святые отцы! Ты ли это?

Два человѣка, не отрываясь, жмутъ другъ другу руки, восторженно взглядываются въ глаза. Вѣдь — живы, уцѣлѣли, выскочили, и гдѣ судьба привела встрѣтиться? У тебя — уже двое дѣтей: скоро успѣлъ настругать, рѣзвый. Ба, да жена уже въ третій разъ проглотила косточку? Кто могъ думать, а? А помнишь тамъ, у дома паромщика? На томъ свѣтѣ намъ адъ не страшенъ: мы уже въ немъ бывали. Сколько народу легло, и гдѣ тѣ бабы, которыя могутъ выработать эти потери?

Женскій полъ посмѣивается и отвѣчаетъ:

— Бабы есть, ты только франки на воспитаніе вырабатывай. А то и дѣтей рожай и газетами торгуй.

А поодаль одиноко стоитъ женщина, одѣтая въ трауръ, не отдохнувшая, видимо, даже въ Сенъ-Клу, и тихія слезинки осторожно проступаютъ у нея на глазахъ.

Плывемъ.

Вотъ Севръ. Вотъ Нижній Медонъ.

На пароходѣ тѣсно и весело.

Четверть пассажировъ сидитъ , а три четверти стоитъ. Пароходу тяжело.

На днѣ дѣтской коляски установили граммофонъ. Поютъ по-французски сиплыя пластинки одна, другая, третья.

Хозяинъ граммофона — пьянъ, красенъ и веселъ, подпѣваетъ пластинкамъ, знаетъ ихъ наизусть, дирижируетъ однимъ пальцемъ и часто мѣняетъ иголки. Бере-

жетъ и любитъ свой инструментъ, похожій на домашнее животное.

— А скоро деньги за свою музыку собирать пойдешь?

— Прости , старина — отвѣчаетъ граммофонщикъ, — я достаточно богатъ, чтобы веселитъ себя, своихъ дѣтей, пріятелей и пароходное начальство.

Знойный день, часовъ семь на воздухѣ: устало молодое тѣло; спутница моя всѣми правдами и неправдами, присаживается на перила лѣстницы и сейчасъ же слышится раздраженный бабій шопотъ:

— Эти русскіе... иностранцы... И такъ тѣсно, а они еще тутъ. Пройти по лѣстницѣ нельзя... Разсѣлись... ѣхали бы себѣ на Волгу... Большевики... Моя страна...

Это — по нашему адресу. Мы громко, по-русски, говоримъ о Медонѣ, о ресторанѣ Мартына Рыбака, и мѣшаемъ честной гражданкѣ стоятъ у борта и безъ помѣхи смотрѣть на огни фюникюлера, ползущаго въ гору.

— И вообще никогда бы я ихъ не взяла въ свои компатріоты....

Спутница немедленно принимаетъ вызовъ и, тоже ни къ кому не обращаясь, говоритъ въ пространство:

— Если это о насъ, то мы, кажется, и не изъявляли желанія мѣнять родину...

Это достаточно, чтобы гражданка закипѣла:

— Вообще иностранцевъ я брала бы только въ лакеи...

— Не у всякаго вообще хватитъ денегъ, чтобы нанять себѣ въ лакеи иностранца...

— Вы думаете, что это у меня не хватитъ денегъ?

Кончены околичности: разговоръ принимаетъ персональный характеръ. Вы и я.

— Да, я думаю, — отвѣчаетъ спутница.

— Вы имѣете основанія думать такъ?

— Имѣю.

— А какія позвольте узнать?

— Самыя простыя. Если бы вы были богаты, то возвращались бы домой на автомобилѣ, а не на пароходѣ за 16 су.

Кругомъ — взрывъ смѣха.

— А можетъ быть я люблю свѣжій воздухъ?

— Попробую вамъ не повѣрить...

Новый взрывъ.

— Браво дѣвочка! — восклицаетъ граммофонщикъ и наставительно добавляетъ: — только сразу видно, что ты не сама платила за пароходъ. 16 су — это только въ будни, а въ праздникъ дерутъ по 28. Женщины, а въ особенности хорошенькія кха! кха! кха! всегда имѣютъ лишній шансъ. Мордовороты и старыя кха! кха! кха! имъ смертельно завидуютъ кха! кха! кха! и шипятъ. Это старая истина.

Реплика граммофонщика имѣетъ успѣхъ. Онъ идетъ дальше и говоритъ:

— Сейчасъ перемѣнимъ иголку и споемъ пѣсенку. У меня есть хорошая, старая, очень подходящая пѣсенка. .

И черезъ минуту, послѣ захлебывающащагося хрипѣнія, изъ трубы раздался женскій задорный голосокъ:

— Tu n'es pas beau...

Граммофонщикъ, сдѣлавъ жестъ въ спину своей ворчливой соотечественницы, наставительно поправилъ:

— Tu n'es pas belle....

И снова взрывъ хохота.

— Tu n'es pas riche...

— продолжалъ голосъ изъ трубы:

Tu manques tout-à-fait d'esprit;
Tes gestes sont ceux d'un godiche,
D'un saltimbanque dont on rit...

И я замѣтилъ, какъ всѣ старики, бывшіе на пароходѣ, насторожились. И пока невидимый и плохо слышный оркестръ, въ которомъ флейты не отличались отъ скрипки, дѣлалъ свой отыгрышъ, какая то старушка, сидѣвшая на диванѣ, радостно воскликнула:

— Перикола! Боже мой, да это Перикола!

Перикола! Да. Она и есть!

Безъ особыхъ затѣй, безъ актерскихъ кувырканій, безъ сценическихъ площадокъ, безъ режиссерскихъ мудростей, прожила свой вѣкъ Перикола, рожденная въ 1868

году, попросту спускалась въ тюремную яму къ своему строптивому другу и пѣла ему вотъ эту насмѣшливую укоризненную пѣсенку — и почему, въ самомъ дѣлѣ, вотъ сейчасъ, въ іюльскій вечеръ 1926 года, у этого старичка такіе взволнованные глаза?

Воспоминается ли ему театръ на Большихъ Бульварахъ, старенькій картонный павильонъ тюрьмы, губернаторъ, переодѣтый капуциномъ и позванивающій ключами?

Откуда это безсмертное очарованіе?

И покуда я разсматриваю, какъ разстрогались и призадумались старички, и какъ равнодушна молодежь, ничего, кромѣ фоксторта не знающая и не насвистывающая; покуда я думаю, что театръ — единственное искусство, въ которомъ нельзя безнаказанно шарлатанить—по всему пароходу, медленно и нѣжно, грустно и заботливо запѣлъ молодой голосъ:

—Другъ милый, тебя до могилы
Буду любить всей душой,
Но больше совсѣмъ нѣтъ ужъ силы
Бороться весь вѣкъ съ нищетой...

Это пѣла моя спутница...

....

Души старичковъ не знаютъ новаго лада. Они помнятъ бульвары, полные цилиндровъ, изящества и утонченности.

Строй ихъ душъ вѣжливъ и учтивъ.

Они подходятъ къ намъ и спрашиваютъ:

— Скажите, пожалуйста: это — по-русски?

— Это — по-русски.

— Боже мой! Какой превосходный языкъ!

— Получше вашего, — хочется отвѣтить, но старички такъ чистеньки, такъ выбриты, такъ учтивы. На старушечкахъ брошки Людовика-Филиппа и вязаныя метенки....

— И какъ музыка на морѣ, сладокъ голосъ твой, — говорю я.

— Это что? Иронія?

— У меня, какъ у нѣмецкаго народа, есть всѣ добродѣтели, но ироніи у меня нѣтъ.

— Что же это?

— Попробую вамъ сказать, что это любовь.

— Влюбленность?

— Любовь.

— Въ ваши годы?

— Пусть въ мои годы.

Старики шушукаются объ Оффенбахѣ. Въ Парижѣ уже не найти артистки, которая могла бы пѣть Периколу.

— Шнеддеръ? Или Симонъ Жираръ? Или, хотя бы, Розалія Ламбрехтъ? Гдѣ?

И я мысленно отвѣчаю:

— Тамъ и гдѣ же нѣтъ ни печаль, ни воздыханіе. Гдѣ нѣтъ иностранцевъ, лакеевъ и господъ. Гдѣ — жизнь безконечная.

Притихли пассажиры.

Пароходъ прошелъ подъ мостомъ и зашумѣлъ громче.

На небѣ, ради воскресенія, всѣ звѣзды вышли на свои вѣчныя мѣста.

Несмотря на рѣчную и вечернюю прохладу, все же чувствуется, что въѣзжаешь въ городъ съ отравленнымъ воздухомъ.

О, этотъ голубоватый дымокъ бензина! Мы покорно отдаемся твоимъ смертоноснымъ объятіямъ. Жри наши легкія, какъ ты пожираешь каштановую листву Люксембургскаго сада.

— Альма!

Сдаемъ билеты и тихо и устало поднимаемся по темной каменной дорожкѣ къ площади.

И вдругъ, гдѣ то сзади, раздается вздохъ.

Говоритъ какой то русскій человѣкъ:

— И еще я тебѣ завѣщаю, Машенька. Если ужъ не суждено мнѣ увидѣть родной земли.... Если ужъ придется по-

дыхать здѣсь.... то не хочу я ложиться среди здѣшнихъ людей...

—А гдѣ-жъ ты легъ бы, родимый? — покорно спрашиваетъ Машенька.

— Похорони меня на собачьемъ кладбищѣ. Тамъ теплѣе будетъ...

Подкатываетъ вагонъ и кондукторъ, держась за веревку звонка, возглашаетъ:

— Allons-y!

Поѣхали. Часа черезъ полтора уже іюльскій понедѣльникъ и проѣздъ на пароходѣ стоитъ 16 су.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ СТАРИКОВЪ.

Въ Сенъ-Клу, въ нижнемъ паркѣ, — гдѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ строится ярмарка, — есть скромная, красная будка, на которой прибита вывѣска:

— Игра въ шары.

Неподалеку отъ этой будки, между деревьями, на расчищенной дорожкѣ, въ эти шары играютъ старички. Похожи они на тѣхъ старичковъ, которые тоненькими тенорками поютъ во второмъ дѣйствiи «Фауста». Игроковъ и постоянныхъ зрителей всегда бываетъ четырнадцать. Заскакиваютъ, конечно, и случайные зѣваки, какъ-то: загулявшiй рабочiй съ воспаленными глазами и крѣпкимъ перегаромъ изо рта. На такого старички смотрятъ съ завистью:

— Почки и печень въ исправности.

Иногда заходитъ влюбленный юноша съ блуждающими глазами, потрясенный тѣмъ, что она не пришла на свиданiе.

Тогда старички живо говорятъ между собой:

— Экiй дуракъ!

— А всетаки жаль, что намъ такой глупости уже не испытать.

— Просилъ бы васъ говорить только о себѣ.

— А вы, Шевалье?

— Я о себѣ не люблю разговаривать.

— Не рисуйтесь, Шевалье, вамъ — 63 года.

— У моего отца въ 65 лѣтъ былъ ребенокъ.

— Тогда у васъ лошадиная порода, Шевалье.

Весь міръ составленъ, какъ театральная труппа: любовники, комики, герои — резонеры, простаки, благородные отцы, неврастеники. Все умираетъ и отметается. Не умираетъ только одна страсть: игра.

Одного старичка, того, что пощеголеватѣе, краситъ усы, носитъ бѣлыя брюки, зовутъ Шевалье, другого — Жозефомъ, третьяго — Коко и т. д. Думаю, что все это знаменитые французскіе рантье. Всю жизнь они, какъ Коперникъ, трудились, нажили къ 55 годамъ капиталъ или пенсію, и теперь живутъ на проценты, играютъ лѣтомъ въ шары, пьютъ виши и смиренно ждутъ смерти. Это — трупы, отпущенные въ отпускъ.

Одинъ изъ нихъ, по моимъ догадкамъ, служилъ въ управленіи желѣзныхъ дорогъ, ибо всегда ужасается катастрофамъ и ругаетъ министровъ общественныхъ работъ. Другой былъ чиновникомъ Ліонскаго Кредита: всегда предсказываетъ денежные курсы. Третій торговалъ въ лавкѣ: развязенъ.. Четвертый занимался аптечнымъ дѣломъ: отъ него пахнетъ клеенкой. Пятый — домовладѣлецъ: во время игры къ нему приходилъ сборщикъ, чтобы получить страховку.

Домовладѣлецъ: это — Коко.

Маленькій, сѣденькій, шустренькій, чистенькій, одѣтый въ синій костюмчикъ, онъ былъ игрокомъ самымъ слабымъ, но игру любилъ до самозабвенія: передъ тѣмъ, какъ пустить шаръ по землѣ, онъ страшно волновался, долго прицѣливался, озабоченно мѣнялъ мѣста, и, если не попадалъ, то всегда былъ потрясенъ внутренней бурей: красный, какъ ракъ, садился на свой стулъ, чмокалъ беззубыми челюстями и всячески старался скрыть свое волненіе.

Но, увы, партнеры были безжалостны, подтруниванье шло невыносимое, и тогда Коко яростно огрызался:

— Пожалуйста, безъ критики,— говорилъ онъ: — не забывайтъ, что изъ моихъ святыхъ Сильвестровъ можно сдѣлать девять недѣль.

И отворачивался въ сторону, явно страдая. Онъ былъ похожъ на поэта, которому возвратили рукопись.

Старики, какъ и дѣти, жестоки.

Особенно жестокъ былъ партнеръ въ канотье, съ деревянной ногой. Онъ былъ самый молодой среди нихъ, ветеранъ боксерскаго возстанія: когда какой-нибудь шаръ прикасался къ другому, онъ непремѣнно заводилъ пѣсенку о пѣтушкѣ и курочкѣ.

Въ началѣ этого разсказа была допущена фигура умолчанія: въ числѣ постоянныхъ зрителей игры почти всегда бывалъ и я.

Что дѣлать? Одна талантливая актриса говорила мнѣ, что она не любитъ Сенъ-Клу, ей кажется, что и самый паркъ — нарочитый, и воздухъ въ немъ нарочитый и т. д. Но я, не мудрствуя лукаво, люблю этотъ огромный садъ, люблю отсутствіе въ немъ фруктовыхъ деревьевъ, люблю очаровательную поляну, на которой когда-то стоялъ охотничій павильонъ короля, люблю фонтаны, твердо вырѣзанные въ землѣ талантливой рукой, люблю и этихъ стариковъ, разгоряченныхъ недавнимъ завтракомъ и таинствами игры.

Уже остыли темпераменты, плохо работаютъ желудки и печени, пошаливаетъ сердце. Видъ проходящихъ женщинъ не волнуетъ, вина безъ виши пить нельзя, волосы присыпаны мукою, коллекція видѣнныхъ лицъ — огромна, память перегружена, ревность смѣшна. Остался одинъ страхъ: не умереть съ голода. Поэтому старички — бережливы и скуповаты. Кому платить за проигранную партію — забота.

Прислонившись къ дереву, покуривая, я смотрю и на скромнаго Жозефа, и на достойнаго, породистаго Шевалье, и на мученика Коко, и даже запомнилъ мотивъ пѣсенки о курочкѣ и пѣтушкѣ.

Непріятно видѣть старика глупаго, но невыразимо очаровательно — видѣть старика, котораго волнуютъ превратности, искусство и счастье игры.

Однажды Коко сдѣлалъ на рѣдкость неудачный косолапый ударъ: шаръ его стукнулся о дерево.

Кто-то крикнулъ:

— Зажгите спичку.

Другой поддержалъ:

— Зажгите свѣчку.

Третій, сказалъ невысоносимую вещь:

— Ему нуженъ цѣлый костеръ изъ сухой соломы.

Съ Коко сдѣлалось почти дурно, онъ выпилъ кофе, которое всегда носилъ съ собой въ термосѣ, вытеръ глаза и продолжать игру отказался, пояснивъ, что въ желчномъ мѣшкѣ у него со вчерашняго дня проходятъ камни и онъ поэтому не можетъ отвѣчать за правильный прицѣлъ.

Произошло замѣшательство: не хватало игрока. Компанію охватило уныніе. Началось совѣщаніе. Къ совѣщавшимся подошелъ Коко и что-то посовѣтывалъ. Я замѣтилъ, что Жозефъ и Шевалье одновременно и какъ будто нечаянно взглянули на меня. Въ результатѣ, съ больной и довѣрчивой улыбкой, ко мнѣ подошелъ Коко.

— Monsieur,— сказалъ онъ, вѣжливо снимая каскетку и показывая свою серебряную голову, — я и мои друзья, хотя и незнакомы съ вами, но часто имѣемъ удовольствіе видѣть васъ наблюдающимъ нашу игру. Сегодня со мной случилось несчастье. Вчера на ночь я забылъ принять обычную дозу прованскаго масла и сегодня въ желчномъ пузырѣ у меня началось безпокойство камней. Не играете ли вы въ шары, и если да, то не согласитесь ли вы замѣнить меня на сегодняшній день?

Я отвѣтилъ.

— Monsieur, я никогда не игралъ въ эту игру, я не знаю ея правилъ, но, если случилось такое несчастье, то, вы сами понимаете, какъ жестокъ тотъ человѣкъ, который не приходитъ на помощь.

Коко пожалъ мнѣ руку и уже въ частномъ порядкѣ я ему посовѣтовалъ принимать масло парафиновое, но

онъ отвѣтилъ, что это средство имъ уже испытано и не даетъ положительныхъ результатовъ.

— Температура у меня,— добавилъ онъ: — утромъ тридцать шесть одинъ, въ полдень тридцать семь три, а къ вечеру тридцать шесть восемь. Вотъ тутъ и живи.

— Туберкулезъ? — насмѣшливо сказалъ кто-то.

— Туберкулезъ, не туберкулезъ,— отвѣтилъ Коко: — а жить трудно. Голова не свѣжая и усталость.

— Ищутъ, ищутъ тебя, Коко, на томъ свѣтѣ.

— Пожалуйста, безъ критики, огрызнулся Коко, смиренно сѣлъ на свой полотняный стулъ и снова потянулъ изъ горлышка.

Я не зналъ игры и вообще мало былъ подготовленъ къ этому дѣйству, какъ любятъ говорить передовые русскіе режиссеры, но почтенный и медлительный Шевалье въ бѣлыхъ, слегка соскочившихъ брюкахъ, былъ изысканно вѣжливъ и указывалъ, во что нужно цѣлиться.

— Мы попали въ трудное положеніе, — объяснилъ онъ: — слѣдовало бы выбить отсюда вотъ этотъ шаръ, — и пальцемъ, на которомъ были ясные слѣды домашняго маникюра, онъ показалъ мнѣ, какой шаръ нужно выбить.

Я промѣрилъ разстояніе на глазъ, сталъ въ боевую позу, взвѣсилъ въ рукѣ чугуный битокъ, размахнулся, почувствовалъ на себѣ взгляды насмѣшливыхъ иностранныхъ глазъ и впился въ это покатое разстояніе. Намѣченный шаръ трахнулся о загородку.

— О-о! — вырвалось изъ всѣхъ французскихъ сердецъ: — это ударъ!

Создалось неловкое молачніе.

Ко мнѣ подошелъ Шевалье и опять, самымъ вѣжливымъ образомъ, освѣдомился:

— Вы дѣйствительно никогда не знали этой игры?

У меня была своя тайна, но я не хотѣлъ раскрывать ее сейчасъ.

— Увѣряю васъ: никогда! безъ какой бы то ни было лжи отвѣтилъ я.

Игра продолжалась и на девять ударовъ, мнѣ положенныхъ, я промазалъ всего два, о-о раздавалось все менѣе и менѣе довѣрчивое, но Коко смотрѣлъ на меня, какъ на кудесника, пришедшаго изъ невѣдомыхъ сранъ.

По окончанiи игры мы сидѣли въ кафе и пили апертивы. Изъ разговоровъ я понялъ: мнѣ не вѣрили. Самое меньшее, если предположить: я самъ когда нибудь держалъ будку и тамъ наловчился.

Я сказалъ, поклявшись, что у насъ, въ Россiи, не знаютъ такой игры.

— Но откуда же у васъ такой бросокъ? Такой глазъ? — задавалъ мнѣ настойчиво вопросы Шевалье.

— А, можетъ быть, у меня прирожденный талантъ? — попробовалъ я отшутиться.

— Э, mon vieux, талантъ безъ работы даетъ малые результаты, а за вашими плечами чувствуется лѣтъ пять практики.

И тогда только я сказалъ ему о томъ, о чемъ самъ очень смутно и только въ послѣднiя минуты сталъ догадываться.

— Мнѣ кажется,— сказалъ я:— что это отъ многолѣтней игры на русскомъ бильярдѣ...

— На русскомъ бильярдѣ?— недоумѣнно вопросилъ Шевалье и подлилъ себѣ воды изъ сифона: — развѣ есть разница между вашими бильярдами и нашими?

О, счастливая , беззаботная юность! Только тотъ, кто прожилъ тебя студентомъ Россiйскаго Императорскаго Университета, знаетъ, что такое настоящая юность! Столовка на Десятой линiи, Зоологическiй садъ, Народный домъ, гдѣ за два пятака мы слушали Тартакова и Клементьева, ресторанъ «Яръ»» съ шестью вѣнскими бильярдами, чайная «Манджурiя», трактиръ Чванова съ органомъ, утренняя очередь у Марiинки, первые аккорды увертюры къ «Тангейзеру» въ потемнѣвшемъ и примолкшемъ залѣ, лучшiй въ Европѣ оркестръ въ 120 человѣкъ, гдѣ первую скрипку играетъ Ауэръ, а за первымъ пультомъ вiолончели сидитъ Вержбиловичъ

и тихонько, сгорбившись на своемъ креслѣ, усмиряетъ тромбонистовъ Направникъ. Четвертый ярусъ за 37 копѣекъ въ Александринкѣ, несравненные актеры, чудесная русская рѣчь, старый буфетчикъ въ сводчатомъ фойэ, наивная музыка Галкина въ длинныхъ антрактахъ.. Конка въ Галерную Гавань и пароходный перевозъ къ Мытнинской набережной. Самыя раскошныя въ мірѣ набережныя и онъ, чудесный, петровскій, старый унивеситетъ, девятая аудиторія, библіотекарь по фамиліи Эпимахъ, навощенный полъ длиннаго коридора, и швейцаръ, знавшій ваше имя и отчество, и пѣсня: «Тамъ, гдѣ Крюковъ каналъ»... и Варьете, и невидимыя волнующія нити, протянутыя къ Бестужевскимъ курсамъ, и отъѣздъ на Рождество домой съ тарифной скидкой въ одинъ цѣлковый, и борщъ въ Рязани, и бѣлыя таинственныя ночи, и извозчичьи «Пожялте», и слегка влажная отъ снѣга «Биржевка», и линія серебряныхъ огней надъ Невскимъ въ ясный морозный вечеръ...

И вотъ я, какъ могъ, чужими гундосыми словами, началъ разсказывать старымъ французамъ изъ Сенъ-Клу о русскомъ бильярдѣ.

Несмотря на то, что я всѣми силами души презираю здѣшній карамбольный бильярдъ, карликовый, узенькій, ничтожный, какъ коробка спичекъ, построенный весь изъ расчета на аккуратность , прилизанность и осторожную ловкость, тѣмъ не менѣе, покрививъ душой, я сдѣлалъ ему нѣсколько холодноватыхъ комплиментовъ. Затѣмъ я перешелъ къ описанію русскаго бильярда, которому отдалъ не мало своихъ студенческихъ досуговъ. Съ сдержаннымъ волненіемъ я говорилъ о его величинѣ, объ этихъ великолѣпныхъ шести аршинахъ длины, на которыхъ не вотъ-то дотянешься и сыграешь безъ машинки, о торнтоновскомъ сукнѣ безъ ворсы, о вязанныхъ лузахъ съ цвѣтными махрами, о силѣ и оттяжкѣ резиновыхъ бортовъ, о безукоризненномъ аспидѣ досокъ, выдержавшихъ провѣрку самаго капризнаго ватерпаса. Потомъ я перешелъ къ играмъ: въ шесть ша-

ровъ, къ ботифону и въ частности къ нашей знаменитой пирамидѣ. Я разсказывалъ какъ пятнадцать слоновыхъ блестящихъ шаровъ, при помощи треугольника, устанавливаются на одномъ концѣ бильярда и какъ сразу обнаруживается доблесть или ничтожество игрока, дѣлающаго первый ударъ. Я говорилъ объ эластичности, легкости и мягкой отчетливости шара слоноваго, и о тяжеловѣсности и грузности мастиковаго, о томъ, сколько нужно класть свинца въ ручку кія и почему это важно.

Порою мнѣ становилось тяжело во время разсказа. Въ концѣ концовъ передо мной сидѣлъ иной, чуждый намъ міръ, расчетливый, геометрически построенный, всегда съ ровной температурой.

Когда я говорилъ о знаменитомъ дворянскомъ ударѣ, Шевалье учтиво перебилъ менѣ:

— Это значитъ, что такъ играла ваша аристократія?

Надо было объяснить, что никакого классоваго начала здѣсь нѣтъ, что и сапожникъ, и актеръ, и протодіаконъ равно могли обладать дворянскимъ ударомъ: суть была не въ происхожденіи, а въ темпераментѣ, рискѣ, размахѣ, въ вѣрѣ въ счастье, въ высокія судьбы игрока.

Когда я говорилъ о томъ разсудительномъ ударѣ, который столь нескрываемо презирали русскіе маркеры и который назывался : съ «молитвовкой», то, во-первыхъ, это трудно было перевести по французски, а во-вторыхъ, мои собесѣдники переглянулись между собой и задумчивый Жозефъ выразилъ общую мысль, сказавъ:

— Боже мой, до чего простирается религіозность русскаго народа!

Тогда я слегка разгорячился и, перейдя на примѣры, показалъ имъ, что я сегодня игралъ съ ними дворянскимъ ударомъ, а они всѣ, кромѣ Коко, съ молитвовкой. Коко, послѣ такого отзыва, сейчасъ же поближе придвинулся ко мнѣ, заигралъ пальцами и высокомѣрно посмотрѣлъ на своихъ пріятелей.

Благодаря плохому знанію языка, я такъ и не могъ растолковать имъ, что обозначаетъ: играть на себя, шаръ

свѣсилъ ноги, что такое оттяжка, какъ можно клеить битокъ къ борту, почему восьмой шаръ называется бабушкинымъ наслѣдствомъ.

Предо мной сидѣли люди, которые за свою долгую жизнь хорошо узнали, что такое человѣческая любовь, человѣческое счастье, человѣческія отношенія, долгъ, совѣсть, вѣра въ Бога, въ республику, въ палату депутатовъ. Со мной сидѣли циники, которые въ обычной обстановкѣ отнеслись бы ко мнѣ какъ къ эмигранту, какъ къ литератору, т. е. къ человѣку, занимающемуся пустымъ дѣломъ. Я видѣлъ, какъ они осматривали мой костюмъ, мой галстухъ, мои башмаки, мои часы, мою шляпу, какъ все это они молча взвѣсили, расчитали и сдѣлали выводы. Жизнь на землѣ для нихъ уже кончилась, осталось доживаніе и вмѣстѣ съ нимъ — жалкая робость разстаться съ этимъ чудеснымъ паркомъ и воздухомъ, рѣкой, солнечнымъ свѣтомъ, шумомъ фонтана, страхъ передъ темной и таинственной ямой, о которой сочинено столько вздора — и осталось только одно подлинное чувство, которое единственно не старѣетъ и не умираетъ до гроба: чувство игры. Передо мной сидѣли подлинные игроки, люди съ тѣмъ страннымъ и очаровательнымъ устремленіемъ воли, сердца и мысли, которое непонятно уравновѣшеннымъ публицистамъ, профессорамъ, сочинителямъ біографій и содержателямъ вѣшалокъ. Передо мной сидѣли люди, привыкшіе дразнить и искушать судьбу, предугадывать ея таинственные пути, взвѣшивать свои удачи на невидимыхъ и капризныхъ вѣсахъ, привыкшіе къ погонѣ за той птицей, которую зовутъ синей. Я видѣлъ это по ихъ слегка разгоряченгымъ глазамъ, по рукамъ, приставленнымъ къ уху, по особому уваженію ко мнѣ, какъ къ собрату изъ невѣдомыхъ и невообразимыхъ странъ, какъ члену одного и того же рыцарскаго ордена.

Потомъ я игралъ съ ними еще раза два. Разобравшись въ обстановкѣ, простой и ясной, я игралъ уже почти навѣрняка. При несоотвѣтствіи силъ, это становится неинтереснымъ и неэтичнымъ... Я выбылъ изъ круга и, убѣгая изъ парижскихъ душныхъ дней, пріѣзжалъ послѣ завтрака посмотрѣть, какъ работаютъ старички.

Однажды я замѣтилъ, что Коко — печаленъ и неразговорчивъ. Я спросилъ, не боленъ ли онъ.

Коко грустно отвѣтилъ:

— Я не боленъ, но мнѣ неловко въ вашемъ присутствіи срамить свою старость.

Тогда я прекратилъ свои посѣщенія и началъ ходить въ паркъ съ главнаго входа, мимо сторожа.

Одному своему пріятелю, жившему въ Вѣнѣ, я написалъ, чтобы онъ доставилъ мнѣ каталогъ фабрики Фрейберга, поставлявшаго когда то бильярды для Россіи. Пріятель отыскалъ каталогъ, отпечатанный въ 1912 году, и прислалъ его заказной бандеролью. Съ этой драгоцѣнностью я и направился въ кафе, гдѣ послѣ игры отдыхали старички. Съ жадностью, толкая другъ друга головами, набросились они на эти веленевыя странички съ изображеніемъ русскихъ бильярдовъ. Новый міръ еще болѣе придвинулся къ нимъ и мы до самаго обѣда сидѣли и разсказывали другъ другу исторіи о знаменитыхъ игрокахъ и карамболистахъ.

Когда ударилъ завѣтный часъ и хозяйка поставила на огонь кастрюли съ супомъ, Коко пошелъ проводить меня до порога. На конторкѣ онъ робко сказалъ мнѣ:

— Знаете, мой русскій другъ? Мы были вашими союзниками тридцать лѣтъ, но мнѣ кажется, что я только теперь начинаю смутно понимать, что такое Россія.

И, помолчавъ, добавилъ:

— И мнѣ кажется, что если я еще немного подумаю, то пойму, что такое русская революція.

И потомъ попросилъ подарить ему фрейберговскій каталогъ.

— Для коллекціи,— сказалъ онъ извиняющимся тономъ.

Когда я протянулъ ему брошюрку, онъ попросилъ сдѣлать на ней надпись и мы вошли въ закрытое помѣщеніе, чтобы попросить чернилъ.

Я написалъ на титульномъ листѣ:

— Милому Коко, представителю русскаго дворянскаго удара во Франціи.

И Коко, радостный и очень довольный, пригласилъ меня къ завтраку въ слѣдующее воскресенье.

Въ воскресенье выяснилось, что Коко — обладатель чудеснаго двухэтажнаго особняка, супругъ очень представительной и любезной дамы съ туго затянутой грудью, отецъ двухъ мужчинъ, уже солидныхъ и одинаково начинающихъ лысѣть.

Приглашеніе въ домъ неизвѣстнаго человѣка и притомъ иностранца было, очевидно, одной изъ причудъ отца и супруга. Накормили меня отлично, но изподтишка наблюдали, умѣю ли я ѣсть рыбу и какъ обойдусь съ виноградными косточками.

Когда все прошло благополучно и самое ударное искушеніе съ мокрой салфеткой миновало, заговорили о Россіи. Одинъ изъ лысѣющихъ людей спросилъ меня, дѣйствительно ли такъ хороши русскіе театры, какъ о нихъ приходится читать?

— Не только русскіе,—отвѣтилъ я:—но и французскій театръ, какой былъ у насъ въ Петербургѣ, долженъ быть поставленъ на второмъ мѣстѣ послѣ Comedie Francaise.

Не повѣрили. Переглянулись.

Заговорили о Петербургѣ.

Я сказалъ, что такихъ набережныхъ, какъ петербургскія, такихъ улицъ, какъ Невскій проспектъ, такихъ площадей, какъ Дворцовая и Сенатская, не вотъ-то много въ Европѣ насчитаешь.

Отмолчались. Какъ разъ въ этотъ день въ домѣ первый разъ пустили паровое отопленіе. Что-то зашумѣло

въ радіаторахъ, слегка запахло краской и какъ то особенно почувствовался уютъ, прелесть дружной семьи, вѣками налаженныя и сцѣпленныя отношенія.

И тогда заговорилъ самъ Коко, слегка порозовѣвшій послѣ ѣды:

— А паровое отопленіе въ Россіи есть?

Я сказалъ, что парового отопленія въ Россіи нѣтъ.

— Ну, а какъ же вы устраиваетесь съ вашими холодами? — заинтересовалась хозяйка.

Я отвѣтилъ:

— На время холодовъ, на улицахъ зажигаютъ костры. Изъ всѣхъ домовъ тогда выходятъ люди и грѣются. Погрѣвшись, идутъ обратно и ложатся спать.

Переглянувшись, одобрительно улыбнулись и повѣрили.

Послѣ кофе Коко отвелъ меня въ кабинетъ , далъ боковскую сигару и, какъ заговорщикъ, таинственно зашепталъ:

— Вы знаете, я сплю плохо и въ голову лѣзутъ разныя мысли. Отопленіе, вентиляція, телефоны — все это чепуха. Вы знаете, что я придумалъ.

— А что?

— Только вы никому не говорите, — и Коко придвинулся ко мнѣ ближе: — а что если въ Парижѣ, въ боковыхъ улицахъ Латинскаго Квартала, да открыть бы намъ съ вами кафе, да поставить бы тамъ три русскихъ настоящихъ билльярда? Какъ выдумаете, пойдутъ дѣла?

— Хо-хо! — отвѣтилъ я: — засыпетесь деньгами!

— Дѣло не въ деньгахъ,—шепталъ Коко:—а вы понимаете, мнѣ хотѣлось бы поусовершенствоваться въ этомъ прекрасномъ ударѣ...

— Правильная мысль,—поддерживалъ я старичка.

— Боже мой,—шепталъ Коко: —какъ я понимаю, что такое Россія, какъ я начинаю любить вашу страну. Боюсь только, что дѣти и жена объявятъ меня больнымъ и посадятъ въ сумасшедшій домъ...

И глаза Коко налились тоской и истинной грустью...

Ясно, что свои тайны, самыя откровенныя и самыя трогательныя довѣрялъ мнѣ игрокъ, испытатель судьбы и поэтъ, — самая интересная и необъяснимая загадка земной жизни.

«РѢКИ ВАВИЛОНСКІЯ»

I.

Кабинка въ эмигрантскомъ баракѣ въ одномъ изъ лагерей поблизости отъ Константинополя. Въ углу одѣялами отгорожена кровать Нины Александровны. Бѣженскій скарбъ. Пьютъ чай.

Васильевъ. Я понялъ теперь двѣ вещи: во-первыхъ, что будутъ еще войны почище этой; что мужчины истребятъ другъ друга въ конецъ и что на землѣ будетъ женское, бабье царство. Недаромъ слово «земля» женскаго рода. И жить на ней предназначено бабѣ.

Марьюшкинъ. *(плохо слушая)*. Понесъ дядя... Илья Пророкъ какой выискался...

Васильевъ. Нѣтъ, не понесъ. Фактъ, а не реклама. Бабы будутъ здѣсь. Будетъ пчелиный улей. Царицей будетъ матка. И на землѣ будетъ чистота, порядокъ, спокой. Жизнь совсѣмъ перемѣнится...

Егоровъ. Ну, а мужчинъ такъ совсѣмъ и не будетъ?

Васильевъ. Какъ не будетъ? Будутъ! Чтобъ мужчины не было, — до этого баба не допуститъ. Будутъ, но мало. Все будетъ, какъ въ ульѣ. Будутъ трутни. Ихъ будутъ кохать, любить, а потомъ убивать. Выведутъ молодца до 21 года, возьмутъ отъ него что надо и долой. Вѣра такая новая будетъ, по всѣмъ правиламъ его отпоютъ, обрядятъ, — можетъ, даже, въ царскую одежу на

прощанье обрядятъ, и въ могилу зароютъ. Бабы и вѣру новую выдумаютъ, и всѣ будутъ, какъ одна: какъ русская, какъ нѣмка, какъ еврейка, какъ француженка. Всѣ подъ одну бирку. И, главное, какъ въ женскомъ монастырѣ будетъ: всюду — чистота, порядокъ, песочекъ, дорожки, георгины. Въ домахъ — занавѣсочки, лампадки. И будетъ земля монастырь. Тогда все успокоится. Очистится, вздохнетъ земля. Много грѣха съ нея смоется.

Марьюшкинъ. Разговорчивый ты, Васильевъ, человѣкъ.

Васильевъ. Разговорчивый тамъ неразговорчивый, а ей Богу. Нѣтъ, жалко, что человѣкъ изъ могилы не можетъ вылѣзть такъ минутъ хоть на пять, хоть однимъ глазомъ окинуть все окрестъ. Интересно.

Егоровъ. А войны, говоришь, будутъ еще?

Васильевъ. Об-бязательнѣйшимъ образомъ! Люди сперва не будутъ сами сражаться. Выучатъ обезьянъ, волковъ, тигровъ, верблюдовъ. А когда это звѣрье перебьетъ другъ друга...

Егоровъ. Ну вотъ и ерунду наплелъ. Волкъ противъ волка или, скажемъ, обезьяна противъ обезьяны никогда не пойдутъ другъ противъ друга...

Васильевъ. Хо-хо, не пойдутъ! Человѣкъ выучитъ, онъ, братъ, камни на камни, гору на гору натравитъ, да всего допретъ... Человѣкъ претъ, во! — И при томъ онъ — злѣе всякой змѣи, всякаго василиска, и одинъ какой-нибудь такую штукенцію удумаетъ, что сразу всѣ твои арміи съ лица земли сотретъ. И вотъ тогда-то баба и останется. И она управитъ землею, лучше нашего управитъ. Баба — много благоразумнѣе мужика. Безтолковѣй, упрямистѣй, а благоразумнѣй. Она все это какъ-то верхнимъ чутьемъ слышитъ. Да ты посмотри вотъ на нашъ баракъ несчастный. Все, вѣдь, губернаторы бывшіе, да начальники, да предсѣдатели, да камеръ-юнкера придворные, а посмотришь, прислушаешься, — нѣтъ у нихъ разумѣнія верхняго, самого достойнаго. А ты на Нину посмотри.

Марьюшкинъ. Кому Нина, а тебѣ — Нина Александровна...

Васильевъ. Ну на Нину Александровну. Другой коленкоръ. Въ высшіе разговоры она не вникаетъ, только улыбается, а за то какъ она муку своей бабьей кавалькадѣ раздаетъ, какъ молоко сгущенное по ложечкѣ разольетъ или этотъ желтый сахаръ по одному золотнику развѣситъ, — вѣдь это какое терпѣніе, какой аккуратъ нуженъ. А какъ съ англичанами разговариваетъ! Англичанинъ — человѣкъ грубый, недоступный, воображаетъ о себѣ больше вчерашняго,— и тотъ ее слушаетъ и верхней губой своей толстой шевелитъ. Вотъ такія бабы королевами будутъ. А вотъ и она, легка на поминѣ.

Нина Алек-ровна. *(входя)*. Что, что такое? Что вы тутъ о королевахъ расписываете, неисправимый монархистъ вы этакій?

Егоровъ. Васильевъ ошалѣлъ отъ бездѣлья, — ну вотъ и разводитъ тутъ планы всякіе. Такія, какъ вы, говоритъ, королевами въ будущей жизни будутъ...

Нина. Это на томъ свѣтѣ? Гдѣ угольками платятъ? *(Она что-то принесла съ собой въ корзинэчкѣ, теперь все это выкладываетъ, пересматриваетъ, разводитъ примусъ, начинаетъ что то варить)*.

Егоровъ. Нѣтъ, на землѣ здѣсь, лѣтъ черезъ сто, когда мужики-дураки другъ друга истребятъ, когда на землѣ одно бабье царство будетъ.

Нина. Бабье царство? Ну до этого еще далеко. Еще вашего брата много останется.

Васильевъ. Истребимся, матушка, истребимся. Такъ и будемъ стукать другъ друга, какъ билліардные шары. Останетесь вы на землѣ однѣ, какъ пчелки, состроите большой улей высотой до небесъ. Мужики то вавилонскіе во время оно башню высотой до небесъ строить хотѣли, — оказалось что это ни къ чему. Башня не нужна, улей нуженъ. Улей — высотою до небесъ. И къ этому жизнь идетъ. Вотъ Богъ и смѣшалъ языки наши...

Нина. А войны будутъ?

Васильевъ. Ой, матушка! А онѣ переставали? Онѣ теперь, какъ болѣзнь, во внутрь вошли. *(За сценой шумъ. Крики:*

«Извините-съ! Это моя часть!». «Нѣтъ, моя». »Извинитесъ, вы вчера заграбастали и сегодня хотите?» «Господа! Оставьте!» Въ кабинку, съ хлѣбомъ въ рукахъ, врываются губернаторъ и камеръ-юнкеръ).

Губернаторъ. Нина Александровна! При васъ я вчера хлѣбъ дѣлилъ?

Камеръ-Юнкеръ. Нѣтъ, позвольте въ консэ консовъ нужно же по порядку?

Губ. Нѣтъ, ужъ на сей разъ вы позвольте. Я вамъ слишкомъ много позволялъ!

К.-Ю. Вы эти ваши сатрапскія привычки оставьте: нраву моему не препятствуй. Это вамъ въ консэ консовъ, не Курская губернія. Я самъ, батюшка, камеръ-юнкеромъ при двухъ императорахъ былъ.

Губ. Лакейская должность, батюшка!

К.-Ю. Ахъ-ты, Боже мой! Лакейская должность! Это давно вы стали такъ вотъ, либеральничать вслухъ? А сколько этакимъ лакеямъ, когда, бывало, пріѣзжали въ Петербургъ за крестикомъ иль за мѣстишкомъ, — сколькимъ вы такимъ «лакеямъ» ручки лизали?

Губ. Если вамъ угодно знать, я, сударь мой, никому ручекъ не лизалъ. Это всякій скажетъ, кто меня знаетъ. Этимъ вотъ, горбомъ, дослужился до своей, какъ вы говорите, сатрапской должности. Изъ помадной банки въ молодости писалъ.

К.Ю. Все равно, какая бы она ни была. Царь былъ и вы служили.

Губ. Служба разная при царѣ была.

К.Ю. Все равно, какая бы они ни была. Царь былъ и вы вонъ въ губернаторскомъ дворцѣ жили и, хоть человѣкъ вы — не тово, а все-таки, при порядкѣ — и сами порядокъ чинить умѣли...

Губ. Если вамъ угодно знать, для порядка у меня

полиційместеръ да архіерей были. А вы вотъ хвосты бабьи на выходахъ носили!

К.-Ю. Хвосты! Бабьи! Люди добрые! Послушать только, какъ онъ разговариваетъ! Теперь вы смѣлы, а вотъ тогда бы вы сказали: «бабьи хвосты.»

Г у б. И тогда говорили...

К.-Ю. Говорили?

Г у б. Говорили.

К.-Ю. Ну ладно. Пусть говорили. Нина Александровна! Благоволите разрѣшить споръ. *(Показывая двѣ половинки хлѣба)*. Правильно хлѣбъ разрѣзанъ или нѣтъ?

Г у б. Какая половина больше? Эта или эта?

Н и н а. *(улыбаясь)*. Эта.

К.-Ю. Что? Вотъ онъ, Соломоновъ судъ. Выкусили?

Г у б. Бож-же жъ мой! Какой жаргонъ! Какой стиль!

К.Ю. Что тамъ стиль? Вы, ваше превосходительство, картъ не подтасовывайте. *(Отрываетъ кусочекъ хлѣба, ѣстъ)* Тутъ, батюшка, не до стилей теперь. Всѣ стили смѣшались. Вотъ бы хорошо поскорѣе забыть все это прежнее. *(Губернаторъ тоже отщипываетъ хлѣбъ и ѣстъ)*. Отчего? Отчегоэто человѣкъ забыть не можетъ вотъ того, прежняго? Зачѣмъ существуютъ сны?

Г у б. *(мирнымъ тономъ)*. Сны необходимы человѣку до 21 года. Какъ въ солдаты его взяли,—я съ вами согласенъ: сновъ не нужно.

Н и н а А - д р о в н а . А женщинамъ? Тоже до 21 года , до совершеннолѣтія?

Г у б. А женщина замужъ вышла, сны кончены.

Н и н а А л. Kinder, Kuchen, Kirche. Три к?

Г у б. Четыре. Четвертое *к*: капотъ.

К.Ю. Ваше превосходительство: Вы — зубръ.

(Губ. ѣстъ хлѣбъ и смѣется.)

Г у б. *(шепотомъ Нинѣ. А.)* Вѣдь я дразню его!

К.-Ю. Ахъ, эти сны!

Г у б. *(поддразнивая)*. Дворъ, Царское Село, 6 мая, сирепь цвѣтетъ, деревья подстрижены, аллеи утрамбо-

ваны: Его Величество всталъ въ добромъ здравіи, былъ мелостивъ, кормилъ сахаромъ лошадей...

К.-Ю. Да, да. Кормилъ сахаромъ лошадей. Ему вотъ такъ выносили на тарелочкѣ, онъ бралъ и давалъ лошади прямо въ роуъ.

Губ. Въ ротикъ.

К.-Ю. Лошадь, ласковая и умная, слюнявила перчатку, а онъ вынималъ платокъ и вытиралъ ее, и смѣялся.

Губ. Лошадь вытиралъ?

К.-Ю. Перчатку.

Губ. *(искренно)*. Бож-же мой, Боже мой! А мой дворецъ одними окнами, изъ служебнаго кабинета, выходилъ на бульваръ, а другими — изъ столовой, на рѣку. И терраса была широкая такая, во весь домъ, — хоть свадьбу играй. Бывало, лѣтнимъ вечеромъ, сядешь пить чай,— плывутъ пароходы, огни зеленые, огни красные. Бинокль возьмешь, — у меня хорошій бинокль былъ: цейссовскій, — людей видишь: въ фуражкѣ купецъ старовѣръ, палуба перваго класса, палуба второго класса...

Губернаторша. *(изъ сосѣдней кабинки)*. Замолчи, Вольдемаръ! Ну что опять разболтался? Кому это нужно? Совсѣмъ въ дѣтство впадать началъ.

Губ-ръ *(притворно испугавшись)*. Т-ссъ! Голосъ изъ провинціи!

Васильевъ *(въ полголоса)*. Ваше превосходительство! А вѣдь губерніей-то она правила, а? Ну сознайтесь по совѣсти! Разъ въ жизни!

(К.-Юнкеръ закатисто, довольно смѣется).

Г-ръ. Слушайте, Васильевъ. Вы — милый человѣкъ, вы кровать мнѣ къ стѣнкѣ приладили, но, все-таки, не всякіе разговоры я съ вами допустить могу. Вы то кто такой? Кто вы?

Васильевъ. Я? филеръ.

Губ. Филеръ?

(К.-Ю. взрывъ смѣха).

Вас. Филеръ.

Губ. Изъ особаго отдѣла?

Вас. Да. Изъ особаго отдѣла.

Губ. *(смущенно)*. Интересно.. Вотъ не зналъ. Вы такой занятный человѣкъ. Разсуждаете обо всемъ. О звѣздахъ понятіе имѣете.

Вас. Я о многомъ понятіе имѣю, ваше превосходительство.

Губ. Откуда же это у васъ?

Вас. Какъ откуда? Времени много бывало свободнаго. Бывало, стоишь на наблюденіи. Задана тебѣ задача: узнать, куда человѣкъ пойдетъ. А онъ, окаянный, вмѣсто того, чтобы встать да пойти, — сидитъ и часъ, и два, а то, иной разъ, и пять часовъ отсидитъ. Ну вотъ, стоишь, стоишь, — смотришь, уже и сумерки, уже и звѣзда вечерняя прорѣзалась, за ней другая, — а тамъ и весь чертежъ небесный вышелъ. Смотришь и думаешь. Сегодня на тебѣ сѣдой паричекъ и бородка: ты — старичекъ. Завтра брюнетъ, усы черные, какъ смоль, — на головѣ котелокъ...

К.-Ю. О чемъ же думаешь, Шерлокъ-Холмсъ? Все, о звѣздахъ?

Вас. *(съ холодкомъ)*. И о звѣздахъ, и о всемъ прочемъ, ваше сіятельство! Доложу я вамъ, что на звѣзды очень полезно смотрѣть. Очень! Особенно, въ первый вечерній часъ. Это отмѣнный театръ, ваше превосходительство! И свой фонарщикъ на небѣ есть.

К.-Ю. А скажите, пожалуйста, театралъ вы этакій, служитель Мельпомены, это чья же постель?

Нина Ал. Это — сожителя нашего, Валерьяна Николаевича.

К.-Ю. Это — бритый такой?

Губ. *(радостно)*. Онъ на дняхъ мнѣ свое варенье уступилъ. Я, говоритъ, его не ѣмъ.

К.-Ю. А онъ тоже филеръ, этотъ Валерьянъ Николаевичъ?

Нина Ал. Онъ — художникъ.

К.-Ю. Художникъ?

Губ. Да-съ, художникъ. Вотъ и съ художниками привелъ Богъ пожить.

К.-Ю. Что же онъ рисуетъ? Пригорки? Ручейки? А сколько ему лѣтъ?

Нина Ал. Ему лѣтъ? Не спрашивала, но думаю лѣтъ 37-36.

К.-Ю. Лѣтъ 36-37? Всегда боялся людей, имѣющихъ сорокъ лѣтъ, бороду и пишущихъ стихи. Толковый художникъ?

Нина Ал. *(немного задѣтая)*. Вы Третьяковскую галлерею знаете?

К.-Ю. Это — въ Москвѣ?

Нина Ал. Да, въ Москвѣ.

К.-Ю. Знаю, слышалъ.

Нина Ал. Ахъ, только слышали? А бывать не бывали?

К.-Ю. Господи! Да когда же?

Г-ръ. А я бывалъ. Я учился въ Московскомъ университетѣ.

Нина Ал. Ну такъ вотъ. Въ этой галлереѣ висятъ двѣ его картины.

К.-Ю. Хорошія?

Нина Ал. Надо думать, разъ купила Третьяковская галлерея.

Губ. Боже жь ты мой! Московскій университетъ! 12 генваря! Молодость! Лекціи! Тверской бульваръ! Храмъ Христа Спасителя строили! Боже жь ты мой! Только что съ женой моей теперешней познакомился! Она такая была румяненькая, полненькая, черноглазая, губы, какъ вишенки... Ночи не спалъ, все о ней думалъ, со звѣдами бесѣдовалъ...

К.-Ю. Маргарита!

Губернаторша. Пошелъ, поѣхалъ! Молчалъ бы ужъ.

Г-ръ (комически затыкаетъ уши).

Входитъ художникъ.

Художникъ. Здравствуйте!

Всѣ: — Здравствуйте. Добрый вечеръ.

Губ. (*здоровается за руку.*) Здоровеньки булы. Очень благодарю васъ, еще разъ, за варенье. Вы знаете? Когда я ѣмъ варенье, я испытываю эстетическое наслажденіе: такъ говорилъ мой архіерей Агафангелъ. У насъ, въ губерніи, малиновое варенье такъ и звали архіерейскимъ.

Худ. Могу вамъ и еще дать.

Губ. Развѣ у васъ еще есть?

Худ. Цѣлую банку купилъ.

К.-Ю. Позвольте-съ! Въ консэ консовъ у васъ, слѣдовательно, есть піастеры?

Худ. Есть піастеры.

Губ. (*шутя.*) Тогда, въ консэ консовъ, я съ вами дружу.

К.-Ю. Счастливый! А я все, что имѣлъ, уже, какъ говорятъ здѣсь, загналъ и деньги прожилъ. Купилъ того, сего... И теперь — яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего. Одинъ вотъ серебряный петровскій рубль остался. Хотя, говорятъ, прошелъ слушокъ, что всѣхъ насъ въ самомъ скоромъ времени, берутъ къ себѣ, на полное содержаніе, въ консэ консовъ, венгерскіе магнаты.

Васильевъ. (*Внезапно*). Висло.

Губ. (*ошарашенный.*) Что такое? Какое слово вы произнесли?

Васильевъ. (*смѣясь*). Ага, Ваше превосходительство! Узнали? Висло!

Губ. Знакомое словцо!

Васильевъ. Вспомнили, ваше превосходительство?

Губ. Но позвольте! Откуда это у васъ?

Васильевъ. (*смѣется*). Ахъ, ваше превосходительство! Да я же у васъ въ городѣ служилъ. Знаю васъ, какъ облупленное яичко. Слѣдилъ за вами. Вы у меня подъ наблюденіемъ были! И за Агафангеломъ вашимъ слѣдилъ!

Губ. Господи Іисусе Христе! Да неужто правда?

Васильевъ. Вотъ вамъ святой крестъ. И подтвердить могу вотъ передъ ихъ сіятельствомъ. Вѣроятно, и вправду вы, ваше превосходительство, бабьихъ хвостовъ на своемъ вѣку не носили. На серьезномъ подозрѣніи были...

Губ. *(К-Юнкеру).* Слышите?

К.-Ю. *(пожимаетъ плечами).* Ну что же? Въ консэ консовъ, очень жаль, — одно могу сказать.

Васильевъ. Знаю, ваше превосходительство, про какое вы малиновое варенье разсказывать изволите. Знаю, какъ вы съ Агафангеломъ водочку черезъ помидорчикъ кушали. И съ поваромъ вашимъ знакомъ былъ, съ Иваномъ Тихоновымъ...

Губ. Вѣрно. Вѣрниссимо: Иванъ Тихонычъ. 18 лѣтъ у меня служилъ.

Вас. Вотъ то то и оно-то. Знаю, какъ вы на архіерейской дачѣ...

Губ. *(показывая на перегородку , въ сторону губернаторши).* Т-сссс Молчаніе!

Пауза.

Г-ша, Шелъ бы ты, твое превосходительство, домой, во свояси. Спать пора. Завтра рано вставать. Не забывай, что завтра ты — дежурный по кухнѣ.

Г-ръ. Я сейчасъ , матушка. Я вотъ жду. Видишь, Нина Алекснадровна картошечку жаритъ. Она и намъ парочку соблаговолитъ.

Нина. Ал. Не жаритъ, а варитъ.

Г-ша *(смѣется).* У него всегда такъ. Пирогъ жарятъ, утку пекутъ, шашлыкъ варятъ.

Г-ръ. Ну ужь, матушка, ты не преувеличивай. На счетъ шашлыка я основательно знаю, что его вотъ такъ на шомполѣ поварачиваютъ, а онъ шипитъ: ж-ж-ц..

Худ. Да, ваше превосходительство , картошечка, лучекъ, вареньице, а тамъ, въ великолѣпной солнечной дали, въ молчаливыхъ, строгихъ дворцовыхъ залахъ, висятъ Венеры Тиціана, концерты Джордоне. Знаете

этотъ, флорентійскій? Землистое, чудесное лицо, пальцы, прикоснувшіеся къ клавишамъ....

Губ. Эх-хе-хе, молодой человѣкъ. Гдѣ намъ , дуракамъ, чай пить... *(Присаживается къ нему.)* А вы знаете что? Ей-Богу, правду вамъ скажу. Не вѣрю вотъ въ то, что тамъ, въ молчаливыхъ строгихъ залахъ, висятъ Венеры и концерты. Не вѣрю вотъ, что я губернаторомъ былъ, въ Московскомъ университетѣ учился, что при мнѣ Храмъ Христа Спасителя достраивали. У меня вотъ передъ Агафангеломъ архіерей Петръ былъ. Погребъ винный имѣлъ. За начальницей епархіальнаго училища ухаживалъ. А я вотъ не вѣрю, что Петръ былъ.

К.-Ю. А что филеромъ трудно быть?

Васильевъ. Трудно. И жалованья мало. За всю жизнь вотъ только одни золотые часы скопилъ.

Губ. Теперь — валюта. А у насъ съ женою была только одна каракулевая муфта да и ту на пароходѣ свиснули...

Нина Алек. Ну вотъ и готово. Пожалуйте, господа.

Губ. *(паясничая) (тенромъ).* Явите божецкую милость. *(Басомъ.)* Подайте типу Максима Горькаго. За правду изъ семинаріи выгнали.

Г-ша. Не паясничай, Вольдемаръ. Вы знаете? Онъ разъ въ любительскомъ спектаклѣ въ пользу инвалидовъ игралъ.

Губ. Передъ Рождествомъ, — и полный сборъ сдѣлалъ. Ложа пятьдесятъ пять рублей стоила. Ну вотъ, спасибо, достоуважаемая Нина Александровна! Ручку дозвольте.

(Всѣ получаютъ картофель и, прощаясь, съ благодарностями уходятъ.)

Нина Алек. Ну, Васильевъ! Берите! А то сейчасъ дверь на замокъ.

Вас. Сейчасъ, матушка, сейчасъ. Дай Богъ тебѣ добраго здоровья. Женишка хорошаго.

Н.А. Хо-хо, «женишка». У меня — мужъ есть. Три года, какъ замужемъ..

Вас. Ой-ли?

Н. А. *(одѣляя его картофелемъ)*. Вотъ вамъ и«ой-ли».

Вас. А гдѣ же онъ теперь-то , вашъ благовѣрный?

Н. А. А не знаю. Растерялись.

Васильевъ. Вотъ оно, дѣла-то какія.... Спасибо, матушка. Ручки обожгла.

(Уходитъ. Нина Александровна задергиваетъ занавѣску. У нея — пространство для кровати изъ носилокъ, придѣланныхъ къ стѣнѣ и маленькій ящикъ, въ видѣ столика. Задернувши занавѣску, она причесывается передъ зеркальцемъ и пудрится).

Пауза.

Нина Александровна. Валерьянъ Николаевичъ! Вы крѣпко заняты? Можно васъ на минутку?

Художникъ. Иду. *(Заходитъ къ ней за перегородку).*

НинаАлек. *(Лукаво грозитъ ему пальцемъ, но тонъ разговора для окружающихъ дѣловитъ и серьезенъ.)* Я хотѣла попросить у васъ книжку о Сѣровѣ....

Художникъ. (*беретъ у себя книжку, снова входитъ за перегородку, обмнимаетъ Нину, и крѣпко цѣлуетъ. Она грозитъ ему пальцемъ: услышатъ молъ: и съ той, и другой стороны... Онъ жестомъ отвѣчаетъ: «Чепуха!»* Прекрасно издана эта книжка о Сѣровѣ. Обратите внимніе на переплетъ. Какъ оттиснуто золото! *(Васильевъ не вѣритъ этимъ дѣловымъ разговорамъ, хитро улыбается, осторожно подползаетъ ближе и прислушивается).*

НинаАлек. Вы сегодня писали? *)Пуй(лѣ (цо*

Художникъ. Да, писалъ. Часа два писалъ.

(Разговоръ дѣлается отрывистымъ, голоса — напряженными.)

Нина Алек. Что писали?

Худ. Море писалъ, облака... Сегодня удивительный закатъ былъ. *(Поцѣлуй.)* Два солнца. Одно — надъ самой землей, огоромное, четкое, ясное...

Васильевъ. Красное — это къ вѣтру. *(Нина и художникъ отъ не ожиданности отскакиваютъ другъ отъ друга.)*

Худ. *(сѣвъ на ящикъ)*. Да, да, къ вѣтру. *(Грозитъ Василеьву кулакомъ)*. А другое — въ водѣ, тоже такое же пурпурное, яркое... И краями почти прикасаются другъ къ другу...

Васильевъ. Похоже на цифру 8.

Худ. *(предупредительно)*. Да, да. Пожалуй. Похоже на цифру 8. *(Цѣлуетъ Нину.)* И облака такія сильныя, лѣтнія, фигуристыя, причудливыя.

Васильевъ. Это къ вѣтерку. Вѣтерокъ завтра часиковъ съ шести дунетъ. *(Входитъ губернаторъ, присыпаетъ картофель солью и жуетъ)*.

Губернаторъ. А вотъ нарисуй два такихъ солнца и я первый не повѣрю. *(Хочетъ пойти въ кабинку Нины Александровны, но Васильевъ хитро и предостерегающе грозитъ ему пальцемъ, губернаторъ останавливается, раскрываетъ ротъ. Васильевъ опять мимикой что-то показываетъ ему, тотъ догадывается, прикладываетъ палецъ ко рту и всѣмъ своимъ существомъ какъ бы говоритъ: «Молчаніе, молчаніе»... У Нины Александровны и художника тоже молчаливая сценка. Они разсаживаются въ разныя стороны, художникъ беретъ загету. Ждутъ: губернаторъ непремѣнно заглянетъ)*.

Нина Алек. Чего же не заходите, ваше превосходительство?

Губ. *(просовываясь за занавѣску)*. Можно еще одинъ помъ-де-терръ, многоуважаемая? *(Тихонько)*.

У старухи такой аппетитъ разыгрался, что упаси Богъ.

Нина Алек. Пожалуйста, пожалуйста...

Худ. Ваше превосходительство! Хотите? *(щелкаетъ себѣ по шеѣ).*

Губ. *(тихо, заговорщически).* А есть?

Худ. Есть. *(Наливаетъ ему изъ походной фляжки).*

Губ. На сколько градусовъ разбавляли?

Худ Градусовъ 50 будетъ.

Губ. Смерть моя. *(Поднося ко рту).* Матерь великомученица! Прошедшая водныя и мѣдныя куренія, и забвенія, и трубы, всеобжигающая, всенарушающая...

Нина Алек. *(показываетъ знаками: «тише, молъ, перегородки тонкія»).*

Губ. *(закусывая).* Я и говорю. Нарисуй такихъ два солнца: одно — надъ землею, другое — подъ водою, — никто, ни одинъ человѣкъ не повѣритъ. И облака такія захватывающія, этакія, понимаете-ли, *(подставляетъ рюмку)* сочныя, вкусныя, всеобъемлющія, — никто не повѣритъ. *(Пьетъ).*

Худ. *(жестомъ спрашиваетъ: «еще одну»?)*

Губ. *(жестами: «ни, ни, ни... Боже сохрани. По горло доволенъ»).*

Губ. *(безпечно).* Я зналъ одного такого художника. Хорошій парень былъ, но не везучій... Что, бывало, ни нарисуетъ, ему критика сейчасъ же и отчеркнетъ: «опять наврали, милостивый государь». Что хочешь, то и дѣлай. *(Юмористически подчеркнуто и таинственно жметъ руку художника.)* Завтра думаю въ деревню сходить..

Нина Алек. И я съ вами...

Губ. Отлично. Пойдемъ вмѣстѣ. *(Выходитъ).*

Васильевъ *(завидя его, на разные лады поетъ.)* Пойдемъ вмѣстѣ, найдемъ двѣсти. Пойдемъ вмѣстѣ, — найдемъ двѣсти.

Губ. *(грозитъ ему пальцемъ и уходитъ).*

Нина Алек. *(облегченно перекрестилась. Поцѣлуй).*

(За сценой слышно пѣніе: «Христосъ рождается, славите,. Христосъ съ небесъ срящите, Христосъ на земли возноситеся». Тихо . Всѣ прислушались.)

Х у д. Что это за пѣніе? Стройно и хорошо.

Н и н а А л е к. А это — хоровая спѣвка. Къ Рождеству готовятся. Скоро, вѣдь, русское Рождество...

Х у д. Рождество...

Н и н а А л е к. Да. А ты забылъ? *(Поцѣлуй).*

ЗАНАВѢСЪ.

II

Палатка въ которой помѣщается «собраніе.» Буфетъ, за которымъ правитъ хозяйствомъ прокуроръ и его помощникъ. Столъ съ газетами. Играютъ въ шахматы.

П о м ѣ щ и к ъ собралъ вокругъ себя родъ вѣча.

П о м ѣ щ и к ъ. Я восемь тысячъ десятинъ земли имѣлъ. Своя дача въ Крыму, около Алупки. Драгоцѣнности какія были! Вспомнить страшно. Дворянство пятой книги. Связи въ Петербургѣ, связи въ Москвѣ. Актеры Малаго Театра своими людьми въ домѣ были. Бывало за обѣдомъ иной дьяволъ такой анекдотъ разскажетъ, что въ боку больно отъ смѣха дѣлается. А что такое смѣхъ за обѣдомъ? Хорошее пищевареніе... А что такое хорошее пищевареніе? Хорошее пищевареніе — это румянецъ на щекахъ, блескъ въ глазахъ, отличное расположеніе духа, задоръ, смѣлость, плевать на все съ высоты четырнадцатаго этажа. И, все-таки, оселъ этакій, всегда съ жиру бѣсился, всегда въ оппозиціи къ правительству былъ. Я, видите-ли, либералъ, у меня , видите-ли просвѣщенный образъ мыслей былъ! Портретъ Герцена на стѣнѣ! Въ книжномъ шкафу «Что дѣлать» въ бархатномъ переплетѣ! Ахъ, это наше варварское правительство,! Ахъ, намъ нужна республика! Ахъ, русская

общественность! На Земскомъ-ли собраніи, Городской Думы въ засѣданіи-ли — я всегда крайній лѣвый. Всегда — противъ губернатора. Всегда — противъ Губернскаго правленія.

Г у б. Хи-хи-хи! Ну и что же, крайній лѣвый синьоръ? Долиберальничались? Портретикъ Герцена съ собой въ чемоданчикъ захватили? Блестящій писатель былъ: этакій образъ мыслей — благородный, стройный, возвышенный... На лирѣ, можно, сказать бряцалъ!

П о м ѣ щ и к ъ. «Русскія Вѣдомости» — это было не по мнѣ. Куда же имъ, этимъ старцамъ? Слабо, блѣдно, Чернышевскій переулокъ. Намъ давай заграничнаго женевскаго, на папиросной бумагѣ.

Г у б. Ахъ, дуракъ, Боже мой, какой дуракъ!

П о м ѣ щ и к ъ. Царь — нехорошъ! Царь — врагъ народу! Царь — пьетъ кровь народную! Господи! Какъ же ты такого осла на землѣ держалъ? Какимъ же я былъ остолопомъ, Никола Милостивый?

1-й изъ толпы. Прежде, во времена Михайловскаго, были кающіеся дворяне, а теперь — кающіеся ослы.

П о м ѣ щ и к ъ. Пожалуйста, пожалуйста! Сдѣлайте вашу милость! Шпарьте прямо въ лицо! Нѣ-ѣтъ, обиды нѣтъ! Заслужилъ! По дѣломъ своимъ получилъ!

2-й *(запѣваетъ теноркомъ)*. Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ..

Г у б. А если бы снова царь пришелъ?

П о м ѣ щ и к ъ. О, если бы пришелъ царь! О, если бы пришелъ царь! Я не знаю бы что... Я бы ноги ему мылъ и воду бы ту утромъ съ благоговѣніемъ пилъ!

Г у б. И супругу вашу, даму тоже весьма просвѣщенную, заставили бы пить?

П о м ѣ щ и к ъ. И супруга, и дѣти, и бабки, и дѣдки, и тетки, и племянницы, — всѣ пили бы...

Г у б? По утрамъ? Съ благоговѣніемъ?

(Собраніе смѣется).

1-й. Позвольте, господа! Монархія, конечно, хо-

рошая вещь, но дѣло въ томъ, что въ Россіи монархистовъ нѣтъ...

Помѣщикъ. Какъ это нѣтъ?

1-й. А очень просто. Не съ такимъ наскокомъ. Я сейчасъ поясню свою мысль. Скажите вотъ этому предыдущему оратору: хорошо, молъ, будетъ въ Россіи царь, — только восьми тысячъ десятинъ ты, какъ ушей своихъ, больше не увидишь. Актеры Малаго Театра пусть при тебѣ остаются, пусть обѣдаютъ съ тобой, а на счетъ восьми тысячъ ужъ извини! Крестъ поставь... Такъ онъ этого царя безъ передышки подъ печку загонитъ. А скажи ему... Нѣтъ, нѣтъ прошу не перебивать. А скажи ему: «Михалъ Михалчъ, или тамъ Семенъ Семенычъ! вотъ, молъ, республика, вотъ тебѣ президентъ и вотъ тебѣ весь твой черноземъ въ аккуратѣ, — такъ онъ на все Черное море «отречемся отъ стараго міра» пѣть будетъ.

Помѣщикъ. Ну, ужъ, извините. Не запою.

1-й. Запоешь, дядя.

Помѣщикъ. Пѣли, будя.

Губ. Голосишки попростудили?

Помѣщикъ. Попростудили.

Прокуроръ *(изъ за буфета)*. Господа! Кофе вскипѣлъ. Кто желаетъ. Черный — юсъ пара, съ молокомъ четыре піастра.

(Кое-кто идетъ за кофе).

3-й *(ярославецъ)*.. А я, господа, думаю, что все, что сейчасъ въ Россіи случилось, — все ей на превеликую пользу пойдетъ. Правильно все случилось, по заслугамъ! Купцовъ выгнали? Правильно! Самъ купцовалъ! Кто на войнѣ государство въ тылу разграблялъ? Нашъ братъ, купецъ. Кто милліоны въ это время въ дивиденды получалъ? Нашъ братъ, купецъ. И въ Харьковѣ, и въ Москвѣ, и въ Ростовѣ, — все одна сатана сидѣла. Было у нихъ въ сознаніи, что сейчасъ , во время войны, съ государства не брать нужно, а давать ему нужно? Ну вотъ и пожалуйте, провѣтритесь по Европамъ, умойтесь водами заграничными...

Голоса: — Правильно!

3-й. Дворянъ выгнали? Васъ губернаторовъ да камеръ-юнкеровъ? Свѣжихъ людей къ себѣ не пускали, въ кругъ замкнулись, стѣнкой обнеслись... Развѣ въ Россіи можно было безъ протекціи тетушки или безъ хвоста бабушки получить мѣсто или на службу попасть? Ну-ка вотъ пусть губернаторъ по совѣсти, положа руку на сердце, отвѣтитъ намъ на этотъ вопросъ?

Губ. И руку класть на сердце нечего: такъ скажу. Въ провинцію куда-нибудь, поглуше, въ акцизное управленіе, скажемъ, на винный складъ, въ контрольную палату до младшаго ревизора,— туда-сюда еще, можно было. А вотъ насчетъ столицы, на счетъ Петербурга или Москвы, — человѣку безъ протекціи махни рукой и драла.

К-Ю. Долженъ сознаться, что въ Правительствующемъ Сенатѣ дѣйствительно, нельзя было особенно усердно предаваться работѣ: могли подумать, что у васъ нѣтъ протекціи.

Губ. Ну вотъ видите.

К-Ю. А протекція есть протекція. Вотъ я, напримѣръ. Написалъ одному человѣку въ Константинополь, — и мѣсто получаю въ Красномъ Крестѣ. 80 лиръ жалованья, командировочныя, то да се. Можно пойти и по человѣчсеки поужинать, а не одинъ этотъ поклятый корнъбифъ жрать.

3-й. Во, во, во — оно самое. А крѣпостное право? А по французски разговаривали? Вы думаете, этотъ французскій языкъ дешево Россіи обошелся? Хо-хо-хо! А пренебреженіе ко всему русскому? А кислыя воды? И только теперь, когда васъ изъ имѣній мужики повыгоняли, — теперь патріотами стали?

Голоса. Правильно!

3-й. Поповъ выгнали? Тоже правильно. За мірскимъ слишкомъ гонялись, за орденами, да за звѣздами, да за лентами разноцвѣтными, — особенно архіереи, Христа замѣстители. Подхалимства много было. Нужно было мученичествомъ очиститься, чтобы опять Христа достойнымъ

быть. Интеллигенцію выгнали? Правильно! Всегда болтала о томъ, чего не знала, да отъ воинской повинности въ земскіе союзы укрывалась. Поставили на вывѣскѣ буквы: В. З. С. — а народъ читалъ; всѣ здѣсь скрываются.

2-й. Ай, купеза! Хорошо говоритъ!

3-й. Вотъ вамъ и купеза. Взволновался, ажъ въ потъ ударило.

К-Ю. Хорошо, хорошо, купецъ, говорите. Теперь въ отношеніи революціи такой въ Россіи иммунитетъ привили, что лѣтъ двѣсти заикнуться нельзя будетъ.

Помѣщикъ. Съ кашей, съ кашей слопаемъ!.. Вы говорите лѣтъ двѣсти? Тысячу считайте! Легкимъ счетомъ считаете!

К-Ю. Мнѣ вашъ пылъ нравится. (*Декламируетъ*). «За царя готовъ, за вѣру онъ съ охотой умеретъ и не слѣдуетъ манеру брать пардону, видя смерть». Такъ когда-то пѣли солдаты на красносельскихъ манерахъ. Я съ вами не согласенъ. Въ двѣсти лѣтъ я вѣрю, въ тысячу лѣтъ я не вѣрю. Почему? Я вамъ сейчасъ скажу. Въ консэ консовъ, мы, русскіе, если доискаться причины всѣхъ причинъ — конечно же дураки. Глупость — наша основная, національная черта. Вѣдь, въ сущности, все, что сейчасъ въ Россіи присходитъ. конечно же — это въ консэ консовъ трагедія глупыхъ людей. Если бы я обладалъ талантами Достоевскаго или Тургенева, я бы написалъ романъ или пьесу и такъ бы ее и озаглавилъ: «Трагедія глупыхъ людей».

2-й. Но позвольте...

К-Ю. Вѣрно, вѣрно. Насчетъ этого вы ужъ и не утруждайтесь спорить. Недаромъ нашъ національный герой — Иванъ Дуракъ. Въ консэ консовъ противъ народнаго творчества спорить и прекословить нельзя.

Губ. А царь, царь, Боже ты мой! Вотъ этотъ помѣщикъ, — разрѣшаете васъ назвать осломъ?

Пом. Ради Бога. Я эпитимію на себя наложилъ. Пусть оскорбляютъ, пусть заушаютъ, — смиреніе, сми-

реніе и смиреніе. Одно смиреніе! Но ужъ прійдутъ времеена.

Губ. (*перебивая*). «Прійдутъ времена!»... Сказалъ онъ, сверкнувъ очами... Я хочу сказать вотъ что. Вотъ этотъ оселъ о царѣ разговаривалъ. Да знаетъ-ли онъ, что такое царь? Хотите я вамъ разскажу, — я, старый губернаторъ, теперь завѣдующій вашей несчастной нищенской кухней, самъ тоскающій мѣшки на плечахъ, пересчитывающій каждую картошку, каждую луковицу...

К-Ю. И мореплаватель и плотникъ...

Губ. (*отмахивается рукой*). Мой архіерей такой случай разсказывалъ. У него, въ епархіи, былъ попъ, еще молодой, лѣтъ 32-хъ. Пьяница, развратникъ и киникъ. Попадью свою, года черезъ три послѣ свадьбы, на тотъ свѣтъ загналъ. Рыжій, противный, потный, волосы жирные, слипшіеся, какъ мочала. И какъ только человѣка въ попы посвятили, — придумать не могу. Ну ладно. Что же вы думаете этотъ попъ однажды выкинулъ? Надрался пьянымъ, вышелъ на дворъ, сѣлъ верхомъ на свинью и поѣхалъ по селу, какъ клоунъ Дуровъ. Народъ руками развелъ. Донесли архіерею. А архіерей у меня строгій былъ, службистъ, любилъ малиновое варенье и рѣдко, раза два въ годъ, но ужъ за то мѣтко, по семинарски, урѣзывалъ муху. Слабости человѣческія понималъ. Вызываетъ архіерей этого попа въ городъ и за загривокъ. «Какъ же ты, такой сякой, немазанный сухой, верхомъ на свиньѣ по селу катаешься, народъ въ сомнѣніье вводишь, санъ свой поносишь, раскольникамъ и сектантамъ всякимъ пищу къ насмѣшкѣ подаешь» и прочее, и прочее, — все, какъ у нихъ тамъ полагается. «Ты же, говоритъ, попъ, ты же, строитель тайнъ Божіихъ». «Что же ты, говоритъ, окаянный, на это мнѣ отвѣтишь?» Попъ упалъ на колѣни и говоритъ: «Вотъ что, говоритъ, вамъ отвѣтить могу, Ваше Преосвященство, Архипастырь милостивый. То, что, говоритъ, я и мотъ, и развратникъ, и пьяница, и киникъ, — все это правда. Не отрицаю онаго. Но, говоритъ, что касается строительства тайнъ Божіихъ, то когда, говоритъ,

я надѣваю святую ризу, когда я становлюсь на горнее мѣсто, предъ престоломъ Божіимъ — тогда я и не мотъ, и не пьяница, и не киникъ. Тогда я —чистъ. Тогда все житейское, все мутное, все грязное, — спадаетъ съ меня, какъ шелуха. Тогда на мнѣ какъ на святыхъ апостолахъ, благодать въ видѣ огненныхъ языковъ горитъ; тогда ничто мнѣ не препятствуетъ: я чистый и безгрѣшный строитель тайнъ Божіихъ». Вотъ что отвѣтилъ архіерею попъ.

3 - й. Ну и что же съ нимъ архіерей сдѣлалъ?

Г у б. Обычно, что въ этихъ случаяхъ архіереи дѣлали... Въ монастырь, на псаломщицкое мѣсто. Это у нихъ называется: воду толочь.

2 - й. Ваше превосходительство! А къ чему вы, собственно, про попа разсказали? Вы, какъ будто про царя хотѣли.

Г у б. Именно. Я царемъ началъ, царемъ и кончу. Такъ и царь , господа. Мржетъ быть , въ общежитіи онъ человѣкъ обыкновенный и простой, и не рѣчистъ, и звѣздъ съ небесъ не хватаетъ, но когда онъ садится къ работѣ своей, — тогда онъ слуга Божій, тогда онъ творитъ волю Божію и горе тому народу, который прикоснется къ помазаннику Его... И вотъ вамъ примѣръ: наша страна.

4 - й. (*ехидно*). А вы отъ Писанія не можете?

Г у б. Отъ Писанія не могу: у насъ тутъ не старовѣрческій споръ. Вообще вы не ехидничайте, молодой человѣкъ.

4 - й. Вообще, ваше превосходительство, эти разговоры о царяхъ и архіереяхъ нужно бы въ пользу бѣдныхъ.

Г у б. Разговорцы всякіе-съ нужны теперь, молодой человѣкъ! (*Сердито уходитъ*)

5 - й. Не имѣлъ успѣха нашъ губернаторъ.

6 - й. Царя онъ верхомъ на свинью усадилъ, а мы «славься, славься» пой... Тоже дѣльце!..

4 - й. Сладко пѣлъ душа соловушка...

6 - й. Оно, господа, если руку на сердце положить,

то большевики, конечно, мразь, — но они и много правильнаго сотворили... Много!

4 - й. Господа! Тутъ аллегорія: свинья это — бюрократія.

(Внезапная пауза. Всѣ смотрятъ на 6-го).

Васильевъ. А кто это про большевиковъ говоритъ? Вы, милый? Отвѣтить можете... Большевики — разбойники.

6 - й. Можетъ и разбойники. Но и правильность въ нихъ есть. Не нравится тебѣ мое слово, — тащи меня подъ допросъ. Предавай! Пострадать могу, а не отрекусь.

2 - й. Ну и публика собралась! Какъ посмотрѣть да посравнить...

3 - й. Море великое и пространное, въ немъ же гади, имъ же нѣсть числа. (*Покрываетъ начинающійся шумъ 7-й. Нервно вскакиваетъ на стулъ и жестами успокаиваетъ собраніе*).

7 - й. Тссъ, господа, тсс!.. (*Собраніе стихаетъ*). Вся бѣда, господа, не въ томъ, что кого-то тамъ выгнали, и кого-то не выгнали, будетъ ли царь или исполнительный комитетъ, — вся будущая бѣда въ томъ, господа, состоитъ, что мы слишкомъ много знаемъ теперь. Всѣ доктора Фаусты прошлаго столѣтія и homo sapiens'ы — недоросли въ сравненіи съ теперешнимъ прапорщикомъ армейскимъ. Мудрѣйшіе отцы наши и дѣды, Гиллели и Сократы, одной милліонной не знали о человѣкѣ того, что знаетъ теперь мальчишка. Вотъ когда человѣчество воистину, по настоящему, съѣло плодъ съ древа познанія и добра и зла и вотъ теперь по настоящему, воистину, Богъ выгналъ его изъ рая. Не нужно было бы такъ много знать, господа...

4 - й. Скоро состаритесь...

7 - й. Это вѣрнѣе чѣмъ вы думаете. Лишь только теперь мы увидѣли свою наготу. Вы смотрите, вы подумайте: только теперь узнавъ: и цѣну чести, и цѣну крови, и цѣну стыда, и цѣну боли, и цѣну уваженія человѣческаго

достоинства, — все узнавъ! — мы впервые почувствовали свою наготу...

4 - й. Гдѣ же виноградные листья?

7 - й. Вотъ, вотъ, вотъ. Именно къ этому вопросу и я веду: гдѣ же, гдѣ, господа, виноградные листья? Боже мой! Какъ я благословляю тѣхъ монаховъ, которые сожгли Коперника. Ну на черта намъ знать о вращеніи земли?

2 - й. Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!

7 - й. Не то, не то, господа... Я не то....

2 - й. Мы про Ѳому, а онъ про Ерему. Здраствуйте! Вамъ, батюшка, къ доктору надо...

Кто-то *(густѣйшимъ басомъ)*. Англійскіе врачи ничего въ медицинѣ не понимаютъ.

7 - й. Меня не такъ поняли. Я потомъ разовью свою мысль логичнѣе. А теперь – собраніе, не шумите! Собраніе, я хочу прочесть вамъ отрывокъ о русской землѣ. Вы только послушайте. (*Постепенно смолкаетъ шумъ*). Раскройте сердца ваши. Я — инокъ, изъ Кіево-Печерской Лавры. Знаю лѣтописи и вотъ — о Русской Землѣ. О свѣтло-пресвѣтлая и красно-прекрасная земля русская! И великими красотами ты обогащена: озерами многими...

Кое-кто. (*невольно тихо повторяетъ, какъ эхо)* — Озерами многими...

7 - й. Рѣками и колодезами досточестными, горами крутыми...

Эхо: — Горами крутыми.

7 - й. (*воодушевляясь все болѣе и болѣе)*. Холмами высокими, дубравами чистыми...

Эхо: — Дубравами густыми!

7 - й. (*восторженно*). Полями дивными!

Эхо: (*такъ же восторженно)*. Полями дивными!

7 - й. Звѣрьми разными, птицами безчисленными, чертогами монастырскими, — всего ты исполнена!

Эхо: Всего ты исполнена!

7 - й. Земля русская!

Эхо: Земля русская!

7 - й. (*тихо*). Аминь.
Э х о: *(еще тише)*. Аминь.

Замолчали всѣ.
Вдали звонитъ обѣденный колоколъ.

Всѣ, словно отъ навожденія, очнулись и, какъ мыши, зашуршали: «обѣдъ, обѣдъ». Торопливо, другъ за другомъ, уходятъ изъ палатки. Остаются двое: прокуроръ, убирающій что то на буфетъ, и его помощникъ. Большая пауза.

П о м. Да, хорошею въ свое время была Земля Россійская! Вы, вотъ, ваше превосходительство, прокуроромъ были, а я — помощникомъ пристава. Вы и не знали, поди меня, а я сколько разъ на судѣ свидѣтелемъ бывалъ... Сколько разъ рѣчи ваши знаменитыя на трибунѣ выслушивалъ... Іоаннъ Дамаскинъ-съ! Плевако! Цицеронъ! Вотъ то-то оно и есть. Меня дуракомъ ваше превосходительство считали, а я хоть и дуракъ, но съ понятіемъ. А теперь — мы равны. Что вы, что я, — все едино.

П р о к. (*продолжая работу, мрачно и разсѣянно*). Да. Все едино.

П о м. Во всю свою жизнь я единый стишокъ сочинилъ: «Жизнь наша, — что это? Прыжокъ невольный изъ балета».Изъ редакціи, въ почтовомъ ящикѣ, мнѣ отвѣтили:«Невѣроятно». Невѣроятно? Но фактъ. (*Пауза*). Боже мой! Какъ я васъ боялся, ваше превосходительство! Какъ я трепеталъ, — бывало думаешь: пронеси, Господи, мимо этого человѣка здравымъ и невредимымъ. Попадешь на зубы, — смелетъ онъ тебя, какъ капусту, какъ пожарскую котлету, а теперь присматриваюсь и думаю: ну что въ нихъ страшнаго? Голова — какъ голова, глаза зеленые, губы тонкія... Все такое доступное. Да. (*Таинственно*). А теперь вы водочкой подторговываете, ваше превосходительство. А сколько бы за это, по питейному уставу, за безпатентную да за безакцизную торговлю вамъ отвѣтствовать пришлось бы въ свое время?

П р о к. Слушайте. Довольно вамъ изливаться. Знаю куда вы клоните.

Пом. Время такое, адмиральскій часъ. Ну и человѣкъ вы.. Кто чѣмъ дышитъ, — видите.

Прокуроръ. (*Достаетъ бутылку, наливаетъ, пьютъ*) Хорошо это, для сбивчивости.

Пом. Хорошо, ваше превосходительство, хорошо.

Прокуроръ. По единой не закусываютъ?

Пом. Такъ точно, ваше превосходительство.

(*Пьютъ, помощникъ закусываетъ*).

Пом. А чѣмъ же вы закусываете, ваше превосходительство?

Прокуроръ. Языкомъ.

Пом. О-о! Это марка. Я, извините, до этого еще не дошелъ.

Прокуроръ. (*пьетъ одинъ, хмѣлѣя*). Еще молода, въ Саксоніи не была.

Пом. Такъ точно... Не была...

Прокуроръ. Ну, а взятки брала?

Пом. Брала, ваше превосходительство, брала. Какъ на духу, признаюсь. Будь свидѣтели, – не признался бы, а вотъ такъ, на духу, — безъ колебаній. Ваше превосходительство! Не въ томъ бѣда, что человѣкъ по немощи духа своего взятку взялъ, — кто ихъ не беретъ. Цицероны, Гомеры, Катилины, Агрипины, Гладстоны и Бурбоны,—всѣ брали. Не въ томъ дѣло. А нужно взятку съ умомъ, съ патріотизмомъ брать. Чтобы вреда отъ нея, отъ взятки, государству не было. Вотъ это важно. Что такое взятка, ваше превосходительство? Вотъ стоитъ коробка сардинъ. Вы берете одну сардинку и снова, и снова, цѣленькую и невредимую, кладете ее на мѣсто. Что случилось? Ничего не случилось. А масло на пальчикахъ, ваше превосходительство, осталось. Дуракъ? Но съ понятіемъ.

Прокуроръ. (*Наливаетъ себѣ*). Богъ любитъ троицу. (*Пьетъ*).

Пом. (*Протягивая свой стаканъ*). Я тоже люблю троицу, ваше превосходительство.

Прок. Еще молода. Въ Саксоніи не была. Мѣру знать надо. Гитару иди неси...

П о м. Что жъ тамъ гитару, когда настроенія нѣтъ? *(Пауза)*.

П о м. Чего я еще, грѣшникъ, любилъ, такъ это бывало Крещеніе, 6 января. Небо синее, морозъ градусовъ 18, народъ одѣтъ тепло, хорошо, мужичье въ валенкахъ, а ты въ лаковыхъ сапожкахъ — идешь по снѣгу, а онъ скрипъ, скрипъ, — аккомпаниментъ! Архіерей весь золотой и тоже озябъ, носъ сизый, губернаторъ воротникъ поднялъ, а губернаторскія дочки, ручки въ муфточкахъ, фигли-мигли, хоръ на всю рѣку поетъ «во Іорданѣ», а тутъ какъ выпустятъ голубей, это Духа-то Святого, паръ сто, какъ взлетятъ они въ небеса далекія, какъ взовьются, — тутъ тебѣ и кіюки, тутъ тебѣ и вертуны, тутъ тебѣ и біэ, — бѣлые съ крапинами, кофейные, сѣробуромалиновые, а тутъ какъ войска ахнутъ залпъ да одинъ, да другой, да третій! Ухъ! Хорошо. И вотъ назябнувшись, надрожавшись то въ лаковыхъ сапожкахъ, — всей гурьбой нарядъ полицейскій къ Финогенычу, на нижній базаръ... Трактиръ такой былъ: «Русское хлѣбосольство»: — Видишь, Финогенычъ, полиція пришла? Вижу, батюшка, вижу. Радъ. — Радъ, а самъ въ душѣ къ чертямъ посылаетъ. — Полиція озябшая пришла, Финогенычъ. — Морозецъ, батюшка, морозецъ, вижу. — Понятіе имѣешь, что душа въ согрѣваніи нуждается? — Имѣю, батюшка, имѣю. — Что такое поздняя торговля, алагеръ на бильярдѣ и шмэнъ де фэръ въ номерахъ, — объ этомъ соотствѣтствуешь? — Соотвѣтствую, батюшка. — А разъ такъ, стараніе въ ногахъ имѣй, пулей лети!

П р о к у р о р ъ. *(Наливаетъ)*. А четвертая—Богородину.

П о м. Я еще и троицы не видѣлъ, ваше превосходительство.

П р о к. Ну ужъ на, не скули.

П о м. Что жъ? Половинку только? Разсердился. На гитарѣ вамъ играй, васъ увеселяй, а иждивенія никакого.

П р о к. Ну ужъ на. Не скули.

Пом. Это другое дѣло. *(Пьетъ)*. Теперь я вотъ лучкомъ закусываю, а тогда, бывало, накроетъ тебѣ Финогенычъ! Боже ты мой! Икра ачуевская, семга двинская, сельди керченскія, селянка московская, маслины іерусалимскія. кильки ревельскія, сиги копченые, ладожскіе. А выпивонъ? Шехеразада?! Гарунъ-аль-Рашидъ! И какія только комбинаціи человѣческій умъ научился изъ виноградного со-ка составлять? Академія-съ! Одного я себѣ не прощу.

Прок. *(пьетъ)*. Чего же именно?

Пом. Въ сигарахъ толку никогда понять не могъ. Двѣ затяжки и ужъ того, голова не свѣжая и непріятность. Мнѣ говорятъ: Бокъ, — а мнѣ хоть бы что. Упманъ — а мнѣ — начихать. Мнѣ «Трезвонъ» давай, выше среднія и вата анти-никотинъ. Просто? За то на всю жизнь отъ чахотки застрахованъ былъ.

Прок. *(хмѣльной)*. Да, земля Россійская, земля Россійская. Что то тамъ ты теперь подѣлываешь, земля Россійская? *(Пауза. Вдругъ многозначительно запѣлъ, поднимая палецъ вверхъ)*. «Ошибаться можетъ даже крокодилъ»...

Пом. *(въ тонъ ему, теноркомъ, смотритъ ему въ глаза)*. Ошибаться можетъ даже прокуроръ...

Прок. Ошибаться можетъ...

Стукъ въ дверь.

Голосъ извнѣ: Разрѣшите войти...

Прокуроръ. Это еще что за птица? *(Убралъ водку)*. Разрѣшаемъ.

Пом. *(отодвинулъ стаканъ въ сторону, на церков-»-ный мотивъ)* — Разрѣшаемъ!

Входитъ человѣкъ въ защитной шинели, щелкаетъ каблуками.

Человѣкъ. Здравія желаю!

Пом. Здравеньки булы! Развѣ обѣдъ уже кончился?

Человѣкъ. Виноватъ, я не здѣшній. Я только что съ поѣзда.

Прокуроръ. Откуда ты, прелестное дитя?

Пом. Ревизоръ? Вамъ въ гостиницѣ притѣсненіе чинятъ? По высочайшему повелѣнію?

Человѣкъ. Шутить изволите. У меня есть дѣло. И срочное , ибо *(смотритъ на часы)* до обратнаго поѣзда сорокъ минутъ осталось.

Пом. Излагайте вашу просьбу. Засѣданіе открывается.

Чел. Не знаете-ли вы проживающую въ этомъ лагерѣ Нину Александровну Эргардтъ?

Пом. Нину Александровну Эргардтъ? Знаю проживающую въ этомъ лагерѣ Нину Александровну Эргардтъ.

Прокуроръ. Слушайте, вы, какъ васъ тамъ? Человѣкъ сколько верстъ, можетъ-быть, ѣхалъ, а вы ломаетесь, какъ свинья на веревкѣ.

Пом. *(сразу измѣнивъ тонъ)*. Вамъ ее повидать нужно?

Человѣкъ. Точно такъ.

Пом. Третій баракъ, десятая кабинка.

Человѣкъ. Было бы лучше, если бы ее сюда можно было вызвать.

Пом. Пожалуйста , сдѣлайте ваше одолженіе. Какъ прикажете о васъ доложить?

Чел. Просто прошу васъ сказать: пріѣхалъ человѣкъ, привезъ вамъ срочное письмо.

Пом. Пріѣхалъ человѣкъ , привезъ вамъ срочное письмо.

Чел. Точно такъ.

Пом. Примите увѣреніе ва моемъ истинномъ къ вамъ почтеніи. Лечу.

(Уходитъ.)

Прокуроръ. *(ему вслѣдъ)*. Паяцъ, хамъ и воръ.

Чел. *(осторожно кашляетъ въ кулакъ.)*

Прокуроръ. *(пьяно)*. Всѣ спорятъ , всѣ галдятъ. А если спросить: а въ самомъ дѣлѣ, что же такое

патріотизмъ? Ну? Что такое патріотизмъ? Васъ я спрашиваю или нѣтъ? Вы вѣдь, русскій человѣкъ?

Человѣкъ. Такъ точно, русскій.

Прокуроръ. Ну такъ мучаютъ же васъ «проклятые» вопросы?

Человѣкъ. *(осторожно кашляетъ въ кулакъ, улыбается)*.

Прокуроръ. *(грузно поднимается съ мѣста, пьяными шагами направляется къ нему)*. Позвольте представиться...

Человѣкъ. *(щелкаетъ каблуками)*. Капитанъ Ломшаковъ.

Прокуроръ. *(долго жметъ ему руку; пауза)*. Донъ Кихотъ. Ламанчскій. Рыцарь печальнаго образа. *(Пауза)*. Что вы, многоуважаемый, вытаращились на меня, какъ баранъ на аптеку? ? Это — я. Это — мой литературный псевдонимъ. Ну? Это васъ удовлетворяетъ? Что вамъ сказать еще? Мнѣ пятьдесятъ три года. Глаза зеленые, губы тонкія. *(Въ сторону ушедшаго помощника)*. Наблюдательный прохвостъ! Бросилъ свое рыцарство, освобожденіе Гроба Господня, — и вотъ теперь здѣсь. У рыцаря должна быть прекрасная дама, — гдѣ же она? Гдѣ? Къ ней простираю руки свои, одинокій, заброшенный, злой старикъ. *(Пауза)*. А-а, вотъ то-то и оно-то... *(Таинственно)*. «Чѣмъ больше женщину мы любимъ, тѣмъ меньше нравимся мы ей». Глаза зеленые означаютъ: талантъ, умъ, безсердечіе и трусость. Такъ во всѣхъ календаряхъ написано.

Чел. Всѣ врутъ календари...

Прокуроръ. Нѣтъ, не всѣ врутъ календари, не всѣ... А патріотизмъ, батюшка мой, это — то, что человѣкъ не тутъ *(показываетъ на лобъ)*, а вотъ тутъ всегда имѣетъ *(показываетъ на сердце)*. Патріотизмъ, батюшка, это — та медаль, съ которою купецъ даже въ баню ходилъ. *Садится на прежнее мѣсто, за стойку)*.

Пауза.

Возращается помощникъ, съ гитарой.

Пом. Сейчасъ Нина Александровна прійдетъ. Въ баракѣ такой чадъ отъ мангалокъ, что двухъ минутъ высидѣть нельзя. (*Настраиваетъ гитару*).

Прокуроръ. Вальсъ, вальсъ сыграй, нѣжный, тихій... Какъ лѣтнее утро...

Пом. Сыграю вашъ любимый: «Задумчивость Вольтера».

(*Играетъ, а самъ слѣдитъ за прокуроромъ. Пауза.*).

Прокуроръ. Былъ тихій вальсъ, былъ вальсъ старинный, — и много встрѣчъ, и много лицъ, и близость чьихъ-то длинныхъ, длинныхъ , красиво загнутыхъ рѣсницъ.(*Засыпаетъ*).

Пом. (*все время иронически улыбается*). Эхъ ты, ляля! «Красиво загнутыхъ рѣсницъ». Скапустился. Только такъ, музыкой, и усыпить можно. (*Идетъ за стойку, достаетъ бутылку, неспѣша изъ горлышка пьетъ.*) Вотъ утроба. Одинъ цѣлую бутылку выжралъ.

Человѣкъ. Скажите, пожалуйста, онъ писателемъ былъ?

Пом. Хо-хо, писателемъ... Прокуроромъ былъ. Уже на судебную палату нацѣливался. А тутъ на поди: земля треснула, чортъ выскочилъ (*допилъ изъ горлышка водку, спряталъ бутылку, подходитъ къ человѣку, вздыхаетъ*). И гдѣ ты, гдѣ ты, слава человѣческая? Одинъ поэтъ сказалъ: «Жизнь наша, — что это? Прыжокъ невольный изъ балета». (*Пауза*). Правда хорошіе стишки?

Человѣкъ. Ничего себѣ.

Пом. Главное мѣткость. Словамъ тѣсно, а мыслямъ просторно. Очень талантливый поэтъ былъ. Я его зналъ. Изъ духовнаго сословія. Родился въ 89, скончался въ 911-мъ. На дуэли былъ убитъ ревнивымъ мужемъ. (*Опять беретъ гитару. Указываетъ на спящаго прокурора*). Тяжелый человѣкъ. Вы представить себѣ не можете. Замучился я съ нимъ. Прійдетъ ночью пьяный , часа въ два, разбудитъ и требуетъ: «Играй лезгинку, танцовать хочу». Что же вы думаете? Сплю, еле на кровати

сижу, глазъ открыть не могу, а играю... А онъ, жеребецъ, танцуетъ.

(Играетъ съ озлобленіемъ.)

Входитъ Нина Александровна. На плечахъ шаль.

Пом. *(обрывая музыку)*. Ну , вотъ. Тѣ же и Нина Александровна . Вотъ онѣ васъ ждутъ, Нина Александровна. Музыкантъ съ гитарой исчезаетъ, а это дѣйствующее лицо *(показываетъ на прокурора)* обезврежено и разговору вашему не помѣшаетъ.

Нина Алек. Заснулъ?

Пом. *(указывая на гитару)*. Усыпилъ-съ (Уходитъ).

Нина Алек. Вы ко мнѣ?

Человѣкъ. Точно такъ. Позвольте представиться: капитанъ Ломшаковъ.

Нина Алек. Очень рада. Отчего же вы не зашли ко мнѣ въ баракъ?

Человѣкъ. Видите-ли, прямо съ вокзала я попалъ сюда. Да и задержался. Я вамъ письмецо передать долженъ. *(Лѣзетъ въ карманъ.)*

Нина Алек. Письмецо? Отъ кого? Откуда?

Человѣкъ. А вотъ пожалуйте.

(Подаетъ письмо)

Нина Ал. *(взглянувъ на конвертъ)*. Боже мой!

(Разрываетъ конвертъ, быстро читаетъ. Взволнована.).

Порокуроръ. *(что то бормочетъ во снѣ)*.

Нина Ал. *(Очень взволнованна. Кончила письмо и снова вложила его въ конвертъ)*. Видите-ли. Онъ требуетъ отвѣта , а я отвѣта писать не буду. Прошу васъ такъ, на словахъ передать: «Никогда . Ни за что».

Человѣкъ. Слушаю-съ.

Нина Ал. Только два слова. *(Задумалась)*. *И* добавьте еще. Она сказала: былое было и быльемъ поросло. Это васъ не затруднитъ?

Человѣкъ. Никакъ нѣтъ. Не затруднитъ.

Нина Ал. Не забудете? Передадите?

Человѣкъ. *(щелкая каблуками)* Точно такъ. Не забуду. Передамъ. Честь имѣю кланяться.

Нина Ал. Я не предложила вамъ даже чаю.

Человѣкъ. Покорнѣйше благодарю. Черезъ двадцать минутъ есть обратный поѣздъ. Мнѣ нужно спѣшить

(Щелкаетъ каблуками. Цѣлуетъ ручку ей. Уходитъ.)

Нина Ал. *(еще разъ читаетъ письмо. Зиакрыла глаза. Задумалась).*

Прокуроръ *(что-то бормочетъ)*

Нина Ал. Вотъ неожиданность... Господи Боже мой...

(Сидитъ въ уголку, незамѣтная).

Входятъ два калмыка. Будятъ прокурора.

Калмыкъ. Ээ, знакомъ! Вставай, пожалуйста... Малмалъ водка давай.

Прокуроръ. *(сквозь сонъ)* Отстань!

Калмыкъ: Вставай, говорю. Малъ-мало водка нужно.

Прокуроръ. Оселъ! Сенаторское разъясненіе по дѣлу Скитскихъ за № 10800, а не водка. Дѣло будетъ заслушано Правительствующимъ Сенатомъ вѣроятно не раньше осени. У меня сегодня — большой день: столъ для печати — переполненъ . Изъ Москвы на меня вызваны Плевако и Маклаковъ.

Калмыкъ *(смѣется)* Ай, ай знакомъ! Не хорошо знакомъ! Самъ пилъ, другому — не пилъ. Нехорошо знакомъ! *(Тормошитъ прокурора).*

Прокуроръ. *(продираетъ глаза удивленно смотритъ на калмыковъ).*

Калмыкъ. Водка давай.

Прокуроръ А деньги гдѣ?

Калмыкъ. Вотъ деньги. Крѣпкій водка давай.

П р о к у р о р ъ. *(прячетъ деньги въ кошелекъ, лѣзетъ подъ стойку, достаетъ бутылку, наливаетъ)*

К а л м ы к ъ. Слышь, знакомъ. Бутылка твой пустой...

П р о к у р о р ъ. *(смущенно)* Какъ пустой? *(смотритъ бутылку на свѣтъ)*.

К а л м ы к ъ. Пустой.

П р о к у р о р ъ. Торговали... Чертъ бы тебѣ...

(Садится въ прежнюю позу!, засыпаетъ)

К а л м ы к ъ. Знакомъ! Водка нѣтъ, — деньги назадъ давай....

(Пауза. Прокуроръ долго думаетъ, потомъ вынимаетъ дениги и сердито выбрасываетъ ихъ.)

П р о к у р о р ъ. На, подавись! Нужны мнѣ твои деньги очень!

Калмыки уходятъ. Прокуроръ, засыпая, что-то бормочетъ. Нина Александровна осторожно, незамѣтно уходитъ изъ палатки.).

III.

Русское Рождество. Въ кабинкѣ Нины Александровны вечеромъ справляютъ праздникъ. Всѣ сидятъ за столомъ. Въ числѣ приглашенныхъ: англичанинъ и шотландецъ. Уже выпито. На мольбертѣ, въ углу, стоитъ еще не оконченный портретъ Нины.

А н г л и ч а н и н ъ. *(подвыпившiй; всталъ и говоритъ съ сильнымъ акцентомъ)* Изъ всѣхъ англичанъ здѣсь знаютъ русскiй языкъ только трое. Мы, всѣ трое, были въ плѣну у нѣмцевъ. Тамъ жили съ русскими и научились вашему языку. И узнали русскихъ. Мы знаемъ характеръ русскихъ. И поэтому я пью сейчасъ. Какъ англичанинъ , я всегда говорю правду въ глаза. Ложь

— далеко. Вы сейчасъ пили мое здоровье. Отвѣчаю. Я пью здоровье русской женщины. Она достойна сравниться съ англійской женщиной. За васъ, джентельмены, не могу. Не могу.

1-й. Ахъ ты шутникъ, ваше благородіе!

Голоса: Удружилъ, нечего сказать.

— Сказанаулъ!

— Рублемъ подарилъ.

— Гип-гип-гип-урра!

(Безтолковщина. Всѣ лѣзутъ къ нему съ бокалами. Кое кто мраченъ.).

Англичанинъ *(дѣлаетъ рукой останавливающій жестъ)* Нѣтъ. правда, А теперь такъ. У насъ, англичанъ, принято, что-бы за столомъ каждый спѣлъ. У кого есть приличный голосъ. Я вамъ сейчасъ спою.

(Поетъ «Изъ за острова на стрежень». Русскіе охотно подхватываютъ припѣвъ).

Крики: — Браво, браво, бисъ, ваше здоровье!

Англичанинъ. Хорошо. На бисъ споетъ шотландецъ.

Голоса: А-а, голоногій! Ну вали! Понимаешь? Пой!

Шотландецъ. *(въ юбкѣ)*. Ви, нѣтъ понимай... Нѣтъ можно...

Голоса: — Вали! Поймемъ! Чего тамъ?

— Люди дошлые!

— Не такихъ какъ ты понимали...

— Да ты балканскаго ему налей.

(Наливаютъ ему большую кружку).

Шотландецъ. *(всталъ, обвелъ кружкой собраніе, выпилъ до дна и остатки выплеснулъ надъ своей головой. Закрылъ глаза. Думаетъ, словно что-то припоминаетъ. Вдругъ улыбнулся и безъ словъ, радостно за-*

пѣлъ мотивъ горной, простонародной шотландской волынки).

1-й. Ухъ, какъ хорошо.

Художникъ. Какая свѣжесть! Правда?

Нина Алек. Правда. Я хочу еще разъ послушать. Запомнить хочется. *(Шотландцу).* Еще разъ. Прошу васъ.

Шотландецъ. Нѣтъ понимай!

1-й. Вина ему! Пойметъ!

Шотландецъ. *(улыбается, ждетъ пока нальютъ Пьетъ. И опять, словно подождавъ вдохновенія, поетъ).*

Голоса:— Вотъ тебѣ и голоногій.

— Молодчина! Съ душой поетъ!

— Con anima.

— Пожалуйста, образованность свою не показывайте.

Художникъ. Алла-Верды къ вамъ!

Голоса: Якши-Оллъ!

Художникъ. Господа! Одну секунду. Я хочу сдѣлать справку изъ прошлаго, такъ сказать.

(Собраніе успокаивается).

Художникъ. Незадолго передъ войной въ Дрезденъ пріѣхалъ нашъ синодальный хоръ. Далъ концертъ. Я былъ на немъ съ однимъ нѣмцемъ. Послѣ концерта мы ужинали и я спросилъ: «Каково же ваше, Августъ Карловичъ, мнѣніе?». А онъ и говоритъ мнѣ: «Ми, нѣмсъ, не боимся ни вашъ пространствъ, ни вашъ болотъ, ни вашъ лѣса, ни вашъ зольдатъ и не ваше императоръ. Мы, нѣмсъ, боимся вашъ четырехголесній пѣніе.

1-й. Да что тамъ нѣмцы? А они англичиане? Да, мы нечесаны, мы безтолковы, насъ, какъ овецъ гоняютъ подъ холодный душъ; мы — потерявшіе Родину, мы — изгои среди людей, за наше здоровье вотъ не хочетъ выпить даже нашъ гость, просвѣщенный мореплаватель, и мы *(обращаясь къ англичанину)* цѣнимъ вашу искрен-

ность, пусть горькую, но искренность, — но когда мы, нищіе, изгои, запѣли въ первый разъ тамъ, на дымной кухнѣ, на спѣвкѣ: «Христосъ рождается, славите», когда наша пѣснь, какъ легкій вѣтерокъ, понеслась среди здѣшнихъ, неуютныхъ горъ, — эти гордые люди, не замѣчающіе насъ, какъ пыль, — эти люди потихоньку, стыдясь своей слабости, останавливались у оконъ и слушали, слушали, и силъ не имѣли отойти.

Англичанинъ. Это — правда. Это мы цѣнили еще тамъ, въ германскихъ лагеряхъ. Я пью за ваше пѣніе и прошу васъ спѣть ваши національныя пѣсни.

Голоса: — За русское искусство, господа!

— За русское искусство, — ур-ра!

(Чокаются, пьютъ).

Нина Алек. Господа! Среди насъ есть представитель русскаго искусства. (*(Указываетъ на художника)*.

Голоса: — Его здоровье!

— Художникъ! Твое здоровье!

— Будь здоровъ, какъ святая вода!

Прокуроръ. *(басисто и пьяно)*. Художникъ — варваръ кистью сонной картину генія чернитъ....

Нина Алек. *(англичанину)*. Нѣкоторыя его картины висятъ въ нашихъ національныхъ галлереяхъ...

Англичанинъ. *(чокаясь съ художникомъ)*. О!-о!

Художникъ. Господа! Я долженъ отвѣчать...

Голоса: — Просимъ!

— Обязательно!

Художникъ. По здѣшнему обычаю я долженъ вторично обратить къ вамъ свое: Алла-Верды!

Голоса: *(дружно и громко)*. Якши-Оллъ!

Художникъ. Да, господа, искусствомъ сильна Россія и здѣсь никакія врата адовы не одолѣютъ ее. Вообще къ намъ, къ русскимъ, отношеніе, господа, всегда было извѣстное. Мы — дикари, у насъ страшный и

свирѣпый людоѣдъ tzar, у насъ развѣсистыя клюквы, у насъ les kosaques russes съ хвостами на головѣ, мы бородатые сѣверные медвѣди, спимъ на льду, ѣдимъ сальныя свѣчи, пьемъ какую-то огненную «vodca» *(улыбаясь)*, которую, по достоинству, оцѣнили только одни англичане...

Англичанинъ. O, yes.

Голоса: — Вкусна, родимая.

Художникъ. Вообще мы — странные люди.

Прокуроръ. *(пьяный)*. Pardon, господа. Я хочу говорить.

1-й. *(помощнику)*. Слушайте! Уберите же его! Онъ все время мѣшаетъ.

Помощникъ. Вы сами попробуйте его убрать. *(Прокурору)*. Отецъ! Уйдемъ! Насъ гонятъ!

Прокуроръ. Кого гонятъ? Насъ гонятъ? Художникъ рисуетъ, писатель пишетъ, а говорить долженъ прокуроръ... Я буду кратокъ: «И по балтическимъ волнамъ за лѣсъ и сало возятъ къ намъ».

Помощникъ. Отецъ! Отецъ! Пойдемъ въ собраніе...

Художникъ. Совершенно вѣрно. И по балтическимъ волнамъ за лѣсъ и сало возятъ къ намъ... Мы лѣсъ и сало. Такъ оно и было. Но, господа, когда приходилъ апрѣль, этотъ милый юноша среди мѣсяцевъ...

Голосъ: — Ближе къ дѣлу!

Художникъ. Когда приходилъ апрѣль, когда солнце поворачивалось къ намъ своей доброй стороной, когда въ Парижѣ зацвѣтала сирень и городъ словно былъ обрызганъ ароматомъ тончайшихъ духовъ, когда въ Люксенбургскомъ саду распускались каштаны, — а вы знаете, какъ они распускаются? Сегодня еще нѣтъ ничего и вдругъ пришла какая-то волшебная ночь, поколдовала, пошептала, дыхнула теплымъ вѣтромъ, — на утро вы просыпаетесь и видите: Господи Боже мой! Сразу выросла зеленая крыша.

Голоса: — Къ дѣлу, къ дѣлу! Ближе къ дѣлу, художникъ!

Прокуроръ: *(котораго осторожно, очень любовно, ласково, уводитъ помощникъ*, — Художникъ — вавварь кистью сонной... Картину генія чернитъ...

Помощникъ. — Ну и чертъ съ нимъ! Пусть чернитъ: какое вамъ дѣло?

Художникъ. — Виноватъ. И вотъ, когда зацвѣтали эти самые каштаны, въ Парижъ пріѣзжали русскіе актеры, русскіе художники, русскіе музыканты, раскидывали свои пестрые балаганы, начинали русское искусство и вотъ тутъ то всѣмъ: всему Парижу, всей Европѣ было не по себѣ. Да, думали они: медвѣди, но откуда же у нихъ то, чего у насъ, не медвѣдей, нѣтъ? Откуда это чудесное вино? Съ какихъ лозъ? На какой землѣ растетъ оно? Какіе люди стараются и думаютъ о немъ? Странные люди, — не правда ли, дорогой англійскій гость? Вотъ они сидятъ передъ вами, хмѣльные, болтливые, смѣшные; услужливо жмутъ вамъ лимономъ на сардинку, которую вы послѣ этого незамѣтно не ѣдите; сварливые, недружелюбные, не сдержанные. Но почти въ каждомъ изъ нихъ сидитъ сѣверный колдунъ; каждый изъ нихъ,самъ не зная,-читалъ такія книги, которыхъ у васъ нѣтъ; каждый изъ нихъ окропленъ такой водою, какой ваши ручьи не знаютъ. И теперь вы просите, чтобы мы спѣли вамъ наши національныя пѣсни? Не споемъ. Знаете? Какъ евреи на рѣкахъ Вавилонскихъ? Они развѣсили на вербахъ замолкшія лютни свои и отвѣчали: «Како воспоимъ пѣснь Господню на землѣ чужой?» Нѣтъ, гордый бриттъ, не желающій выпить за здоровье наше — и это я понимаю — научившійся цѣнить только красоту и прелесть женщинъ нашихъ, — и въ этомъ я благодарно жму руку твою: оцѣнилъ! понялъ! разглядѣлъ! — но пѣть наши національныя пѣсни сейчасъ мы не будемъ. Спасибо тебѣ за твою пѣснь, и тебѣ, шотланцецъ, за твой очаровательный напѣвъ,но мы подождемъ... Правда, полковникъ?

Голосъ: — Чего тамъ полковникъ? Не одинъ полковникъ, — всѣ говоримъ: правда!

Шумъ:— Правда, правда, — чего тамъ? (*Шумъ, чоканье, аплодисменты*).

Пожилой человѣкъ (*сильно захмѣлѣвшiй, плаксиво*). Что можетъ быть лучше Россiи, господа? Сейчасъ — Рождество... Вся она, какъ бѣлой скатертью, покрыта снѣгомъ...

Кто-то (*перебивая*). Ха-ха, покрыта. Уразумѣли? Поняли? Очухались? Наконецъ-то! «Покрыта». Чѣмъ она покрыта! Дуростью вашей покрыта!

Голосъ: Опять мочала начинай сначала...

Кто-то: «Покрыта»... Прежде хуже Россiи ничего на землѣ не было...

Голосъ: Слушайте, замолчите! Ей Богу, разсержусь. Прокурора увели и васъ тоже? Пусть человѣкъ скажетъ. Можетъ быть онъ чреватъ прекрасными словами... Говорите, папаша...

Пожилой человѣкъ: Встанешь рано, еще темно, еще звѣзды, — идешь къ обѣднѣ, а церковь мiромъ, какъ водою налита. За свѣчной ящикъ станешь.. Неужели же никогда, никогда больше...

Голосъ. (*Насмѣшливо -плаксиво*). Рязанской губернiи, Зарайскаго уѣзда.

— Шотландецъ! Пой! Заводи свою волынку!

Шотландецъ. (*упорно закрылъ глаза, схватился за голову, поетъ свой мотивъ*).

Губернаторъ. Этакая штука! Хитро какъ, а? Сколько петель въ твоей пѣснѣ! Вотъ бы перенять!

1-й. Ваше превосходительство! Чтобы перенять такую штуку въ одинъ присѣстъ, нужно абсолютный слухъ имѣть...

Губ. Знаю, милый, знаю. Я — самъ чеолвѣкъ искусства. Когда я игралъ въ пользу инвалидовъ, весь театръ былъ полонъ. Ложи по 55 рублей стоили.

Голосъ: — Ну, ну, ну, ваше превосходительство! Люблю, когда вы про ѳеатръ разсказываете...

Нѣсколько голосовъ дружно кричатъ (видимо это невпервой) въ подражаніе театральнымъ плотникамъ, поднимающимъ занавѣсъ на вызовы:

— Давай, давай, давай, давай... Ситниковъ! Давай!

Голосъ: — Люблю, когда губернаторъ про театръ разсказываетъ.

— Давай, давай, давай, давай... Ситниковъ!

Губернаторъ. Да оставьте вы, черти этакіе! Что вы орете, смѣетесь надъ губернаторомъ? Губернаторъ любилъ искусство, у губернатора всегда актеру пріемъ былъ. Боже мой! Кого только я не знавалъ! Свистуновъ-Пальмскій, Литвиновъ-Рыбкинъ, Кальверъ Александръ Фридриховичъ, Кузнецовъ-Ершовъ, Мурашко-Мурашковскій... Какіе были любовники, комики-резонеры, благородные отцы.

Шумъ: Ну, ну, губернаторъ.

Губ. *(мягко)*. Не фамильярничали бы вы такъ со мной... Какой я вамъ «губернаторъ». Я просто — завѣдующій кухней... А то я разсержусь на васъ и уйду. Вонъ камеръ-юнкеръ ушелъ и я уйду... Мнѣ тоже кое-какое мѣстишко въ Константинополѣ навертывается.

Голоса: Ну, ну, ну, ваше превосходительство... Простите.

— Хоть вы и монархистъ, а мы васъ искренно любимъ...

Губ. Поздно мнѣ въ республиканцы передѣлываться.

Шумъ: — Давай, давай, давай...

Губернаторъ: — Вы мертваго разсмѣшите...

Голоса: — Чару его превосходительству!

— Давай, давай, — Ситниковъ.!..

Губ. Ситниковъ... Кто такой, этотъ Ситниковъ?

2-й. Это у насъ въ театрѣ, въ Пензѣ, плотникъ былъ, состоялъ при занавѣсѣ. Такъ вотъ ему всегда такую команду давали.

Губ. *(удивленно)*. Вы — актеръ?

2-й. Да.

Губ. Страшно радъ. А я и не зналъ... Актеръ... За ваше здоровье, господа!

Шумъ: — Ура-а!

— Губернаторъ пьетъ!

— Le roi boit.

— Давай, давай, давай, давай...

Губ. *(пьетъ и вдругъ, удивленно показываетъ рукой на дверь, какъ будто тамъ стоитъ привидѣніе. А это кто? Это — не нашъ.*

Эргардтъ *(страшно блѣдный).* Да, не вашъ. Простите, что я такъ вламываюсь въ вашу компанію... Незванный гость хуже татарина...

Нина Алек. *(изумленно).* Борисъ!

Эргардтъ. Да, Борисъ.

Нина Алек. Такая неожиданность.

Эргардтъ. Да. Неожиданность. Вы вотъ сейчасъ про театры разговаривали... Такъ вотъ это—какъ въ древнихъ театрахъ. На бочкѣ спускался богъ... Deus ex macchina. Это я. Что же ты все подлежащими говоришь?

Нина Алек. Какъ подлежащими?

Эргардтъ. А такъ.. «Борисъ», «такая неожиданность». Это — все подлежащія. А гдѣ же сказуемыя?

Губерн. *(встаетъ) (переувеличенно вѣжливо)* Pardon! Если я не ошибаюсь: мужъ Нины Александровны?

Эргардтъ. Такъ точно.

Губ. Мы такъ уважаемъ и чтимъ Нину Александровну, что не только мужъ ея, но и самые обыкновенные друзья ея — наши друзья. Поэтому разрѣшите мнѣ представить вамъ здѣсь собравшихся, а затѣмъ, я думаю, начнутся и сказуемыя...

Эргардтъ. *(обходитъ столъ, — всѣмъ жметъ руки. Послѣ всѣхъ подходитъ къ женѣ).* Ну-съ? Здравствуйте, Нина Александровна?

Нина Алек. Здравствуйте. *(Онъ цѣлуетъ ей руку).*

Г у б е р н. А теперь пожалуйте вотъ сюда, ко мнѣ, на почетное мѣсто. Какъ Амфитріонъ...

Э р г а р д т ъ. Я бы очень просилъ безъ почетнаго мѣста.

Г у б. Нѣтъ ужъ пожалуйста... *(Старается усадить его подальше отъ Нины Александровны)*. Мы такъ уважаемъ нашу Нину Александровну,— что и сережку изъ ушка... Чѣмъ разрѣшите васъ привѣтствовать?

Э р г а р д т ъ. Ради Бога, не безпокойтесь.

Г у б. Къ сожалѣнію, вы прибыли съ нѣкоторымъ опозданіемъ... Все интересное уже исчезло... Какъ это говорится: Облетѣли цвѣты, догорѣли огни... Ну пожалуйста, хоть вотъ этого! Господа! Просилъ бы наполнить ваши бокалы... *(всѣ встаютъ)* Привѣтствуемъ нашего гостя, мужа многоуважаемой Нины Александровны, нашего краснаго солнышка, такъ часто согрѣвающей нашу постылую жизнь... Дорогая Нина Александровна! Вѣрьте чести, что не картофелинка ваша, порою, бываетъ дорога, не ложечка риса, а то теплое и радостное чувство, котороое вы постоянно носите въ себѣ, въ своихъ маленькихъ ручкахъ, въ ласковыхъ глазахъ и отъ котораго, какъ отъ огонька, снова затепливаются наши больныя, полуистлѣвшія души. Не подумайте, милая, что мы, — по крайней мѣрѣ я, — я за себя говорю, — что мы ждемъ еще чего нибудь отъ жизни. Нѣтъ! Наша пѣсня спѣта. Пусть ваши жертвенники разбиты, — огонь еще пылаетъ. Господа! Прикажите мнѣ замолчать, — иначе я буду говорить, говорить, — не кончу до утра... Однимъ словомъ, ваше здоровье, дорогая моя, — дай вамъ Богъ всего того, что вы сами желаете. Трафаретъ? Но искренній. *(Подходитъ къ ней и цѣлуетъ ей руку. Всѣ слѣдуютъ его примѣру. Подходитъ послѣднимъ къ ней и Эргардтъ)*.

Э р г а р д т ъ. О, я горжусь тобой... Признаться, когда я слушалъ спичъ почетнаго амфитріона нашего, я былъ преисполненъ такого особеннаго чувства, ну какъ бы это сказать? Уваженія что -ли... Да, да, очень радъ...

А гдѣ же вашъ здѣшній художникъ, о которомъ я наслышалъ столъ много?

Художникъ. Вѣроятно, рѣчь идетъ обо мнѣ?

Эргардтъ. Ахъ это вы самый и есть? Ну какъ? Вы — настоящій художникъ или отъ слова: «худо»?

Нина Алек. Борисъ! Что за тонъ?

Губ. Господа! Какъ амфитріонъ, я просилъ бы наполнить бокалы ваши. Господа! А теперь — здоровье новоприбывшаго гостя нашего.... Ура!

Голоса: Ура-ра! *(Всѣ чокаются)*.

Эргардтъ. (*(художнику)* А вы что же? Не желаете чокнутся со мной?

!удожникъ. Прошу меня извинить, но я сегодня такъ много выпилъ, что не могу уже больше...

Эдгардтъ. Какъ такъ? Мужчина, такой молодой, такой обольстительный, какъ говорится: не мужчина, а кусокъ, — и вдругъ не можетъ выпить лишняго стакана вина?

Голоса: — Давай, давай, давай, Ситниковъ, давай!

Эдгардтъ. (*покрывая голоса)*. Тогда извините, вы — шляпа.

Художникъ. (*пьетъ медленно вино и наливаетъ себѣ еще)*.

Эргадтъ. Ага! Вотъ это я понимаю. Что и требовалось доказать. Вы просто не хотѣли чокаться со мной?..

Нина Ал. Борисъ! Я прошу тебя...

Эргардтъ. (*перебивая)* О чемъ ты просишь меня? Не обижать господина художника?

Художникъ. Меня обидѣть трудно, господинъ Эргардтъ.

Эргардтъ. Не господинъ Эргардтъ, а господинъ капитанъ Эргардтъ.

Художникъ. Меня обидѣть трудно, господинъ капитанъ Эргардтъ.

Актеръ. Римляне! Сограждане! Друзья! Такъ начинаетъ Антоній свою рѣчь на форумѣ. Я чувствую,

что въ нашемъ вечерѣ создается какая то нежелательная натянутость! Сегодня— первый день Рождества, мы празднуемъ его и такъ и какъ какъ пѣть не хочется, — будемъ читать стихи. Начинаю въ примѣръ и благонравное подражаніе:

Кто въ сорокъ лѣтъ не пессимистъ,
А въ пятьдесятъ — не мизантропъ,
Тотъ, можетъ-быть, душой и чистъ,
Но идіотомъ ляжетъ въ гробъ!

Г у б. Pardon! Это явный вызовъ, г. актеръ, это парфянская стрѣла, направленная мнѣ прямо въ грудь. Господа! Мнѣ шестьдесятъ первый годъ, а я, клянусь собакой и Геркулесомъ,—и не пессимистъ, и не мизантропъ. Скажу больше. Вотъ вы, господа, — мы всѣ люди разные. Мы, можетъ, не сходимся съ вами во многомъ и въ самомъ главномъ, но я васъ всѣхъ люблю. Политика—одно, а человѣческія отношенія — другое. Я — за человѣческія отношенія во всѣхъ случаяхъ жизни, на всѣ дни календаря. Похороните меня и на надгробномъ камнѣ начертайте: «Здѣсь покоится идіотъ. Миръ праху его!»

Г о л о с а: — Браво, браво, браво...

Г у б. Долженъ признаться. Одного только человѣка здѣсь я терпѣть не могъ.

Г о л о с а: — Знаемъ! Камеръ-юнкера!

(Поетъ): — Онъ далеко, онъ не услышитъ, не оцѣнитъ тоски твоей.

Г у б. (*смѣется*) Ну и пусть не оцѣниваетъ. Онъ теперь въ Красномъ Крестѣ, не мнѣ, а бѣднымъ эскулапамъ надоѣдаетъ своимъ: «въ консэ консовъ», и я оптимистъ, господа! Міръ прекрасенъ! Вино на землѣ не пересохло и глазки женщинъ еще сверкаютъ лукавыми огоньками! *(комически зажимаетъ себѣ ротъ)* Боже мой! Что я говорю?

(Смѣхъ).

Г о л о с а: *(тихонько, таинственно)* — А губернаторша?

— Что скажетъ ея превосходительство?

— Тсс! Молчаніе! Молчаніе! Молчаніе!

Всѣ пьютъ комически, переувеличенно молчаливо. . Среди молчанія — голосъ англичанина).

Англичанинъ. *(Эргардту)* Долженъ вамъ сказать, что ваша молодая жена на всѣхъ насъ, англичанъ, производитъ самое хорошее впечатлѣніе.

Эргардтъ. *(Иронически)* Очень радъ! *(Комически раскланивается).*

Какой-то молодой человѣкъ. *(торопливо и конфузясь)* Pardon, господа! Представьте есбѣ, какіе бываютъ курьезы на свѣтѣ! Здѣсь рѣчь идетъ о молодой женѣ....

Эргардтъ. Ну и что же? Что еще вы (*дѣлая удареніе на вы)* къ этому можете добавить?

Молодой ч-къ. Pardon, господа! Я ничего не хочу сказать обиднаго, но я собираюсь уѣзжать въ Болгарію и уже получилъ визу...

Эргардтъ. Скажите... Мой дядя ѣдетъ въ Болгарію, а въ огородѣ растетъ бузина...

Молодой ч-къ. И вотъ я изучаю болгарскій языкъ. Это, конечно, естественно... Такъ вотъ. Это, конечно, курьезъ. Вы знаете какъ по болгарски «молодая жена»?

Губ. Слушайте, ангелъ мой: сносите яйцо поскорѣе.

Мол. ч-къ. Я, конечно, очень раскаиваюсь, что началъ этотъ разговоръ, но молодая жена по-болгарски, — булка.

Эргардтъ. (*раскатисто и натянуто смѣется*) Булка! Непостижимо, господа! Ха-ха-ха! Булка!

1-й. Ну чтожъ, булка и булка... Я ничему не удивленъ!

Голоса: — А, по моему, молодая жена — пирожное.

— Бэээ!

— Конфетка-съ!

Эргардтъ. Господа! Аристотель мудрый сказалъ однажды, что всякая вещь должна имѣть: начало, середину и конецъ, Рѣчь идетъ о томъ, что молодая жена —булка. (*Вызивающе смотритъ на Нину*). Кто же здѣсь эту булку кушаетъ? Какой это пекарь?

Худ. (*стукнувъ кулакомъ*). Господинъ капитанъ Эргардтъ! Позвольте

(*Мертвая тишина*).

Эргардтъ. (*Долго и вызывающее смотритъ на него*). Нина Александровна налейте мнѣ вина въ этотъ стаканчикъ. (*Протягиваетъ стаканъ*).

Н. А. (*наливаетъ ему вино*).

Эргардтъ. (*въ то время, какъ она наливаетъ вино, вызывающе смотритъ на художника)* Вы говорите мнѣ «позвольте?» (*Медленно, глотками пьетъ. Когда выпилъ весь бокалъ, подчеркнуто-спокойно спрашиваетъ:*) Что я, собственно, долженъ вамъ позволить?

Нина Ал. Борисъ! Ты — возбужденъ. Это на всѣхъ дѣйствуетъ, если ты не перестанешь, я уйду.

Эргардтъ. Виноватъ, виноватъ! Я возбужденъ? Но изъ чего это видно? Мнѣ говорятъ: позвольте. Долженъ же я знать: что именно мнѣ нужно позволить г. художнику? Не долженъ же онъ быть гласомъ вопіющаго въ пустынѣ? Долженъ же я дать ему отвѣтъ: позволю я ему или не позволю?

Кто-то. Скандалъ, господа, ей Богу. Въ кои вѣки за столько лѣтъ, сошлись люди, сошлись безъ всякой политики, а просто люди, выпили, закусили, о родинѣ, о снѣгахъ вспоминали... Эхъ, господа, господа, Вотъ говорятъ: ничего не ново подъ луною... Не правда, господа,— —посмотрите: когда еще такая компанія собиралась подъ луной? Губернаторъ, актеръ, сыщикъ...

Голосъ. — Филеръ...

Кто-то: Ну филеръ, — не вмэръ Даныло, — болячка задавила. Хужожникъ, офицеръ, прокуроръ, монахъ

Кіево-печерской Лавры, помѣщикъ, церковный староста, англичанинъ, шотландецъ, соціалъ — демократъ...

Голосъ: — Не соціалъ, а соціаль... Мягкій знакъ на концѣ.

Кто-то: — Ну мягкій знакъ на концѣ, — не вмэръ Даныло, — болячка задавила. Какое кумпанство! Сѣчь запорожская! И э-эхъ, господинъ капитанъ Эргардтъ.... (*Потихоньку дирижируя*) Проведемъ же, друзья, эту ночь веселѣй...

Сразу вспыхывается хоръ: — Эмигрантовъ семья соберется тѣснѣй...

Кто-то: Господа! Безъ словъ! Безъ словъ! Одинъ мотивъ! Это насъ ничему не обязываетъ. (*Всѣ поютъ мотивъ тихо, безъ словъ, сквозь стиснутые зубы*).

Англичанинъ. (*Важно и улыбаясь*). О-о! Мы знаемъ характеръ русскихъ!

Эргардтъ. (*увидѣвъ мольбертъ, встаетъ изъ за стола, срываетъ занавѣску, смотритъ нѣсколько разъ зажигая спички. Долго смотритъ. И вдругъ спички падаютъ на полъ, самъ онъ опускается на табуретку. Закрывши лицо руками, горько, беззвучно заплакалъ*).

Всѣ хоромъ поютъ потихоньку мотивъ. Англичанинъ мечтательно куритъ трубку.

Чей-то вздохъ: И эхъ! Охо-хо-хонюшки! Жисть наша жисть, когда ты похужѣешь?

Нина Алек. (*Подходитъ къ Эргардту, кладетъ ему руку на плечи и что-то говоритъ*).

Художникъ. (*всталъ и ушелъ*).

Тишина Трезвое настроеніе. Всѣ сбились въ кружокъ, стараясь не замѣчать Эргардта и Нины Ал.

Актеръ. (*тихо, интимно*). Вотъ я... Какой же я теперь актеръ?

Кто-то: А что же съ вами случилось?

Актеръ. Нервовъ нѣтъ. Все истрепано, изжито, одни лохмотья висятъ. На сценѣ вѣдь какъ? Нужно и самому загораться и другого зажечь. А ужъ не могу. Вѣдь

какъ бывало? Играешь, скажемъ, Глуховцева. Первый актъ. Говоришь, а самъ трепещешь: «Оль-Оль, родимый ты мой человѣчекъ», а тотъ, другой, уже загорѣлся отъ твоихъ словъ, уже дрожитъ твоей дрожью и подаетъ торжественно такъ, съ благоговѣніемъ: «Зазвонила Москва!» А уже искорки прелетѣли туда, въ зрительный залъ, слышишь какъ замолчалъ онъ, притихъ насторожился, — затрепетало святое въ человѣкѣ, чистое, божественное...

Англичанинъ. (*подходя къ этой группѣ, стоя*) Вотъ вы говорите: «Москва». А скажите, пожалуйста, сколько жителей имѣется теперь въ городѣ Москва?

Актеръ. (*удивленно*) Что?

Англичанинъ. Я спрашиваю: сколько жителей имѣетсъ теперь Москва въ послѣдней статистикѣ?

Актеръ. (*нерѣшительно*) Милліонъ, я думаю будетъ.

Англичанинъ. (*набивая, трубку гордо*) О, Лондонъ больше! О, нашъ Лондонъ — въ шесть разъ больше... Нашъ Лондонъ — въ семь разъ больше!

(*Пауза*)

Кто-то. (поднимается, подходитъ къ англичанину, смотритъ на него въ упоръ и, отчеканивая каждое слово, говоритъ:) Знаешь что? Съ твоимъ Лондономъ... Съ твоимъ Амстердамомъ... Пошелъ бы ты.. знаешь... къ чертямъ собачьимъ. (*уходитъ, хлопнувъ дверью*).

Англичанинъ. О-оо(*Раскруриваетъ трубку. Улыбаясь*) Мы знаемъ... Мы хорошо знаемъ характеръ русскихъ... О-о! (*Пауза*).

Всѣхъ обходитъ губернаторъ, таинственно что-то нашептывая, показываетъ на Нину и Эргардта:—«имъ нужно остаться вдвоемъ, объясниться»... Всѣ поняли и потихоньку уходятъ... Взявъ подъ руку англичанина, губернаторъ уводитъ и его... Остался , за столомъ одинъ пьяный. Пытались и его увести, но безуспѣшно.

Всѣ ушли, кромѣ Нины, Эргардта и пьянаго.

Пьяный. (*самъ съ собою, умиленно*) Уланы вход-

ять въ городъ... Справа по шести, играя на двухъ слѣпыхъ. Какъ хорошо!..

Эргардтъ. (*подходитъ къ портрету и, зажигая спички, снова разглядываетъ*). Это онъ тебя писалъ?

Н. А. (*молчитъ*)

Эргардтъ. Но ты же другая, ты не та Нина, моя Нина, которую я такъ любилъ и до сихъ поръ люблю, и не могу вырвать изъ этого вотъ проклятаго, мучающаго сердца.

Нина Ал. Да, я — другая, и очень хорошо, что ты это понялъ .. Я измѣнилась. Все: Самара, Волга, Струковскій садъ...

Эргардтъ. (*встрепнувшись*) А помнишь? Мороженное изъ синяго ящика, фіалки, «вотъ вамъ князь задастъ...»

Нина Ал. Мороженное изъ синяго ящика, фіалки, (*улыбаясь*) «вотъ вамъ князь задастъ...» Я тебѣ уже разъ говорила: было — и быльемъ поросло. Развѣ тебѣ не передавали?

Эргардтъ. Передавали.

Нина Ал. Ну чего же ты хочешь еще? Наши планы на жизнь, мечты о трудѣ, — все это уже не мое. Это человѣкъ иначе захватилъ меня. Этотъ человѣкъ овладѣлъ моей душой, подчинилъ меня всю — себѣ, своей волѣ, своимъ желаніямъ, и я — его раба.

Эргардтъ. Что жъ онъ? Свенгали, что ли?

Нина Ал. О, нѣтъ! Я — его раба, я пойду за нимъ въ огонь и въ воду, и — это сладко... захватывающе сладко, до перерыва дыханія. Вотъ я сижу здѣсь и въ то же время чувствую каждое движеніе его, каждую затяжку папиросы, каждый поворотъ головы. А ты вотъ — словно я на тебя въ бинокль, въ обратныя стекла смотрю: маленькій, далекій и все неразборчиво слилось въ тебѣ: и руки, и глаза, и волосы.

Эргардта. А онъ?

Нина Ал. А онъ! О, какой это человѣкъ! Поздней ночью, когда горятъ только звѣзды, когда живетъ

только море, когда нѣтъ ни корабля, ни огня, ни человѣка, — озябшіе, притихшіе, прижавшіеся другъ къ другу, мы сидимъ съ нимъ на берегу, и молчимъ, мы боимся говорить... У меня дыханіе перерывается отъ волненія, потому что онъ научилъ меня, — да, да, онъ, онъ! — онъ научилъ меня слышать движеніе земли. Понимаешь? Этотъ чудесный, великолѣпный, гордый летъ нашей земли...

Эргардтъ. Это тебѣ только кажется. Это твоя влюбленная фантазія.

Нина Ал. Пусть такъ. Ты сказалъ. Пусть фантазія, — но, вѣдь, правда же: влюбленная? Вотъ и отлично. Намъ нечего больше сговариваться. Я влюблена. Пойми: я — влюблена. Поди и ты. Міръ — такъ хорошъ и широкъ: поди и ты , найди себѣ молодую подругу и влюбись, влюбись, влюбись... Какое это счастье! Влюбись, влюби ее въ себя, сядь съ нею на берегу моря, обними ее покрѣпче, закутай своимъ плащемъ и прислушайся къ ночной тишинѣ... И тогда ты вспомнишь обо мнѣ и я почувствую тебя, улыбнусь тебѣ издалека... И будешь ты: мой другъ. А сейчасъ безпокойный, жадный, сварливый,—ты чуждъ мнѣ. Ты вызываешь непріятное чувство. Или самъ уходи, или я уйду. Я хочу къ нему.

Эргардтъ. Еще одну минуту... Я, конечно, все понимаю, но... (*невольно оглядываяется на пьянаго, который бормочетъ*).

Пьяный. Уланы входятъ въ городъ. Справа по шести, играя на двухъ слѣпыхъ. Какъ хорошо!

Нина Ал. (*кутаясь въ платокъ*). Брр, холодно что-то стало... Что онъ тамъ бормочетъ?

Эргардтъ. Ему снится, что онъ уланъ и входитъ въ городъ.

(*Пауза*).

Эргардтъ. Ты — его любовница?

Нина Ал. Я — его жена.

Э р г а р д т ъ. (*съ ироніей*). Въ какой же церкви ты вѣнчалась?

Н и н а А л. Въ святой.

(*Пауза*).

Э р г а р д ъ. Странная ты... Другая... (*страстно*). Но вѣдь, Нина, и я же талантливъ, и я — смѣлъ... Вѣдь ты же знаешь, что всю мою жизнь... Что, вѣдь, я только такъ, снаружи, грубъ и неотесанъ, а тамъ душа — горячая, добрая, все понимающая.

Н и н а А л. (*протягиваетъ руку*).

Тѣмъ лучше для тебя. Я иду Прощай.

Уходитъ.

Пауза.

П ь я н ы й. (*бормочаетъ*) Какъ хорошо! Какъ хорошо!

Э р г а р д т ъ. (*остановился передъ нимъ и тупо смотритъ на него*). Взять бутылку, стекломъ потолще, расшибить тебѣ черепъ, чтобы брызнули мозги, — и потомъ тюрьма, ссылка, новая жизнь...

П ь я н ы й. Какъ хорошо!

(*Входитъ губернаторъ, что-то ѣстъ*).

Г у б. Иду, а самъ смѣюсь... Вотъ — картофель въ мундирѣ. А такъ въ году 87 — 88 въ клубѣ я выучилъ повара особеннымъ образомъ поджаривать филе съ шампиньонами. И что бы вы думали? Прихожу на другой вечеръ, беру карту въ руки и вижу: филе сотэ a la вице-губернаторъ. (*Дѣловымъ тономъ*). Дѣло вотъ въ чемъ. Вы думали о ночлегѣ?

Э р г а р д т ъ. Нѣтъ, еще не думалъ.

Г у б. Дѣло вотъ въ чемъ. У меня, въ кабинкѣ 26, есть свободная койка. Милости просимъ.

Э р г а р д т ъ. Благодарю васъ.

Пьяный... Играя на двухъ слѣпыхъ... Какъ хорошо!

Губ. (*расталкивая его*). О, да, божественно хорошо! Куда же лучше? Господинъ пассажиръ! Господинъ пассажиръ! Вашъ билетъ! Слышите? вашъ билетъ...

Пьяный. Какъ хорошо!

Губ. (*безнадежно машетъ рукой*). Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра... И вы знаете? Все губернское правленіе ѣло филе сотэ а la вице-губернаторъ.

(*Издали доносится смутный шумъ. Губернаторъ прислушивается*).

Губ. (*испуганно*). Слушайте, батюшка. Спаси, Господи, люди Твоя. Прокуроръ идетъ. Это теперь до разсвѣта свадьба затянется. Не будемъ терять золотого времени..

(*Тащитъ Эргардта за рукавъ и уходитъ*).

Шумъ — ближе.

Прокуроръ. Нѣ-ѣтъ, теперь уже ты не вырвешься. Баста... Идемъ на судъ къ Нинѣ Александровнѣ. (*Входитъ и тащитъ за собой помощника. У того въ рукахъ сломанная гитара*). Иде-емъ! Пусть Нина Александровна насъ разсудитъ. Нина Александровна! Прошу васъ учредить революціонный трибуналъ и судитъ насъ по всѣмъ строгостямъ революціоннаго времени. Къ чорту, ко всѣмъ чертямъ—эту буржуазную мазню, эту слюнявую гниль — старые законы Александра второго, ибо они по неизрѣчимой глупости своей дадутъ пощаду этому недостойному человѣку. Намъ нужны революціонные законы! Вы только подумайте, господа судьи! Санхо-Пансо возсталъ противъ своего повелителя! Возсталъ!

Помощникъ. Да вы протрите шары! Никакой здѣсь Нины Александровны нѣтъ, и никакого революціоннаго трибунала вамъ не будетъ...

Прокуроръ. А я хочу революціоннаго трибунала! Хочу!

П о м. (*мрачно*). А рожна вы не хотите?

П р о к у р о р ъ. Ты — кто? Кто ты? Я тебя спрашиваю.

П о м. Сто разъ я уже отвѣчалъ вамъ. Не хочу больше.

П р о к у р о р ъ. Не хочешь, — до свѣта буду мучить. Говори, кто — ты?

П о м. Ну Санхо-Пансо...

П р о к у р о р ъ. Какъ же ты, Санхо-Пансо, мужикъ, погонщикъ ословъ, возсталъ на своего повелителя, благороднаго рыцаря, побѣдителя невѣрныхъ сарацинъ?

П о м. Я и не думалъ возставать.

П р о к. Не думалъ возставать,— а гитару кто сломалъ?

П о м. Что жъ я ее что ль сломалъ? Вы сами сѣли на нее и сломали. Ну какой же судъ, какой революціонный трибуналъ можетъ провѣрить, чтобы человѣкъ самъ, собственными руками, послѣднюю свою валюту сломалъ?

П р о к. (*приставляя къ уху ладонь*). Что такое? Что ты сказалъ, презрѣнный мужикъ, Санхо-Пансо? Валюта? Ухо рыцаря не знаетъ такого страннаго слова!

П о м. И когда вы угомонитесь, холеры на васъ нѣту? Когда перестанете этотъ хороводъ кружить?

П р о к. Ты же самъ знаешь, что мнѣ нужна музыка. Ну играй.

П о м. Да видите же, что грифа нѣтъ?

П р о к. Тогда иди, ищи рояль, трубу, симфоническій оркестръ. Нужна же мнѣ какая нибудь музыка? А то до свѣта замучаю. Самъ знаешь: глаза у меня зеленые, губы тонкія...

П о м. Сомъ ты треклятый! И когда я отвяжусь отъ тебя! Вѣдь ты всю кровь выпилъ изъ меня!

П р о к. А ты играй.

П о м. А ты играй (*Показываетъ гитару*). Да на чертѣ я тебѣ что ли буду играть?

П р о к. А мнѣ какое дѣло? Ты — мой оруженосецъ.

П о м. Твой оруженосецъ... Прошепталъ бы я тебѣ молитву. Оруженосецъ...

Сонный, со слипающимися глазами, онъ начинаетъ то хлопать въ ладоши, то щелкать пальцами и пѣть мотивъ лезгинки. Сначала вяло и лѣниво, а потомъ оживленнѣе и веселѣе...

Прокуроръ, съ блаженной улыбкой, присаживается къ столу, притаптываетъ ногой и дирижируетъ.

IV.

Берегъ моря. Весна. Гелюнъ (калмыцкій священникъ) въ красной рясѣ, въ красной шапочкѣ устраиваетъ на шестѣ листъ бумаги, на которомъ начертаны слова молитвы. Слюнитъ во рту палецъ, поднимаетъ его надъ головой, пробуя, нѣтъ-ли вѣтра. Нѣсколько эмигрантовъ лежатъ на берегу. Прокуроръ и помощникъ плетутъ гамакъ.

1 - й. Что это гелюнъ дѣлаетъ?

2 - й. А это онъ пальцемъ пробуетъ, нѣтъ ли вѣтра...

1 - й. Тишина. Весна здѣсь дѣйствительно....

2 - й. Въ Россіи въ это время только пахать начинали.

1 - й. А ты забылъ условіе: не говорить о Россіи...

2 - й. Морчу, морчу.

П о м. Гелюнъ! Ваше преподобіе Святой! отецъ! Что ты тамъ соображаешь?

Г е л ю н ъ. Малъ малъ молитьсянадо...

П о м. А зачѣмъ же ты флагъ дѣлаешь?

Г е л. Молитва это... Видишь? На листѣ написано. Пойдетъ вѣтеръ, начнетъ малъ-малъ трусить листъ, молитва пойдетъ туда... къ Богу.

1 - й. Всѣ здѣшніе гелюны мрачные, сердитые... Буддисты... Только одинъ вотъ этотъ веселый и водку хлещетъ, какъ воду.

П о м. Мухобой... И, по моему, въ Бога не вѣритъ ни на эстолько.

1 - й. Гелюнъ! А какой твой Богъ? Бурханъ?

Гелюнъ. Твой Богъ, мой Богъ, — все равно. Твоя живетъ на свѣтѣ, моя живетъ на свѣтѣ. Твой попъ малъ-малъ кричитъ молитву, мой попъ малъ-малъ молчитъ молитву. Твоя молитва Богъ слышитъ ухомъ, моя молитва Богъ видитъ глазомъ. Жалко вотъ: вѣтеръ нѣтъ.

1 - й. Да, братъ, жара на ять.

2 - й. Пробовалъ я съ нимъ по-монгольски говорить, — ничего не понимаетъ.

1 - й. А ты знаешь по-монгольски?

2 - й. Братецъ ты мой! Сказать тебѣ по секрету, я былъ оставленъ при факультетѣ восточныхъ языковъ для подготовки къ профессорскому званію. Уже въ приватъ-доцентуру проходилъ. По кафедрѣ монгольской словестности. А потомъ какъ закрутило, понесло, — Господи! И мысли мои — теперь другія, и чувства мои другія, и запросы къ жизни — другіе. Мыслю, какъ идіотъ, нѣтъ гордости, пропали нервы... И только иногда, вотъ въ такіе великолѣпные дни вспоминается петербургскій университетъ, длинный коридоръ, навощенные полы, библіотека, накопленные матеріалы къ магистерской диссертаціи, сады Васильевскаго острова, Средній проспектъ. И опять хочется работать, жить, полюбить какую-нибудь дѣвушку... Хоть безъ взаимности, но любить, чувствовать себя человѣкомъ. Вотъ лежитъ Эргардтъ. Жена отъ него ушла, куда ушла—онъ не знаетъ и никогда не узнаетъ; мучаетъся, переживаетъ тягчайшія страданія, а я ему завидую: онъ человѣкъ, а я пустое бревно.

1 - й. Ничего, братъ. А я вотъ ничему не удивляюсь. Полгода съ тобой живу, и не думалъ и не подозрѣвалъ, что ты приватъ-доцентъ... А вотъ сегодня узналъ, — и не удивился. А здѣсь есть кое-что, какъ будто по твоей спеціальности. Не совсѣмъ, конечно, но все-таки. Здѣсь вотъ, неподалеку гдѣ-то погребенъ Аннибалъ. Вотъ тебѣ задача: отыщи его могилу, опиши, разслѣдуй,— и вдругъ тебѣ — honoris causa — преподнесутъ дипломъ доктора

Оксфордскаго университета. Поднесутъ, одѣнутъ тебя въ мантію, а я не удивлюсь.

2-й Да. Пройдутъ вѣка, милліоны разъ перекрутится земля со всѣми нами, съ могилами Аннибала, со всѣми нашими магистерскими диссертаціями, аэропланами, философіями, городами, морями, съ нашей куриной слѣпотой, — и сдѣлаемся мы постепенно средними вѣками, а потомъ помаленьку передвинемся въ средніе...

1-й. Ты къ чему клонишь? Къ знаменитому: «Помянутъ ли они насъ добрымъ словомъ?» Не помянутъ, братъ, не помянутъ. Заруби у себя на носу и съ этимъ живи! Да и чертъ съ ними! Шубу я себѣ сошью, что-ли, изъ ихъ поминовенія? *(Громко передразнивая).* «Alexandre! Не забудьте же моей просьбы: снимитесь и пришлите вашу фотографію».

Пом. *(встрепенулся, насторожился; хлопая себя по лбу).* А вѣдь это мысль! Знаете? Это—мысль! Продамъ я свою гитару, поѣду въ Константинополь, куплю фотографическій аппаратъ девять на двѣнадцать, и откроемъ мы съ вами ваше превосходительство, здѣсь скромненькую фотографію. Деньги можна сдѣлать, ей Богу. Черта вотъ въ этихъ гамакахъ! Плетемъ, плетемъ,, а толку никакого. Не вѣрю я въ гамаки. Грекъ вамъ будетъ въ гамакахъ разлеживать? Да никогда въ жизни! А фотографія — другое дѣло. Всякій человѣкъ думаетъ, что онъ — красавецъ и жаждетъ видѣть себя не только въ зеркалѣ, но и вотъ такъ, — всегда въ хорошемъ сюртукѣ, съ женой, важная поза, положить ей руку на плечо... Ей-Богу, не могу. *(Вскакиваетъ и начинаетъ взволнованно ходить).* Гитара наигранная, дека отличная, починилъ я ее великолѣпно, — деньги можно взять хорошія. Ваше превосходительство, я буду снимать, а вы проявлять и сушить снимки и пойдетъ дѣло. Проторговались распивочно и навыносъ, на этомъ — выплывемъ.

Прок. Давайте гамакъ доплетемъ...

Пом. Гамакъ само собой *(опять берется за дѣло),* а это мысль.

1-й. Сѣмя пало на добрую почву. Помимо своей воли оплодотворитъ, можно сказать, человѣка, — и не удивляюсь.

Пом. За маленькіе снимочки будемъ брать поменьше, за большіе — побольше.

2-й. И однажды какой нибудь умникъ, раскапывая землю, наткнется на Миланскій соборъ....

1-й. А здѣсь, на берегу, гдѣ нищій гелюнъ налаживаетъ свою молитву,— будутъ дворцы изъ синяго африканскаго мрамора и люди въ шелковыхъ камзолахъ, какіе въ семнадцатомъ вѣкѣ носили венеціанскіе послы, будутъ сочинятъ своимъ возлюбленнымъ тріолеты... А я встану изъ гроба, — привидѣніе, закутанное въ бѣлый саванъ, и зафыркаю на нихъ, вотъ такъ: фр, фр, какъ котъ, — и они испугаются...

2-й. И будь прокляты всѣ эти аэропланы, желѣзнодорожные экспрессы, безпроволочные телеграфы, телефоны, автомобили, уничтожившіе на землѣ прежнюю неторопливую жизнь. Благословенъ Китай, перевозящій рисъ на верблюдахъ! О! если бы я могъ снова достать книги Конфуція, Мен-Цзы, — и снова, снова учиться у нихъ, учиться безъ конца...

Пом. Наука — вещь хорошая, но въ ней есть свои опасныя стороны. Вы можете впасть въ ересь.

2-й. Это правда. Я и сейчасъ впадаю въ ересь, но виноватъ въ этомъ сегодняшній великолѣпный день. Какъ свѣтитъ солнце! Какъ блещетъ море!

1-й. И, какъ огромные гады, видны, вонъ, на горизонтѣ англійскіе дредноуты....

2-й. И какъ заманчива, какъ соблазнительна нирвана! Какъ тянетъ и волнуетъ небытіе! Когда подумаешь о прошломъ, — Боже мой! Какими дѣтьми кажутся: и этотъ спортсмэнъ Мопассанъ со своей яхтой,«Sur l'eau», и сапожникъ Толстой, и лохматый Ибсенъ... Мой ноготь, вотъ сейчасъ, послѣ пережитого, послѣ того, что я видѣлъ на землѣ за послѣднія восемь лѣтъ, знаетъ больше, чѣмъ всѣ эти три головы, вмѣстѣ взятыя. И если 15-ый вѣкъ

далъ міру художниковъ неповторимыхъ, прославившихъ тѣло человѣческое, то 20-й прославитъ мысль человѣческую. Кантъ, Гегель, Шопенгауеръ. Декартъ, Фаустъ, царь Соломонъ, Библія, Илліада, Божественная Комедія, — все это скоро покажется эскизами, подмалевками къ тому, что скажетъ вѣкъ 20-й. Этотъ вѣкъ создастъ новую религію, новую нравственность и гдѣ-нибудь уже теперь въ какомъ-нибудь Тиролѣ, или на Гиммалаяхъ, или въ Кордильерахъ, Альпахъ или Апеннинахъ, но непремѣнно въ горахъ, гдѣ ясно и близко небо, гдѣ четки звѣзды и чистъ воздухъ, — Архангелъ Гавріилъ уже подаетъ лилію новой Дѣвѣ Маріи...

1 - й. А я, когда буду умирать, попрошу положить мнѣ въ гробъ большую простыню. Въ двѣнадцать часовъ буду выходить изъ гроба и фрр...фрр...

Пауза.

1- й. Ну что, гелюнъ? Какъ мало-мало твои дѣла? Какъ молитвы?

Гелюнъ. *(обсасываетъ палецъ и поднимаетъ его надъ головой)*. Видишь? Вѣтеръ нѣтъ.

1 - й. Спитъ твой вѣтеръ...

2 - й. *(запѣлъ)*. Вѣтра спрашиваетъ мать: гдѣ изволилъ пропадать?

Пауза.

Пом. Гелюнъ! Ты, вѣдь, монахъ?

Гелюнъ. Монахъ, да.

Пом. Жинки, марушки, у тебя, значитъ, йокъ?

Гелюнъ *молчитъ*.

Пом. Молчитъ. Соблазняться разговоромъ не хочетъ. Монахъ въ сѣрыхъ штанахъ. Какъ купимъ фотографію, гелюна перваго снимемъ. Правда, ваше превосходительство?

Прокуроръ *молчитъ*.

Пом. Молчаливый вы стали, ваше превосходительство. Знаю. Сосетъ. *(Сплевываетъ)*. У самого такой сосунъ

на душѣ, что страшно сказать. Вотъ *(вынимаетъ изъ кармана)* лукъ есть, а самое главное йокъ, эффенди. Отсутствуетъ. *(Съ азартомъ плететъ гамакъ).*

Пауза.

Пом. Гелюнъ! А какой степъ лучше? Нашъ или этотъ?

Гелюнъ. Нашъ лучше.

Пом. Чѣмъ же нашъ лучше?

Гелюнъ. Трава малъ-мало выше, птица перепелъ малъ-малъ поетъ лучше, духъ малъ малъ слаще и этотъ проклятый вода нѣтъ...

1-й. Да вѣдь это же море, гелюнъ!

Гелюнъ *(плюетъ на море).*

Пауза.

Эргардтъ. Гелюнъ! А можно мнѣ на твой столбъ свою молитву прицѣпить?

Гелюнъ. *(набивая трубку съ длиннымъ чубукомъ).* А мнѣ что? Мѣстъ много. Цѣпляй. Только мой малъ малъ выше будетъ.

Эргардтъ. Ладно. Конечно, твоя молитва выше будетъ.

Пом. Дѣло хозяйское.

(Эргардтъ вынимаетъ письмо, отрываетъ чистую половинку и начинаетъ писать).

Прокуроръ. Дррррама. Въ 1800 метровъ. Убилъ бы онъ ее тогда, я бы отказался отъ обвиненія.

Пом. *(вдругъ неудержимо смѣется).* Вѣдь чертъ его, что ни съ того, ни съ сего вспомнится...Разъ въ холеру, въ жаркій день, я стаканъ сырой воды выпилъ... Выпилъ да какъ сообразилъ, — такъ весь день трясся отъ страха. Все ждалъ. Нѣтъ, я умирать не хочу. На землѣ — весело. Главное, — спокойно. Лѣтъ пятьдесятъ еще проживу.

Нашъ родъ здоровый, колокольные дворяне. Дѣдъ мой, протоіерей, сто лѣтъ жилъ.

Прок. Все равно, полѣзешь въ яму, полѣзешь.

Пом. Когда это будетъ, — еще вопросъ. А вдругъ за это время какой-нбуь ученый безсмертіе выдумаетъ? Вотъ у меня и выигрышъ. Дуракъ, а съ понятіемъ.

1-й. Губернаторъ идетъ.

Пом. Закатимъ ему встрѣчу.

Кричатъ: — Давай, давай, давай... Ситниковъ! Давай!

Входитъ губернаторъ. Съ нимъ — Васильевъ. У Васильева свертокъ.

Губ. Надоѣло, господа, ей-Богу, надоѣло... Орете, какъ ишаки на зарѣ.

Пом. Молодость, ваше превосходительство. Кровь играетъ, ходуномъ ходитъ. Сами понимаете: скоро вечера майскіе, чаи китайскіе...

Васильевъ. Кромѣ шутокъ, ваше превосходительство, кончали бы дѣло, а?

Губ. Я бы съ удовольствіемъ, Васильевъ, но развѣ вы не понимаете: денегъ нѣтъ! Сталъ бы я торговаться изъ-за такихъ пустяковъ?

Пом. Чѣмъ торгуешь, Васильевъ?

Васильевъ. Да вотъ свои парики его превосходительству продаю. *(Разворачиваетъ свертокъ)*. Ваше превосходительство! Ну ладно! Будемъ считать такъ *(вынимаетъ парики)*: брюнетъ и старикъ — три лиры. Бороды къ нимъ: сѣдая и черная одна лира. Двое усовъ таковыхъ же, — ну, сорокъ піастровъ.

Губ. Ну смотите, Васильевъ: ей-Богу же усишки скверные. Того и гляди расползутся.

Васильевъ. А цѣна какая, ваше превосходительство? что вы купите за сорокъ піастровъ?

Пом. Да на что вамъ парики, ваше превосходительство?

Губ. Въ актеры иду. Вотъ изъ Константинополя письмо получилъ. Буду въ ресторанѣ куплеты исполнять. Полторы лиры деньгами и ужинъ изъ рубленнаго мяса.

Пом. Ей-Богу? Честное слово?

Губ. Честное слово. Завтра усы и бороду сбриваю. Губернаторша плачетъ.

Пом. Бороды и усовъ жаль?

Губ. А что жъ вы смѣетесь? Тридцать шесть лѣтъ бритвы не зналъ.

Васильевъ. Ну такъ какъ же, ваше превосходительство? Рѣшайте.

Губ. Я подумаю, Васильевъ, завтра вамъ скажу окончательно. Утро вечера мудренѣе.

1-й. Серьезно, уѣзжаете, ваше превосходительство?

Губ. А до какихъ же поръ сидѣть здѣсь? Надо работать. Тутъ хоть сто лѣтъ сиди, — не высидишь ничего.

1-й. Жаль, ваше превосходительство, искренно жаль.

Губ. А, конечно, жаль. Сжились. Во многомъ не сходимся, — а сжились. Не похвалясь, скажу: я — уютный старикъ. Самъ это знаю.

Пом. Старуха ваша — съ душкомъ.

Губ. А какая старуха не съ душкомъ? Всѣ старухи съ душкомъ! А я — уютный. Однажды получаю я анонимное письмо. Ужъ ругалъ онъ меня, ругалъ, — корреспондентъ мой, и въ заключеніе написалъ: вы, говоритъ, тотъ самый, говоритъ, гоголевскій губернаторъ, который, говоритъ, вышивалъ по тюлю. Ужъ и смѣялся я тогда. Правду написалъ, мошенникъ... Ну, однако, нужно учить. *(вынимаетъ тетрадку)*.

1-й. Ваше превосходительство, — прочтите намъ куплеты.

Пом. Репетицію, ваше превосходительство, устройте.

Губ. А что жъ, пожалуй. Надо попробовать самого себя. На сценѣ игралъ, а вотъ въ ресторанахъ не приходилось читать. Ну ка, Господи благослови! *(Становится*

въ позу, вытираетъ платкомъ губы, держитъ себя, какъ куплетистъ-любимецъ публики).

Мой старый фракъ!

Будь вѣренъ мнѣ, пріятель мой короткій,
Мой старый фракъ: другого не сошью.
Ужь десять лѣтъ, то вѣничкомъ, то щеткой,
Я каждый день счищаю пыль твою.
Ты — весь истертъ, но, не смотря на это,
Друзья у насъ — все прежніе друзья!
Ихъ не стыдитъ истертый фракъ поэта:
Мой старый другъ, не покидай меня!

***

Твои края изорваны немного:
Смотря на нихъ, люблю я вспоминать,
Какъ вечеромъ однажды у порога
Она меня хотѣла удержать...
Невѣрная, тѣмъ гнѣвъ мой усмирила
И я гостилъ у ней еще два дня,
Она тебя заштопала, зашила, —
Мой старый другъ, не покидай меня!

***

Мой другъ, тебя духами я не прыскалъ,
Въ тебѣ глупца и плута не казалъ,
По лѣстницамъ сіятельнымъ не рыскалъ,
Передъ звѣздой спины я не сгибалъ, —
И, можетъ-быть, что скоро въ ящикъ гроба
Съ моей души одежды сброшу я:
Такъ подожди, мы въ землю ляжемъ оба.
Мой старый другъ, не покидай меня!

Губ. вдругъ расплакался.

Всѣ бросились къ нему, утѣшаютъ.

1-й. *(стараясь успокоить)*. Ну вотъ тебѣ и разъ. Такъ нельзя, ваше превосходительство.

Губ. *(сквозь слезы)*. Дѣдъ плачетъ, бабка плачетъ...

Помощ. *(взволнованъ больше всѣхъ; самъ вотъ вотъ заплачетъ)*. Ничего, ваше превосходительство, ничего. Дѣдъ плачетъ, бабка плачетъ, а курочка кудахчетъ: снесу, говоритъ, его превосходительству яичко не простое, а золотое...

Губ. Придетъ камеръ-юнкеръ ужинать и скажетъ: «Эй, кто тамъ! Поднесите этому куплетисту... стаканъ водки и бутербродъ съ колбасой»...

Пом. Я ему, ваше превосходительство, такой колбасы поднесу, что онъ своихъ не узнаетъ... Только слово скажите, всѣ мы за васъ выйдемъ...

Губ. *(смѣется сквозь слезы)*. Столько друзей у меня, а я расплакался.

Пом. Эхъ, ваше превосходительство! Чего тамъ? Вы сюда посмотрите: море синее, атласное... Таракъ гелюнъ ничего не понимаетъ.

Гелюнъ. Степь лучше...

Губ. А вотъ и Милочка идетъ...

Милочка. Чего тутъ народъ въ кучу сбился? Думаю, надо свернуть, посмотрѣть...

Губ. *(цѣлуетъ ей руки)*. Откуда вы попали къ намъ, Милочка? Вѣдь васъ не было въ лагерѣ сначала, я знаю.

Милочка. А я, какъ собачка, приблудилась къ вамъ и живу.

Губ. Такое солнышко ласковенькое, — словъ нѣтъ сказать.

Милочка. А чего же Эргардтъ отдѣльно отъ васъ?

1-й. Не знаемъ. Дума лежитъ на угрюмомъ челѣ.

Милочка. Пойду, развѣдаю... *(Идетъ къ Эргардту).*

Губ. Ну ладно. А жизнь идетъ своимъ чередомъ... Нужно учить роль. Плоховато я читаю стихи...

Пом. Ничего, ваше превосходительство! Потомъ — лучше пойдетъ. А я собираюсь покупать фотографическій аппаратъ и тогда сниму васъ во всѣхъ гримахъ... Безплатно, конечно, по дружески.

Губ. Спасибо, голубчикъ, спасибо. Ну, буду учить стихи.

Милочка. *(Эргадрту).:* Здравствуйте!

Эргардтъ. Здраствуйте, Милочка!

Милочка. Что это вы? Письмо пишете?

Эргадртъ. Нѣтъ. Молитву.

Милочка. Молитву? Да развѣ вы вѣруете?

Эргардтъ. Вѣрую.

Милочка. По настоящему? Какъ въ церкви?

Эргардтъ. Почти.

Милочка. И въ то вѣруете, что хлѣбъ и вино дѣлаются плотью и кровью?

Эргардтъ. Да. Почему вы это спрашиваете?

Милочка. Такіе люди, какъ вы, перенесшіе на землѣ столько мученій, всегда по особенному вѣруютъ. Они — созерцатели... Они молятся мысленно.

Эргардтъ. А вы какъ молитесь? Не мысленно?

Милочка. Мнѣ нужно въ церковь пойти, свѣчку передъ иконой поставить, стать на колѣни и шептать молитвы.

Эргардтъ. Вамъ семнадцать лѣтъ, Милочка, а вы разсуждаете какъ-то солидно, основательно, положительно. Съ вами даже мудрецъ можетъ въ споръ вступить.

Милочка. Тѣло мое живетъ на свѣтѣ семнадцать лѣтъ, а голова, вотъ это *(показываетъ на голову)* лѣтъ, кажется, сто. Вы знаете? У нашего священника въ Орлѣ жива еще бабка, старая престарая. Ничего не видитъ, ничего не слышитъ, ничего не помнитъ. Вотъ сидитъ она за столомъ и вдругъ спроситъ: «Попъ, а попъ!

Чи мы на этомъ свѣтѣ, чи мы на томъ свѣтѣ?» Попъ веселый, шутникъ, отвѣчаетъ: «На томъ, бабушка, на томъ». А старуха удивляется: — Ишь ты... А тоже и чаекъ , и сахарокъ есть... Ничего себѣ». А я вотъ, кажется, старше этой бабки и тоже не знаю: на этомъ ли свѣтѣ я или на томъ?

Эргардтъ. Подождите, Милочка, подождите... Вотъ, вотъ придетъ любовь, и всѣ эти великолѣпныя, магическія пять буквъ: л, ю, б, о, в, ь, отпечатаются у васъ въ сердцѣ и тогда вы, какъ пятью гвоздями, будете пригвождены къ землѣ. И тогда прояснится ваша голова и вы по новому оглянетесь на весь міръ и почувствуете, какъ прекрасно море, потому что по немъ можно съ любимымъ плыть; какъ прекрасна степь, потому что по ней можно съ любимымъ безъ конца бѣжать; какъ прекрасны горы, потому что тамъ сильнѣе вѣтеръ и у любимаго такъ хорошо и такъ пышно развѣваются кудри. Милочка! У васъ — слезы?

Милочка. Вы — о любви говорите, а я о какомъ то попѣ.

Эргардтъ. Нѣтъ, это хорошо. Кстати о попѣ заговорили. Мнѣ давно бы поисповѣдаться надо... Хотите сдѣлаемъ такъ? Я поисповѣдаюсь вамъ, а вы прекрестите меня и отпустите мнѣ всѣ грѣхи.

Милочка. *(задумалась)*. Я не могу отпускать грѣховъ. Но хорошо. Исповѣдуйтесь въ своихъ самыхъ тяжелыхъ преступленія, а мы сдѣлаемъ иначе.

Эргардтъ. Ну хорошо. Спрашивайте.

Милочка. Человѣка убивали?

Эргардтъ. Да. Убивалъ. Убилъ сѣроглазаго, молодого австрійца. Могъ его не убивать, и убилъ. Убивалъ своихъ же. И тоже могъ бы не убивать, а убивалъ. Но, Милочка, теперь же полміра убійцъ. Половина людей, живущихъ на землѣ — убійцы.

Милочка. Крали?

Эргардтъ. Да.

Милочка. Завидовали?

Эргардтъ. Да.
Милочка. Обманывали женщинъ?
Эргардтъ. Да.
Милочка. Можетъ и теперь замыслили кого-нибудь обмануть, привлечь хитрыми словами, обольстить?
Эргардтъ. Нѣтъ.
Милочка. И помышленія ваши чисты?
Эргардтъ. Теперь — да.
Милочка. А раньше?
Эргардтъ. Раньше этого не было.
Милочка. Зла ни на кого не таите?
Эргардтъ. Теперь — нѣтъ.
Милочка. А раньше?
Эргардтъ. А раньше — было.
Милочка. Къ женѣ своей какъ относитесь?
Эргардтъ. Все забылъ.

(Долгая пауза. Милочка думаетъ).

Милочка. Ну и Богъ забудетъ всѣ ваши грѣхи. Отпустить ихъ вамъ я не имѣю права. Я беру ихъ на себя, на свою душу. И отмолю.
Эргардтъ. Спасибо, Милочка. А теперь такъ, чтобы тамъ не видѣли, перекрестите меня маленькимъ, незамѣтнымъ крестикомъ.
Милочка *креститъ его.*
Эргардтъ. Вотъ спасибо. Дайте ручку. *(Цѣлуетъ ручку).* Вотъ теперь хорошо. Легко стало. Вотъ что, Милочка. *(Достаетъ изъ кошелька медаль).* Вотъ старинная медаль. Только въ музеяхъ вы найдете такую. Видите? профиль женщины? Видите, какъ она была хороша? Какъ завязаны волосы? Это не жена императора, а женщина, которую онъ любилъ больше, чѣмъ жену. Которая у него выжгла на сердцѣ четыре буквы: а, м, о, эръ, — amor. Такъ вотъ дарю вамъ эту медаль. Но одно условіе: никогда не смотрите на человѣка въ обратныя стекла бинокля.

Милочка. *(разсматривая медаль)*. Спасибо. До смерти сберегу ее.

Эргардтъ. А теперь — идите домой. Мнѣ еще писать надо...

Милочка. Хорошо. Пойду. Странно: сердце такое радостное, радостное.

Эргардтъ. Милочка! Свѣтитъ солнце. Море далекое, далекое, до самаго неба. Песокъ теплый. Придетъ ночь, да, старая, старая ночь, зажгутся звѣзды, какъ стаи заснувшихъ серебряныхъ рыбъ, а вамъ семнадцать лѣтъ. Чего же вамъ не быть радостной? Глаза у васъ прекрасные. Волосы — густые. Ротикъ алый. Зубки бѣленькіе. Чего вамъ?

Милочка. Значитъ до вечера?

Эргардтъ. До вечера.

Милочка уходитъ.

1-й. Милочка!

Милочка не оборачивается.

1-й. Милочка!

Милочка ушла не оглянувшись.

1-й. Та-акъ-съ!

Пауза.

Эргардтъ. Гелюнъ! Я прибью свой листокъ. Хорошо?

Гелюнъ. Прибивай. Только малъ мало ниже цѣпляй. Возьми гвоздикъ.

Эргардтъ. Вотъ спасибо.

1-й. Ахъ, гелюнъ, гелюнъ. Хочется тебѣ первому, безъ очереди, въ царство небесное вскочить.

Эргардтъ. *(прибивая листокъ)*. А вѣтра все нѣтъ?

Гелюнъ. Вѣтеръ нѣтъ. Бѣда.

Эргардтъ. Ну къ вечеру будетъ. Тучи вонъ тамъ какія-то ползутъ... Изъ за горъ.

(Уходитъ по берегу).

1 - й. *(поетъ на мотивъ колыбельной пѣсни).* Вѣтра спрашиваетъ мать: гдѣ изволилъ пропадать?

Прокуроръ. *(вслѣдъ Эргардту).* Эхъ, идіотъ, идіотъ! Чѣмъ больше женщину мы любимъ, тѣмъ меньше нравимся мы ей.

(Пауза. Гелюнъ вдругъ забезпокоился).

1 - й. Чего ты, гелюнъ? Вѣтеръ, что-ли, поднимается?

Гелюнъ срывается съ мѣста и снимаетъ бумажку Эргардта.

1 - й. Ты, братъ, слетѣлъ съ винта. Сначала разрѣшилъ, а теперь снимаешь?

Гелюнъ. *(подходитъ къ нему и говоритъ тревожно);* Малъ малъ смотри пожалуйста. Это по русски написано?

1 - й. По русски, да.

Гелюнъ. Читай, пожалуйста.

1 - й. А зачѣмъ же, — вѣдь это не твое? Это чужое?

Гелюнъ. Читай, говорю тебѣ. А вдругъ онъ малъ малъ Бога ругаетъ? Ну?

1 - й. *(смѣется).* Ахъ ты, карачунъ проклятый? И тутъ цензуру установить хочешь? Ну хорошо. А если онъ ругаетъ Бога, — тогда что?

Гелюнъ. Ломай дерево, ставь свой столбъ, пиши свою бумагу, мою малъ малъ не тронь. Читай, пожалуйста.

1 - й. Ну ладно. Цензуруй. А красный карандашъ имѣешь?

Гелюнъ. Зачѣмъ карандашъ? Никакой карандашъ не надо. Читай, пожалуйста.

1 - й. Ну ладно. *(Читаетъ).* «Положилъ Ты ее мнѣ, какъ печать, Господи, и жжетъ она меня, огненная, и спалила всего, испепелила все: и душу, и сердце, и мысли мои, и чувства мои и, сожженный человѣкъ, я уже боль-

ше не хочу ходить по Твоей землѣ. Въ послѣдній часъ свой я славлю Тебя, Вышній мой, славлю великолѣпное солнце Твое, море Твое и землю, Твою звѣзду, я пою Тебѣ, и кланяюсь и иду въ слѣдъ величія Твоего и пусть ступитъ нога Твоя на слова мои. Скоро опуститъ солнце знамена свои передъ свѣтомъ вечернимъ Твоимъ и зажгутся иныя, тихія свѣтила Божества Твоего.» *(Замолчалъ)*.

Гелюнъ. Читай дальше.

1-й. Не довольно ли, гелюнъ?

Гелюнъ. Читай, пожалуйста.

1-й. *(читаетъ)*. «Пріими же духъ Твой, который Ты вселилъ въ меня, и вдохни его въ новаго человѣка и покажи ему, какъ Ты показалъ мнѣ, дали Твои, широты Твои, святости Твои. И не казни его любовью земною»...

Гелюнъ. Довольно, давай сюда.

(Беретъ листокъ, подходитъ къ столбу и нѣсколько секундъ думаетъ. Потомъ снимаетъ свою молитву и на ея мѣсто вѣшаетъ молитву Эргардта. Свою же укрѣпляетъ ниже ея).

1-й. Совѣсть зазрила, гелюнъ, да?

(Вдали выстрѣлъ).

Пауза.

Пом. Кто-то по зайцу саданулъ.. Вѣдь вотъ заяцъ живетъ, живетъ...

Прокуроръ. Замолчи анафема!

Пом. Молчу.

Пауза.

2-й. Идетъ вечеръ. Съ нимъ — сонъ.

1-й. Сны мимолетные, сны беззаботные...

2-й. Природа каждый день пріучаетъ человѣка къ смерти. Засыпая, ты ложишься въ гробъ. Просыпаясь, — воскресаешь. И развѣ такъ страшна смерть? Сонъ.

1-й. Слушайся Alexandr'a!

2 - й. Чаю воскресенія мертвыхъ...

1 - й. А еще жизни? да еще въ будущемъ вѣкѣ?... нѣтъ... фр...фр...

Пауза.

Гелюнъ. *(встрепенувшись).* Кажись, вѣтерокъ малъ-малъ... *(слюнитъ палецъ и поднимаетъ его надъ головою. Торопливо выбиваетъ о сапогъ свою трубку, подходитъ къ столбу, обхватываетъ его руками и молитвенно склоняетъ голову).*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Impr. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris.